

С. С. Рассадин

Первые СЛАВЯНЕ

Славяногенез

Минск
Белорусский
Экзархат

УДК 930
ББК 63.3
Р24

По благословению
Высокопреосвященнейшего Митрополита Минского и Слуцкого,
Патриаршего Экзарха всея Беларуси
ФИЛАРЕТА

Научный редактор
кандидат исторических наук *С. П. Витязь*

Рецензенты:
доктор исторических наук *В. А. Федосик;*
кандидат исторических наук *А. М. Медведев*

Рассадин, С. Е.
Р24 Первые славяне. Славяногенез / С. Е. Рассадина. — Минск :
Белорусский Экзархат, 2008. — 288 с.

ISBN 978-985-511-084-3.

Тайна происхождения славян на протяжении веков волнует многие умы. В рамках данной работы доктора исторических наук Рассадина С. Е. учтены и рассмотрены все основные версии происхождения славян и выдвинута собственная оригинальная концепция славяногенеза.

Новизна подачи материала не оставит равнодушными не только специалистов, но и всех читателей, которых интересуют загадки истории.

УДК 930
ББК 63.3

ISBN 978-985-511-084-3

© «Белорусский Экзархат». 2008
© Подготовка. ООО «Харвест». 2008

ВВЕДЕНИЕ

6546 год от сотворения мира, или 1038-й от Рождества Христова... Над Золотыми воротами в Киеве вознеслась церковь Святого Благовещения. Вскоре после освящения этого храма под его сводами прозвучала вдохновенная, и даже, как сказали бы теперь — программная — речь, или, по-славянски, «слово», а именно «Слово о Законе и Благодати». Произнес ее пресвитер Илларион, будущий глава древнерусского православия. «Повесть временных лет» сообщает под 1051 г.: «Постави Ярославъ Лариона митрополитомъ русина, въ святей Софьи, собравъ епископы». До этого пост митрополита Киевского и Русского последовательно занимали исключительно приезжие византийцы. Однако великий князь киевский Ярослав, в крещении Георгий, прозванный Мудрым, эту традицию прервал, добившись избрания и утверждения Иллариона-«русина», т.е. восточного славянина. Восточнославянской государственности, тогда еще очень юной, требовалась надежная идеологическая опора. В опоре духовной нуждались не только князья и боярство, но и все восточные славяне поголовно. Ведь они с таким трудом расставались с извечным своим язычеством, выходя, наконец, из «мрака идольского» и «тьмы бесслужения», как оно было названо самим Илларионом в упомянутой речи 25 марта 1038 г.

После крещения Руси в 988 г. такой опорой должна была стать католическая ортодоксальная (т.е. по-гречески. Вселенская Православная) Церковь. Во главе ее находился Святейший Архиепископ Константинополя-Нового Рима и Вселенский Патриарх. Во времена Ярославов и Илларионов им был, с 1043 по 1058 год. Михаил Керулларий — протеже и ближайший советник византийского императора Константина Девятого. Также и другие византийские патриархи несмотря на «вселенский» титул на практике блюли, прежде всего, интересы своей империи, издавна претендо-

вавшей на роль супердержавы. Княжеству Киевскому, принявшему святое Крещение из Византии, автоматически отводилась роль ее духовной провинции. Соответственно, в политическом отношении великий князь в Киеве должен был довольствоваться статусом вассала своего венценосного коллеги в Константинополе, или, по-славянски, Царьграде. Ярослава Мудрого такая схема, разумеется, категорически не устраивала. В том числе и поэтому он возводит в своей столице величественный Софийский собор, недвусмысленно подчеркивая тем самым претензию Киева на точно такой же статус, как и у Константинополя с его Айя-Софией (Святым храмом Божественной мудрости). Политический лидер Руси настаивал, что и над его родиной эта Мудрость воссияла также! Лидер духовный, каковым тогда, несомненно, являлся Илларион, конечно, тоже не мог смириться с той ролью, которая отводилась «греческими» (т.е. византийскими) клириками его пастве и соотечественникам-славянам. Известно, что многие из этих греческих церковнослужителей относились к таким новообращенным, как впоследствии миссионеры к окрещенным туземцам. «Місіянер казаў, што хоць чорныя і малодшыя браты белых, але ўсё ж такі браты, і Бог любіць іх усіх, — гаворыцца в популярнай павеці нашэго беларускага пісатэля Янкі Мавра. — Вось, напрыклад, чаму белыя вышэйшыя, дужэйшыя, багацейшыя за ўсіх? Таму, што яны пакланяюцца адзінаму сапраўднаму Богу і слухаюцца Яго закону. А чаму чорныя ніжэйшыя? Зразумела, таму, што яны не ведаюць хрысціянства. І першы наказ хрысціянства — гэта любіць усіх і слухацца старшых. Але сярод вас часта здараецца, што вы не любіце і нават не слухаеце сваіх старшых братоў — белых і т.д., і г.д.»¹. Царьград в свое время также стремился к той же роли «цара зямлі».

Монополией на христианство не обладает никто — Илларион исходил, безусловно, из такого положения. Не называя прямо своих византийских оппонентов, он вступает с ними в

---

¹ Маўр Я. У краіне райскай птушкі. Аповесці. — Мінск, 1983. — С. 35.

бескомпромиссный и принципиальный спор, отстаивая равные права своего родного славянства. Да, вы — древний народ, у которого еще Константином Великим утвержден был христианский закон. Но вот удалось ли вам сохранить Благодать? «И подобало Благодати и Истине над новыми народами воссиять, — утверждает Илларион. — Ибо не вливают, по словам Господним, вина учения нового, благодатного в мехи ветхие, обветшавшие в иудействе: прорываются мехи, и вино вытекает. Не сумевшие удержать тени Закона, столько раз поклонявшиеся идолам, как удержат учение истинной Благодати! Но новое учение — в новые мехи, новые народы: и сберегается то и другое. Так и есть»¹. Получается, что наш духовный пастырь основывался вовсе не на распространенном и поныне представлении о глубокой древности славян. Скорей как раз наоборот, и это вовсе не случайно. Издревле славяне предпочитали не древность, а юность, и национальный мыслитель Илларион, естественно, разделял традиционную точку зрения соотечественников. И все мы с детства знакомы с нею, например, благодаря чудесному «Коньку-Горбунку» П. П. Ершова:

...У старинушки три сына:
 Старший умный был детина,
 Средний сын и так и сяк,
 Младший вовсе был дурак.

Однако победителем в конце концов оказался именно этот младший:

...Твоего ради талана
 Признаем царя Ивана!

Великий князь Владимир Святославич умер в 1015 г., ровно за восемь столетий до рождения автора этих поэтических строк. Однако он поступил практически полностью в соответствии с ними. Из своих одиннадцати сыновей наследником

---

¹ Илларион. Слово о Законе и Благодати. — М., 1994.

своего «золотого стола» Владимир выбрал именно младшего, Бориса (в крещении Романа). Таким образом предопределилась дальнейшая судьба этого князя-страстотерпца, ставшего вместе с братом Глебом одним из двух первых на Руси святых. Владимиров выбор в пользу Бориса Нестор-летописец объяснял просто, по-человечески: «...потому что любим был отцом больше всех»¹. Однако вот и Чингисхан незадолго до своей смерти в августе 1227 г. точно так же обошел четверых старших сыновей, завещав коренной улус, т.е., собственно, Монголию, своему младшему — Тулюю. В 1341 г., согласно «Хронике Быховца», Великое княжество Литовское и его главный город Вильно достались, опять же, младшему сыну Гедимина Явнутию (в крещении Иван)². Таким образом, универсальный обычай минората (наследование отцовского имущества младшим в семье) соблюдался не только славянами. «По рассказам скифов, — писал Геродот, — народ их моложе всех» (Herod., IV: 5). И скифы этим, по всей видимости, очень гордились, как, наверное, и славяне. Почему мы забыли о своей принадлежности к «новым народам», что сугубо подчеркивалось, кстати, также и самим Илларионом?

Противоположное минорату, право майората было чрезвычайно характерным именно для Западной Европы. Типичным является случай, использованный Ш. Перро в качестве сюжетной завязки для «Кота в сапогах». Там говорится, буквально, следующее: «Один мельник, умирая, оставил трем своим сыновьям мельницу, осла да кота. ...Старший получил мельницу, средний — осла, а самый младший — кота». Соответственно, в случае смерти феодала все владения отходили единственному наследнику, а именно старшему сыну, а его младшие братья должны были устраивать свою судьбу самостоятельно. По этому правилу наследовался также и титул. Герцогский титул именно таким образом унаследовал отнюдь не всемирно знаменитый впослед-

¹ Повесть временных лет / Пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова Ч. 2. — М., Л., 1950.

² Хроника Быховца / Пер. Н. Н. Улащика. — М., 1966.

ствии Уинстон Леонард Спенсер Черчилль. И все из-за того, что его отец был не первым, а лишь вторым сыном седьмого герцога Мальборо. Однако из-за отсутствия у его двоюродного брата наследника мужского пола Уинстон Черчилль целых двадцать лет не терял права получить титул и родовое поместье Мальборо. Но и то, и другое в конце концов досталось новорожденному Джону Спенсеру Черчиллю, вошедшему в историю главным образом благодаря этим обстоятельствам. На Руси (и в России) все княжеские дети с возрастом становились князьями.

Славянской аристократией активно заимствовались западноевропейские гербы и титулы, обычаи и образ жизни, мораль и идеалы. Ее привилегии также обосновывались именно древностью происхождения. «Дворянское название есть следствие, истекающее от качества и добродетели начальствовавших в древности мужей», — говорится, в частности, в так называемой Жалованной грамоте дворянству, изданной императрицей Екатериной Великой 21 апреля 1785 г. Особенно популярным было не просто древнее, а именно иноземное происхождение, из-за тридцать земель — чтобы нельзя было проверить. В «Петре Первом» воспроизведен характерный спор в боярской думе XVII в.

— Род наш — от князя Лычко! В тринадцатом веке вышел из Угорской земли Лычко-князь с тремя тысячами копеечников.

— Врешь! Истинную несешь небылицу, князь Мартын! ...Черт его, князя Лычко, видел, как он вышел из Угорской земли...

Интересно отметить, что и для славянства, как такового, историческая родина подыскивалась где-нибудь подальше от былинного Киев-града. Дальше мы еще остановимся подробнее на соответствующих различных теориях, помещающих нашу якобы прародину и на Дунае, и на Висле, и на Волге. Небезынтересно также, что представления о древности собственного происхождения были широко распространены не только в дворянской, но также и в народной, крестьянской среде. Несмотря на то что молодость славянства вполне осознавалась и пропа-

гандировалась еще в XI в., вплоть до недавнего времени белорусская деревня владела иллюзией с противоположным содержанием. В одном из наших народных преданий говорится о поселении белорусов между Днепром и Двиной, когда «яшчэ свет толькі зачынаўся»¹. Удивительно, но в унисон с этими народными представлениями звучали также и вполне научные, казалось бы, гипотезы. «Авторы академической «Всемирной истории» с гордостью сообщали, — пишет на этот счет С. Е. Эрлих, — что ископаемый Человек умелый с Русской равнины был умелее своего западного собрата. Видимо, подразумевалось, что именно от столь древнего «предка» все «есть пошло». Во всяком случае, официальный историограф Б. А. Рыбаков тянул непрерывную линию «происхождения славян» едва ли не из неандертальских древностей Приднепровья»². Однако нам, по-видимому, лучше основываться не на этой мифологеме, а, например, на ясной идее юности славянства, изложенной в «Слове о Законе и Благодати».

На наш взгляд, Илларионовы мысли находят полное подтверждение в достоверных (подчеркнем!) источниках по славяногенезу. И проблема здесь, очевидно, вовсе не в источниках: она в самих исследователях, в ряде случаев, по крайней мере. Так, например, свою трилогию Л. Д. Поболь назвал не иначе, как «Славянскими древностями Белоруссии»³. Однако название это несколько ее содержанию не соответствовало, ведь она была целиком посвящена зару-

---

¹ Адкуль пайшлі беларусы // Беларуская народная творчасць. Легенды і паданні. — Мінск, 1983. — С. 78—79.

² Эрлих С. Е. Поклонение волхвам (опыт динамического структурализма) // Stratum plus Петербургский археологический вестник. 1997.

³ Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры). — Минск, 1971; Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии (могильники раннего этапа зарубинецкой культуры). — Минск, 1973; Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии (свод археологических памятников раннего этапа зарубинецкой культуры — с середины III в. до н.э. по начало II в. н.э.). — Минск, 1974.

бинецкой культуре, как выяснилось, безусловно, неславянской. Здесь весьма характерен основной аргумент автора: «Абсолютное большинство археологов относят эту культуру к раннеславянским племенам». Фактически он оказался заложником мнения прежнего большинства, которое под воздействием новых научных данных постепенно, но неуклонно превращалось в абсолютное меньшинство.

Еще одной мифологемой нашего сознания (и народного, и научного) является убеждение не только в древнем, но и в чрезвычайно благородном происхождении всего славянства. Подсознательно мы исходим из того, что наши предки — это, во-первых, богатыри, которые «распасли суть» Русскую землю и, во-вторых, святые, наподобие преподобной Ефросинии Полоцкой. Впрочем, подобное преувеличение, по-видимому, свойственно не только нам, наоборот, оно, скорее, универсально. «...Те, кого мы называем византийцами,— писал Л. Н. Гумилев об одном таком явлении,— сами себя называли «ромеями», т.е. «римлянами», хотя говорили по-гречески. Постепенно в число ромеев влилось множество славян, армян, сирийцев, но название «римлян» они удержали до 1453 г., т.е. до падения Константинополя. «Ромеи» считали римлянами именно себя, а не население Италии...»¹. Естественно, им тоже удобнее было считать своим предком не того самого солдата-исавра, что по приказу императора Льва Третьего рубил мечом святые иконы, а некоего мученика первых веков христианства; некоего вообще-то никогда не существовавшего римского гражданина, а не своего собственного, но полузабытого, дедушку-скамара (разбойника).

Миролюбие, якобы отличавшее славян от всех прочих «варваров», — это еще один глубоко укоренившийся миф. В соответствии с ним предполагалось, например, что славяне не завоевывали, а мирно заселяли обезлюдившие провинции Византии южнее Дуная, а имперское правительство очень дорожило такими подданными, интересовавшимися лишь обработкой земли. «Такое мнение не соответствует ни дей-

---

¹ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. — СПб. 2002. — С. 79.

ствительному характеру славян, ни существу взаимных отношений между империей и славянами на Балканском полуострове, — утверждалось классиком византиноведения Ф. И. Успенским. — Фактически происходили опустошительные набеги славян из-за Дуная...»¹. Среди ранневизантийской житийной литературы имеется повествование о мученичестве Орентия и его братьев, создание которого принято относить к VI в., т.е. как раз к эпохе первых набегов славян на империю. «...В одно из селений той местности, — сказано в этом житии об этих самых язычниках, — пришли славяне и в день воскресенья ворвались в церковь. Когда чин литургии был окончен и священник причащал народ, нечестивые захотели похитить святые и страшные тайны Христа, Бога нашего. Священник же тот, насколько был в силах, противодействовал им. Злобные враги сказали ему: «Зачем вы так надеетесь на это, неужели это Бог ваш? Тот им сказал: «Это плоть Того, Который есть истинный Бог». И смеялись над ним нечестивые те, говоря: «Неужели не стыдно вам, уповающим на то, что после переваривания становится калом?» Он же сказал: «Да не будет этого перед Богом, никогда не поверим, что это так». Когда те выслушали это, заставили съесть все частицы и сразу после этого распороли ему, еще живому, живот, но ничего из тех частиц не нашли там. Увидя это, они удивились этому воистину чудному из чудесных явлению, вышли из деревни той и, не уведя никого в плен, спешно удалились оттуда»². Из теперешнего нашего далека мы должны не только искренне ужаснуться содеянному этими славянами, но и не менее искренне пожалеть их, еще пребывавших во мраке идольском, который был, поистине, ужасным... И мы в любом случае не можем отказаться от собственных предков, каковы бы они ни были. Отказавшись, мы тем самым откажемся, конечно, и от самих себя.

¹ Успенский Ф. И. История Византийской империи VI—IX вв. — М., 1999. — С. 245.

² Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2. — М., 1995. — С. 512—513.

Я — прародитель Ботани-Бей. Ломит в костях На склоне дней.	Под бешеным солнцем Колодцы рыл, Скалы дробил, Кандалами звеня.
Я в старину Вздыхал целину, Чтоб вы имели Свою страну.	Нация встала Из-за меня! Под ласковым солнцем Ботани-Бей
Я — каторжанин, Собрат беды. Смотрите — всюду Мои следы:	Косточки греет На склоне дней Старый-старый Ворчун, нелюдим...
Леса я валил И пути торил,	Позор тому, Кто гнушается им!

Австралийцы долго страдали от комплекса неполноценности из-за факта происхождения от подобных ссыльных каторжников. Но трогательное и мудрое стихотворение Мэри Гилмор, которое мы цитируем здесь в переводе А. Сергеева, показывает, как этот комплекс был успешно преодолен. Гнушаться собственными предками не к лицу не только австралийцам, но, конечно, и нам, потомкам тех самых славян. И мы точно так же должны знать о них правду, а не разнообразные выдумки. Такой выдумкой Л. Н. Гумилев считал, например, извечную, якобы, «борьбу леса со степью»¹. Согласно этому мифу, конфликт земледельцев-лесовиков с их кочевыми соседями есть некое производное, просто-напросто, от различия самих ландшафтов. Кстати,

---

¹ Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. — М., 2002. — С. 421 сл.

звонящие блоковые строки — одно из следствий этого нелепого мифа:

...Свирепый гунн
в карманах трупов будет шарить,
жечь города и в церковь гнать табун,
и мясо белых братьев жарить!

Итак, типичные номады гунны, казалось бы, представляли собой врага, самой судьбою назначенного типичным земледельцам славянам. Но ведь рассматриваемый поэтический пример поражает своей неточностью. Какой был смысл загонять в храм коней, ведь они могли покалечить ноги уже на паперти... О гуннском каннибализме (даже о ритуальном, как у скифов) абсолютно никаких известий нет. Скорей всего, в поэтическом сознании как-то трансформировались известия о том, что гунны питались «полусырым мясом всякого скота, которое кладут между своими бедрами и лошадиными спинами и скоро нагревают парением» (Amm. Marc, XXXI: 2, 3). Примерно так же вялили мясо ковбои, положив его под седло. Одним из первых этот процесс описал Аммиан Марцеллин, современник нашествия гуннов на Европу в IV в. Кстати, выворачивать карманы «белых братьев» они никак не могли, поскольку эта важная деталь европейского костюма впервые появляется лишь в XVII в. Согласно готскому историку Иордану, в IV в. гунны были лучшими друзьями славян. Но и для европейцев в IV—VI вв. они еще не были символом жестокости и дикости. Наоборот, гуннам старательно подражали, в том числе и жители тогдашней культурной столицы Европы — Константинополя. В VI в. «гуннская» прическа стала для константинопольских щеголей последним писком. «Волосы на голове они спереди остригали вплоть до висков, а сзади, словно массагеты, позволяли им свисать в беспорядке очень длинными прядями,— пишет Прокопий Кесарийский.— По этой причине такую моду называли гуннской» (Procop., Hist.

Argana, 8). Веком раньше местные модники щеголяли в расшитых «гуннских» сапогах, о чем с негодованием отзывался решительный противник роскоши святой Иоанн Хризостом (Златоуст), избранный в 398 г. архиепископом Константинопольским. Примерно то же самое наблюдалось не только на востоке, но и на западе Европы. В 1653 г. в городе Турне (на территории современной Бельгии) была обнаружена могила короля франков Хильдериха, личность которого засвидетельствована присутствием его именной печати. «Одежда и снаряжение короля Хильдериха, — пишет И. Буна, — демонстрирует восточную пышность. Часть оружия и украшений были, видимо, личным подарком Атиллы...». Под влиянием гуннской «пышности» в Европе входит в моду так называемый полихромный стиль, когда вся поверхность изделия покрывалась геометрическим орнаментом из золотых рамок со вставленными в них плоскими цветными камнями или стеклами (техника «клуазоне»).

Дело в том, что славяне, извечно находясь между Западом и Востоком, уже в силу своего происхождения принадлежали и тому, и другому. Этому объективному историческому факту подчинена архитектура нашей книги. Ведь мы в ней попеременно обращаемся к обеим составляющим формирующегося славянства — как к европейским западным по происхождению, так и к восточным азиатским. Непростая архитектура требует обычно использования самых разнообразных материалов. Нашим «строительным материалом» стали многочисленные факты из области антропологии, археологии, античной и средневековой истории, исторической лингвистики, номадоведения, ориенталистики, скифологии, славистики, топонимии, тюркологии, эпиграфики, этногеографии, этнографии и т.д. Все перечисленные научные дисциплины принадлежат к точным или даже к чрезвычайно точным. Однако их результаты, как правило, имеют не количественное, как в математике, а качественное, описательное,

выражение. Конечно, этим их восприятие значительно затруднено, но ценность и достоверность оттого отнюдь не снижаются. Мы сознательно отрицаем допустимость какого-либо упрощения сложных и сугубо научных вещей. В самом деле, кто ни разу в жизни не слышал про Аттилу или не знает, что популярный у «челноков» Стамбул и есть бывший Константинополь, пусть вначале заглянет, например, в какую-нибудь энциклопедию. Так наше издание, адресованное в первую очередь подготовленному читателю, сможет послужить благому делу общего просвещения. Однако уже пришла пора познакомить читателя с нашим главным героем — ранним славянством.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как не хотелось мне, чтобы снова получился очередной разговор с «ученым коллегой» о чем-то своем, далеком от интересов, так сказать, широкой общественности. Но тогда ей надо элементарно помочь добавлением указателей: имена, названия. Добавить еще что-то наподобие сценария компьютерной игры. Тем более, что в подобных сценариях, как правило, копируется реальный ход истории. Их авторы обычно не утруждают себя выдумыванием чего-то нового. Возможно, и правильно делают... Тогда будущий читатель уж точно не испугается всех этих Юстинианов, авар и т.п. Как в игре: Варвары, Империя, Кочевники, соответственно. Тогда сложная древняя история будет восприниматься просто-напросто, как уже сделанная игра, притом, детско-юношеская!

Мне осталось только пустить эту идею в оборот! Итак...

Уровень первый

Империя. В действительности это был, конечно, сам Древний Рим в зените своего могущества. На рубеже II в. до н.э. он превратился в мировую державу, а в начале II в. н.э. после последнего из великих завоеваний (захват современной Румынии) от расширения своих владений перешел к их обороне.

Варвары. В их роли на этом уровне выступают в основном германские племена. Однако древние авторы не очень-то отличали их от кельтов или галлов. И с теми, и с другими, кстати, пришлось столкнуться и самому «божественному» Юлию Цезарю, т.е. тому римлянину, которого каждый знает еще со школьной скамьи. С другой стороны, с германцами часто смешивали многие племена в лесах где-то за Скифией, вплоть до загадочных феннов, или финнов.

Игровое поле. Оно у нас должно копировать реальные ландшафты Южной, Центральной и даже Северной Европы, т.е. территории, на которых жили и действовали исторические римляне и их противники в течение указанного трехсотлетия. Итак, мы имеем дело с поистине гигантской империей. Само Средиземное море служило для нее внутренним озером. Вокруг него все без исключения страны были просто-напросто имперскими владениями. Внешняя граница этих владений в Европе тянулась вдоль всего Рейна и Дуная. Но территория империи была не только огромной, но и чрезвычайно богатой и удобной для жизни. Ни тундры, ни тайги, ни пустынь внутри нее не было. Наоборот, она располагалась, пожалуй, в оптимальных климатических условиях. Империя занимала, во-первых, теперешние курортные зоны на Средиземноморском побережье — Испанию, Лазурный берег Франции, Хорватию, Грецию, Турцию и т.д. Во-вторых, территорию, которая была ограничена положительной изотермой января. Это невидимая, но прочная и устойчивая атмосферная граница, проходящая примерно через середину Европы. К западу от нее январская температура практически всегда плюсовая. Очень удобно для ведения сельского хозяйства, бывшего тогда естественной основой экономики. Пшеницу, вино и масло империя имела в изобилии...

Естественно, варвары тоже хотели туда, где хорошо зревает виноград, где среди олив — белые дома под черепичными крышами... Потому что сами они ютились, в лучшем случае, в деревянных постройках, где под одной тростниковой крышей и жилье, и хлев для скота. А вокруг дремучие леса и непролазные болота. Но это еще ничего, потому что привычно! Северное или Балтийское море — они, конечно, холодные, зато ведь свои... Но история людей неотделима от истории природы.

Завязка. Что привело на этом уровне в движение обоих наших игроков? Из естественной истории известно, что климат на нашей планете, в том числе, конечно, и в северном полушарии, подчиняется определенным закономерностям. Он

периодически изменяется: сухой и теплый климат так называемой регрессивной фазы сменяется холодным и влажным климатом фазы трансгрессивной. В историческую эпоху такие пики трансгрессии Балтийского моря приходятся на III в. до н.э. и на III в. н.э. В позднейших скандинавских сагах подобное красноречиво названо «веком страшной зимы». Когда весной снег не таял, и лежал потом все лето и осень... Когда надо было забыть об урожае. И это еще не все. На варваров напало... море. И победило их. Прибрежные жители Германии сперва заселили все мало-мальски пригодные возвышенности, и вскоре такие «терпы» им пришлось возводить уже искусственно. На них едва хватало места для двора, но не для поля с выгоном. Залитые постоянными дождями, прежние уголья стали болотами или просто морским мелководьем.

В Германии, простиравшейся в древности от Рейна до Вислы, все пригодные земли были заселены давным-давно. Не зря же у ее обитателей существовал обычай: когда какое-либо племя умножалось и его земля уже не могла всех прокормить, то по жребию определялась одна треть соплеменников, которая должна была уйти неотложно и безвозвратно. Куда? Конечно, только на благодатный теплый юг! Говорят, что солдаты империи — хорошие бойцы? Ерунда! Ведь перед боем они поголовно напяливают на себя тесные кирасы, а на башке у каждого медный шлем. Значит, трусят! Перед нашей отвагой и дерзостью нельзя устоять, а в битве быстротой и силой мы подобны огню! По своему обычаю, варвары бросались в сражение вообще полностью обнаженными, с одними мечами...

Сюжет, варвары вынуждены напасть.

Империя контратакует и громит их

Игровой эпизод № 1. Сперва варвары поперли прямо на империю, и притом всем скопом — с женами, детьми и даже с домашними животными. Бойцы империи, в основном, смуглые брюнеты, удивлялись тому, что у варваров даже дети, подобно старикам, беловолосы. И еще они были по-

давлены наглостью этих голубоглазых блондинов: варвары накануне сражения со смехом спрашивали солдат, не желают ли те что-нибудь передать своим женам, ибо скоро они будут в Риме. Все закончилось ужасным разгромом. Варвары голыми руками хватались за мечи своих противников, но были безжалостно истреблены. Когда солдаты, преследуя бегущих, достигли вражеского лагеря, то они увидели там ужасное зрелище: женщины варваров в черных одеждах стояли на повозках и убивали беглецов— кто мужа, кто брата, кто отца, потом собственными руками душили маленьких детей... Варвары предпочитали смерть рабству в империи, однако десятки тысяч их оказались в плену и стали-таки рабами. Итак, энергия варваров, в конечном счете, была полностью аннигилирована внутри империи. И в нашей игре она сразу уверенно повела в счете.

Игровой эпизод № 2. История повторяется! В 1942-м вермахт просто на Москву уже не лез, а двинулся далеко в обход. Во II в. до н.э. варвары, именуемые бастарнами, тоже предприняли похожий маневр, отправившись не прямо на империю, а сперва... на нашу Припять и на Днепр у теперешнего Киева, Гомеля, Могилева. Здесь они живо разделались с основной массой местных. Последние после падения повелительницы, великой Скифии, остались совсем бесхозными и беззащитными. В результате их земли и воды оказались в руках воинственных пришельцев, расположившихся с возможным удобством на захваченных городищах. Кстати, их обязательно надо как-то встроить в *игру*. Что такое городище, многие из моих читателей представляют и сами. Иногда в лесу, иногда непосредственно рядом с деревней, но обязательно около водного источника имеются «городки», «окопы», «батареи»— обычно геометрически правильные площадки размером не более полугектара, обведенные невысоким, до метра, валом. Две тысячи лет назад на нем стоял деревянный частокол, а за ним теснились бревенчатые домики, окружавшие незастроенную площадку, служившую также загоном для скота. Как правило, сразу за частоколом было городищенское кладбище:

захоронения пережженных костей в урнах-горшочках или просто в ямочках. Бастарны, захватив, ограбив и спалив такую «крепость», устраивали на ее месте свое собственное городище, обычно защищенное немногим лучше, не одним, а двумя валами, например.

Однако так жестоко варвары расправились далеко не со всеми нашими древними земляками. Кое-кому удалось с ними не только поладить, но и породниться, однако мы не можем теперь перейти на следующий уровень. И их новым друзьям, и самим варварам еще предстоит выжить в столкновении с империей. Впрочем, по текущим итогам *игры*, им удалось значительно укрепить свои позиции: теперь у них имеется надежная тыловая база в глубине материка, куда можно отступить и там гарантированно спастись от мести империи. Вряд ли ее легионы способны дойти до Полесья!

Игровой эпизод № 3. Читатель, представьте себе, что Вы — варвар! Даже вождь варваров. Представили? Тогда подумайте: стоит ли губить свой народ, снова подводя его под римские мечи? Большого ума на это не надо, а вот овладеть желанными богатствами юга, но избежать губительного столкновения с империей — это, несомненно, была бы игра высокого класса... Что наш главный варвар вскоре и продемонстрирует. Кстати, звали его Клондик; согласитесь, это древнегерманское имя запоминается гораздо легче, чем те заковыристые немецкие, которые все мы выучили наизусть благодаря «Семнадцати мгновениям весны». Древних названий пугаться, наверное, вообще не стоит, ведь все депо здесь в простой привычке. А события, с которыми мы сейчас познакомимся благодаря *игре*, отнюдь не сложнее, чем то же наше прославленное партизанское движение. Разве что происходили они не столь интенсивно и растянулись во времени, но это объясняется просто-напросто техническим уровнем эпохи. От Припяти до Дуная пешком много-много дней топать и топать, а потом еще в самую Македонию... Это в компьютерной игре все легко: раз — и они уже там!

Без малого сто лет (с перерывами) Македония воевала с империей, и вот в 182 г. до н.э. варвары выступили ей на помощь. Их число достигало 20 или более тысяч, т.е. целой пехотной дивизии. На этот раз к границам империи отправились исключительно одни мужчины, а их жены, дети, старики-родители и домашние животные были оставлены дома. Это была не массовая миграция, а, скорее, военно-коммерческое предприятие. При этом все участвующие в нем варвары должны были надлежащим образом быть вознаграждены при любом исходе — и в случае победы, и в результате поражения. Ведь соплеменники Клондика прибыли к македонскому царю как «контрактники». По договору царь был обязан рассчитаться с каждым варваром сполна, и притом чистым золотом. Однако этот Персей Македонский недаром прослыл известным жадиной. Подозревают, что он с самого начала задумал «кинуть» доверчивых партнеров. Пусть эти дикари сначала завоюют для Македонии соседнюю с ней Дарданию, а потом отправятся в Италию, где всем им и придется сгинуть... В любом случае македонские деньги останутся целы, надо лишь слегка затянуть указанный в контракте расчет. Но Клондик, не дав провести своих варваров, потребовал расчета еще в Дардании. Так и не получив всего обещанного, варвары сполна компенсировали это грабежом македонских владений на обратной дороге. Домой они добрались благополучно. А вот Персей попал впросак, оказавшись лучшим стражем для своих денег, чем для своего царства. Оставленное обманутыми им союзниками, оно стало легкой добычей империи. Она полностью овладела также и Балканским полуостровом, а потом перешагнула через Дунай. Император Траян создал там великолепный плацдарм, покорив в 101—106 гг. очередную варварскую страну — Дакию.

Игровой эпизод № 4. В нашу игру врывается ее третий основной участник — *кочевники*. В 56 г. на империю попробовали напасть кочевые роксоланы, буквально — «блестящие», или «светлые», аланы. В аланов, к слову, переименовались современные осетины, но ведь они, как и все

кавказцы, очевидно, вовсе не светлые. Аланы среди их предков действительно есть, но не физических, а языковых. Осетинский произошел от аланского, как диалект ямайских негров — от английского... Роксоланы ничего общего с джигитами не имели, будучи облачены не в черкески, а в тяжелые, почти рыцарские, панцири, которые защищали также их коней. Но, загнанные на лед замерзшего Дуная зимой 69 г., эти бронированные всадники тоже были наголову разбиты. Империя нашла управу и на кочевников.

Уровень второй

В нашей игре первый уровень явно остается за ней, однако и у противников империи имеются определенные достижения. Главное, что им удалось уцелеть, сохранив свой основной потенциал. А на втором уровне — даже значительно его увеличить. Этот уровень начался для империи с досадной неприятности...

Игровой эпизод № 5. Свою древнюю свободу Греция, в общем, променяла на безопасность. В ее когда-то вольных городах стояли имперские гарнизоны, вернее, должны были стоять. Эти войска периодически куда-то отвлекали, потому что никому и в голову не приходило, что кто бы то ни было может угрожать этой провинции в самой глубине империи. Греки и думать не думали, что может повториться трагедия 279 г. до н.э. Тогда совершенно внезапно, откуда-то от неизвестных пределов населенной земли явились ужасные галлы... Варвары ограбили даже храм в Дельфах, за что великие боги наслали на святотатцев то ли смертельную болезнь, то ли безумие. Четыре (!) века спустя дельфийская история давным-давно была уже среди многочисленных античных мифов, которым в 171 г. н.э. мало кто из греков и верил, а зря! Потому что откуда ни возмись явились варвары с далеких гор. совсем дикие, одетые в козлиные шкуры и панцири из конских копыт. Кажется, они называются костобочками? Долгое время они безнаказанно творили грабеж и насилие, и даже разорили храм в Элевсине, который, как и

дельфийский, также располагался в самом сердце Эллады. Одним словом, эпизод № 4 очень напоминает печально известные рейды чеченских боевиков. Шайка вовсе не многочисленна, однако беззащитное мирное население оказывается в полной ее власти. А потом шайка костобоков безнаказанно уходит в свои дикие горы, то ли в Альпы, то ли в Карпаты. Там они были вне досягаемости для войск империи.

Игровой эпизод № 6. Престиж империи непременно должен быть восстановлен! Губернатору пограничной имперской провинции Корнелию Клеменсу была поручена организация «карательной» операции. Империя изобрела правило «разделяя, властвуй» и всегда им руководствовалась. Так пусть и теперь одни варвары в горах убивают других варваров. Клеменс вступает в переговоры с вандалами, проживавшими тогда на территории современной Польши. Он соблазняет простодушных варваров обещанием земель и богатств, если только они придут и поселятся в имперской Дакии, которой Клеменс имеет честь управлять... Однако сперва надо наказать этих разбойников костобоков, справиться с которыми вам, великим воинам, будет совсем не трудно! Итак, Клеменсова интрига, возможно, была близка Персеевой, которая стала сюжетом нашего игрового эпизода № 4. Наверное, вожди вандалов, братья Рай и Рапт, как и Клондик, подвох разгадали, и тоже не хотели быть только орудием в чужих руках. После костобоков пришла очередь империи: варвары разоряют ее провинцию— Дакию. Клеменс угодил в им же вырытую яму. Но неким утешением могла служить поимка костобокского царька, который вместе со своим семейством был отправлен в Рим в качестве заложника.

Игровой эпизод № 7. На фоне этих событий совершенно теряется одновременный процесс языко- и народообразования, незаметно протекавший где-то на краю тогдашнего света, а именно в лесных дебрях на теперешнем белорусско-российском пограничье. Между тем он имел гораздо большее значение, чем все сражения и битвы наших преды-

дущих игровых эпизодов. В этом эпизоде наши игроки занялись, наконец, не войной, а миром. Познакомились, подружились, переженились. Это были потомки уже известных нам древнегерманских бастарнов. Назвались они, наверное, венетами, а их партнеры голядью. Голядь принадлежала к древним балтам, как и пруссы — донемецкое население теперешнего российского эксклава в Прибалтике. Дети непременно чем-то похожи и на отца, и на мать, однако кого-то из родителей полностью никогда не копируют. Вот и у нас получились не балт и не германка, а кто-то третий. Этому третьему и суждено было дать начало всем нам, славянам! Однако, чтобы это произошло, обязана была появиться Аннушка, чтобы разлить свое масло.

Игровой эпизод № 8. В истории славян ее роль сыграли... сяньби. Так китайцы называли древних монголов. В 155 г. ими беспощадно истребляются, прогоняются вон древнетюркские хунну, но здесь никто не виноват, кроме климата. Если варваров заливало, то кочевники, наоборот, мучились без воды. Тогда Гоби неумолимо надвигаются на цветущие степи Маньчжурии и Монголии. Водопои становятся солончаками, а зеленые пригорки, где скот так хорошо нагуливал жирок, превращаются в барханы. У кого кони отощали больше, тот проигрывал, и должен был отступать по степи все дальше на запад. До тех пор, пока не встретится еще более слабая орда. Хунну, или, по-европейски, гунны, с Дальнего Востока откатились к самой Волге, через которую они и переправились около 360 г. Масло разлилось... Поскользнуться и больно удариться было суждено знакомым нам аланам и особенно готам (точнее, остготам). Пройдя от Балтики по следам бастарнов, они закрепились не только на Припяти и Днепре, но и на большей части теперешней Украины. И вот это обширное королевство практически мгновенно гибнет под трамваем нашествия кочевников. Вряд ли славяне по этой причине особенно горевали, скорее наоборот. Ведь Германарих, жестокосердный король остготов, приказывал разрывать конями даже жен отправших от него вождей. Потому-то

славяне и стали «антами» кочевников, т.е. их боевыми товарищами, на языке последних. 375 г. можно считать годом их рождения. Уцелевшие готы предприняли против славян карательную операцию, но за своих новых друзей вступились кочевники. Итак, текущий эпизод нашей игры завершается очень драматично: последний готский король умирает, пораженный стрелой прямо в лоб самим гуннским ханом.

Уровень третий

Им охватывается период в следующие триста лет. На этом уровне нас тоже ждет калейдоскоп событий, названий, имен, однако со всем этим мы довольно легко разберемся, ведь один игровой эпизод по-прежнему последовательно будет сменяться другим. Мы станем свидетелями постепенного угасания мощи империи. Свидетелями того, как этим вовсю пользуются как варвары, так и кочевники, не упускающие, однако, случая хорошенько подраться друг с другом. А под шумок славянство тоже получает свою долю добычи.

Игровой эпизод № 9. Граница империи проходит теперь непосредственно по Дунаю. Кочевники еще не успели его достигнуть, как империя из-за них уже жестоко пострадала. Спасаясь от гуннов, готы и аланы переправляются через Дунай в качестве беженцев. Однако вскоре варвары повели себя как им и положено, опустошая приютившие их провинции. Император Валент вынужден был лично пойти на них войной, но 9 августа 378 г. на самых подступах к столице, около Адрианополя, латная конница варваров наголову разбивает пешие легионы империи. Среди погибших оказался даже сам император. Победители получили статус союзников империи, а также обширные земли для поселения, в том числе и в ближайших окрестностях Нового Рима— Константинополя. Знатные гото-аланы стали генералами империи. Таким образом, и этот уровень начался явно не в ее пользу. Правда, преемнику Валента, Феодосию, удалось несколько стабилизировать империю.

В 394 г. он побеждает Арбогаста, германского генерала на имперской службе.

Игровой эпизод № 10. При ничтожных Феодосиевых наследниках дела империи круто пошли вниз. А между тем следующие полвека были в имперской истории едва ли не самыми трудными. И кочевники, и варвары от грабежа Империи перешли к ее разрушению и завоеванию. В 405 г. варвары, числом до 300 000, двинулись непосредственно в саму Италию. Радагайс, их предводитель, будто бы поклялся принести на алтарь своих богов кровь всех римских сенаторов. Но полчища язычников были рассеяны. На этот раз Господь спас от них и Вечный город, и Италию. Ее соседку ожидала, однако, совсем иная участь. В новогоднюю ночь 31 декабря следующего, 406 года армии аланов и вандалов переходят Рейн. И вся Галлия запылала, как один костер. Варвары проследовали дальше в Испанию. Однако вскоре они опять вторглись в Италию. Темной ночью 24 августа 410 г. рабы открыли римские ворота королю вестготов Алариху. Захват врагами города, устоявшего перед самим Ганнибалом, стал для патриотов империи ужасным потрясением. Однако настоящие ее беды начались, когда власть над гуннами перешла к Атилле. Вообще-то, складывается впечатление, что он чувствовал себя не только повелителем и кочевников, и варваров, но также господином всей империи. Ведь его войска подходили под стены как Константинополя, так и Рима, но Бич Божий, кажется, просто пренебрегал взятием этих имперских столиц. Ведь империя и так выплачивала ему дань. Правда, одной из секретных целей имперского посольства к Атилле в 448 г. было, по возможности, его убийство. Правда, царя кочевников удалось не убить, а только разбить, когда его орды в 451 г. вторглись в Галлию. Там на Катуланских полях их победили объединенные силы империи и части варваров. Атила вскоре умер (от инсульта?), а бывшие союзники не замедлили напасть на его наследников. В 454 г. на реке Недао в Паннонии они их разгромили. Эллак, старший Атилиин сын, пал в сражении. Кстати, к чести антов, их не было среди

этих победителей, а это значит, по-видимому, что своих гуннских друзей они не предали.

Игровой эпизод № 11. Итак, империя оказалась в полу-разрушенном состоянии. Но ее разрушение дорого стоило врагам. Варварам удалось образовать лишь сравнительно небольшие и враждующие друг с другом королевства, а держава кочевников ненадолго пережила своего создателя, Аттилу. Альтернативы империи из нее не получилось. В 463 г. Константинополь принимал посольства многих племен, которые пришли на запад из глубины степей по следам гуннов и были им непримиримо враждебны. Складывались условия для окончательной ликвидации политического наследия Аттилы. Его младший сын, Денгизик, был вынужден в 468—469 гг. вести с империей войну. Эта война на Дунае была проиграна кочевниками вчистую. Константинополь торжествовал, ведь в Европе империя опять стала единственной сверхдержавой. Правда, ей сильно досаждали варвары, угнездившиеся в самом ее сердце. Как и с гуннами, покончить с остготами надо было срочно. Целых сто лет прожили они на Балканах, однако империя родиной для них так и не стала. Но вожди варваров достигли в ней высокого положения, вплоть до установления опеки над самим императорским тронном, куда они сажали своих ставленников. Один из последних, по имени Лев, в «благодарность» перебил свою готскую лейб-гвардию и покончил с засильем ее главарей во дворце. В отместку часть этих варваров, предводительствуемая Теодорихом Триарием, в 479 г. безжалостно опустошает Фракию вплоть до подступов к столице. Император Зенон приглашает из-за Дуная вновь прибывших кочевников с тайной целью использовать их против готов. И вот в 475 г. кочевое тюркское племя булгар, или болгар, впервые появляется на Балканах. Вскоре они действительно ссорятся с готами, и их непримиримая вражда растягивается на целое десятилетие, пока в 487 г. король Теодорих, впоследствии прозванный Великим, не разбивает этих кочевников в кровавом сражении на реке Ульке (где-то в теперешней Хорватии). Однако сразу вслед за этим Теодорих уводит

свой народ с Балкан на завоевание Италии. Казалось бы, империи снова удалось достичь желаемого результата, однако не тут-то было! Болгары быстренько поссорились также и с византийцами, и в 499 г. наголову разбили на реке Тцуре, тоже в нынешней Хорватии, иллирийскую армию империи. Таким образом, кочевники начали конкурировать с ней уже непосредственно на самом Балканском полуострове. И в этом конным болгарам активно помогает легкая славянская пехота.

Игровой эпизод № 12. Тяжеловооруженные всадники, чьих коней также защищала броня, на поле боя были подобны разве что танкам. Они, как известно, грязи не боятся, но, если отсечь пехоту, становятся весьма уязвимыми для различных противотанковых средств. Эффективное использование бронированной кавалерии также всегда предусматривало поддержку пехоты, а она у кочевников обычно отсутствует. Кочевники принаровились пускать славян впереди себя. На протяжении всего VI в. их нападения на империю чередуются с нападениями на нее кочевников, что, собственно, и составляет содержание текущего игрового эпизода, а во многом также и следующего. Подробности мы намеренно опускаем: пускай читатель сам найдет подробности в тексте, к примеру, детективной истории Хильбудия и лже-Хильбудия. Покровительствуемые болгарами, славяне исподволь приобретают немалое самостоятельное значение. Иначе не стал бы сам император Юстиниан I заключать с ними в 545 г. союз, направленный против племени кутигуров. Во время войны с Персией в 555—556 гг. некоторые славяне уже служат в войсках империи. На солдатских и младших командных должностях они неплохо воевали на территории теперешней Грузии. А Юстиниану Великому были очень нужны хорошие воины, и в возможно большем количестве. Ведь им претворялась в жизнь программа восстановления империи в ее прежних границах. Ему удалось отобрать у варваров Италию, часть Испании, римскую Африку, многие острова в Средиземном море. В 558 г. к нему в Константинополь прибыло диковинное по-

сольство, немало насмешившее зевак своим бабьим видом. Это стало прологом многим несчастьям славянства...

Игровой эпизод № 13. «...Были же эти обры (т.е. авары. — *СР.*) велики телом, и умом горды, — жалуется наш летописец, прежде чем рассказать об их издевательствах над покоренными славянами и славянками. — Бывало, когда поедет обрин, то не позволял запрячь коня или вола, но приказывал впрячь в телегу трех, четырех или пять (славянских) жен и везти его — обрина...» В империи авар по старой памяти часто именовали гуннами. Однако славяне одних с другими навряд ли так путали. Вместо гуннского покровительства и защиты от кочевников они получили теперь тяжкое иго. Славяне должны были не только кормить авар и давать им своих женщин, но также за них воевать. Так, в 668 г. славяне вынуждены были напасть на империю по приказу аварского «царя». Военную добычу надлежало сдать ему. Надо было срочно все это менять! И Господь не дал погибнуть славянству. Во-первых, против господства авар взбунтовались болгары, нанеся им огромный урон. Но еще больший урон они понесли от... зеленого змия. В Паннонии, т.е. на территории теперешней Венгрии, авары познакомились с культурой винограда, и им так понравилось пить вино, что надменные кочевники вскоре оказались не в состоянии противостоять окружавшим их многочисленным врагам. Могущественное некогда племя вымирает. «И есть, — говорит летописец, — поговорка на Руси и донине: "Погибли, как обры"», их же нет ни племени, ни потомства. А славяне — есть и будут!

Отец лжи нашептывает доверчивым
невеждам, что в истории нет правды...
Л. Н. Гумилев. «Этногенез и биосфера земли»

ГЛАВА I

ПЕРВЫЕ ПОИМЕННО...

§ 1. Их имена древнегерманские

Конечно, начинать этногенетическое исследование с именослова не принято, но мы поступим именно так. И у нас сразу состоится персональное знакомство с вероятными ближайшими сородичами наших собственных предков. Этнос, пусть даже и древний, — это вовсе не безликая биомасса, а люди, и общественно признанная индивидуальность каждого воплощается прежде всего в его личном, собственном, имени. Кроме того, сами по себе имена в состоянии рассказать очень и очень многое. Например, только благодаря личным именам, зафиксированным в клинописных источниках, Г. А. Меликишвили удалось установить этническую принадлежность знаменитого древнего царства Урарту¹.

Личное имя довольно часто указывает на этнос его носителя, и это свойство используется уже издавна, правда, отнюдь не всегда удачно. Так, П. Шафарик считал великого византийского императора Юстиниана Первого (рис. 1) славя-

---

¹ Меликишвили Г. А. Древневосточные материалы по истории народов Закавказья. I. Наири — Урарту. — Тбилиси, 1954. — С. 365—370.

Рис. 1. Изображение императора Юстиана Первого на его монете

нином, который «...в своей стране назывался Управда, или Вправда (Оупрѣиѹда), что во всем соответствует его латинскому имени, потому что *jus, justitia* по-древнеславянски правда...»¹. На имена Юстиниановой родни, *Izlok* (Исток), *Ві҃уленіца* (Бегленица), *Лопткѣнѣ* (Любкыня), его отца, матери и тетки соответственно, ссылались не только А. Гильфердинг и К. Иречек, но и Н. С. Державин². Последний, наверняка, спекулятивно. Не приходится

сомневаться, что Н. С. Державин, конечно, читал «Лекции» русского византиниста А. А. Васильева. А там специально подчеркнуто: все эти якобы славянские имена позаимствованы из рукописи, приписанной Юстинианову современнику, а на самом деле сфабрикованной в XVII в.³

Иногда попытки историко-филологической интерпретации имен оборачиваются не просто неудачей, а настоящим курьезом. Образцом здесь служит общеизвестная псевдопатриотическая «этимология»: Рогволод = «Валадар рога»⁴. С ее помощью, однако, этому летописному персонажу присваивается почетная историческая роль первого попавшего в источники белорусского князя. Но это оказалось возможным, во-первых, лишь путем игнорирования прямого смысла исторического источника: в данном случае, недвусмысленного географического указания «Повести временных лет». «Бе бо

¹ Шафарик П. И. Славянские древности. В 2 т. Т. 2, кн. 1. / Пер. с чешск. О. Бодянского. — М., 1848. — С. 257.

² Гильфердинг А. Ф. Собр. соч. в 4 т. Т. 1. — СПб., 1868. — С. 7; Иречек К. История болгар. — Варшава, 1877. — С. 75; Державин Н. С. История Болгарии. Т. 1. — М. — Л., 1945. — С. 65.

³ Васильев А. А. Лекции по истории Византии. Т. 1. Время до эпохи крестовых походов (до 1081 г.). — Пг., 1917. — С. 123.

⁴ Ермаловіч М. І. Старажытная Беларусь. — Мн., 1990. — С. 70 сл.

Рогьволодъ,— сказано в ней,— пришесть из Заморья...»¹. Летописное «Заморье» — это, безусловно, Скандинавия за Балтийским морем. «Заморьем», противоположном «Поморью» на южном берегу Балтики, она именовалась еще полтысячи лет спустя после Рогволода. Например, в 1514 г. в договоре Московского государства с Ганзой было сказано: «...с сей стороны Поморья и с оной стороны Заморья»². Так же игнорировались и хорошо известные памятники династической антропониимии. Ведь это личное имя — Rongwald или Raungwaldar — является неотъемлемым элементом королевского именника средневековой Скандинавии. Например, Ронгвальд, или Раунгвальдар, Эйстейссон (830—890 гг.) — ярл области Моэр в Средней Норвегии; Ронгвальд, король Хадленда, сын Харальда Хальфдансона (Харальда Прекрасноволосого), короля Норвегии (858—934 гг.), Ронгвальд, сын Инге Первого Старшего, короля Швеции вплоть до 1110 г. Героем Orkneyinga Saga («Саги герцогов Оркнейских») является не только ярл Ренгвальд Брусасон (1011—1045 гг.), но и Ренгвальд Коли Кольссон, или Sankt Rongvald, канонизированный в 1192 г.³ Наконец, в-третьих, игнорировалась сама очевидная германская принадлежность этого имени-композиата. По крайней мере, одна из двух его основ — «Vald» — вполне ясна. Она означает «владеть», «господствовать»: как, например, в древнем лангобардском Valthari или же в современном немецком и английском Walter. Вторая, менее ясная основа «Ragn» означает, возможно, «божество» — как и в других древнесеверных именах Ragnar, Ragnelf, Ragnfast и т.д.⁴ Таким образом, Rangvald — это древнесеверное «Власть богов».

¹ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Т. 1. — М., Л., 1951. — С. 51.

² Нечволодов А. Сказания о Русской земле. Ч. 3. — СПб., 1913. — С. 245.

³ Успенский Ф. Б. Имя и власть. Выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии. — М., 2001. — С. 95 сл.

⁴ Суперанская А. В. Имя через века и страны. — М., 1990. — С. 62; Топорова Т. В. Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. — М., 1996. — С. 13.

Но ведь за этим княжеским именем, безусловно неславянским, надо видеть исторический факт установления в восточнославянском городе Полоцке и его волости господства пришельцев из Скандинавии. Разумеется, княжение на Двине ярла Ронгвальда не было каким-то изолированным явлением. Например, согласно исландскому хронисту XIII в. Снорри Стурпуссону, позднее другой скандинав с таким же точно именем Ронгвальд правил в Ладоге. После смерти этого Ронгвальда Ладожского в 1030 г. ему наследовал его сын Эйлиф¹.

Таким образом, некоторые характерные элементы в составе аристократической антропонимии Древней Руси X—XI вв. отчетливо запечатлели истинный характер ее исторических связей с воинственными германоязычными норманнами. Однако теперь представляется бесспорным, что германский этнический элемент в пределах современной Беларуси был представлен еще задолго до эпохи викингов, и раньше самого вселения сюда славянства — уже с середины II в. до н.э.² Именослов же антов и склавенов IV—VI вв. н.э. вовсе не напоминает привычный нам славянский. По замечанию Д. И. Иловайского, в нем невозможно отыскать ни Святополков, ни Святославов³. Как это было удачно подмечено А. Г. Кузьминым, «имена, конечно, не всегда совпадают с языком их носителей (достаточно обратить внимание на наши собственные имена). Но они всегда помогают понять историю данного народа»⁴. Действительно, как раз на этот счет имеется, например, оригинальное свидетельство готского историка Иордана. «...Ведь все знают и обращали внимание, — писал он, — насколько в обычае у племен перенимать по большей части имена: у римлян — македонские, у греков — римские, у сарматов —

¹ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. — М., 1951. — С. 70.

² Рассадин С.Е. Венеты и бастарны — *Barbaricum*. — 1992. — Т. 3. — С. 9—20.

³ Иловайский Д. И. Разыскания о начале Руси / Изд. 2-е, испр., с присоединением вопроса о гуннах. — М., 1882. — С. 519.

⁴ Кузьмин А. Г. Падение Перуна. Становление христианства на Руси. — М., 1988. — С. 139.

германские. Готы же преимущественно заимствуют имена гуннские» (Iord., *Getica*, 58—59). Безусловно, германская антропонимия интересующей нас эпохи представляет собой довольно сложный комплекс.

Между прочим, считается, что собственно гуннские, т.е. западнотюркские антропонимы в именослове готов, как и других восточногерманских народов, напрочь отсутствуют. Поэтому Иорданово замечание «*Gothi plerumque mutuuntur (nomina) Hunnorum*», понимается как иносказание— и совершенно напрасно. Хотя бы потому, что древнегерманский именослов, в отличие от раннеславянского, принципиально схож как раз с древнетюркским. По замечанию Б. Х. Мусукаева, у славян в именах преобладали компоненты «добр», «свет», «свят», «мир», «слав», а у древних германцев на первом месте были, наоборот, имена воинственные. Точно такая же особенность была характерна и для тюркской антропонимии, что и послужило причиной популярности таких имен, как, например, Токмак— «булава», Клыч— «меч», Джарбаш— «рубящий головы», Санжар— «пронзающий», Кугуз— «бешеный» и т.д.¹

По нашим собственным наблюдениям, по крайней мере один достоверный тюркизм в готском именослове присутствует, и это имя Иорданова деда. Как сообщает сам историк, родитель его отца звался Пария (Iord., *Getica*, 661—662). Считалось, что имя *Paria* «не поддается пока объяснению»². Однако «парий» означает овчарку особой тюркской породы, и сейчас известную в Балкарии и Карачае. Итак, мы должны допускать, что от тех же готов славяне могли позаимствовать также и имена изначально древнетюркские.

В отличие от тюркских, об аланских по происхождению антропонимах хорошо известно, что у готов по обе стороны Дуная они были в большом ходу. Иначе быть и не могло, поскольку алано-готская метисация зашла очень далеко уже к

¹ Мусукаев Б. Х. Балкаро-кабардинские языковые связи. — Нальчик, 1984. — С. 109.

² Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica* / Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Ч. Скржинской. — СПб., 2001. — С. 661.

III в. Такой генеалогией обладал даже император Максимин (235—238 гг.). «Варварского происхождения были также его отец и мать, — пишет Юлий Капитолий. — Первый, по преданию, был родом из Готии, а вторая — из аланов. Имя его отца, говорят, было Микка, а матери — Габаба» (Jul. Capit., Maxim. duo, I, 5—6). Вождей, стоявших во главе остготского нашествия на Фракию в 378 г., звали Алатей и Сафрак (Amm. Marc., XXXI: 3, 3; *lord.*, *Getica*, 134), т.е., согласно Г. В. Вернадскому и Р. Венкусу, у них были аланские имена¹. Князя аланов, вторгшегося в Галлию в 406 г., звали Гоар; полтора века спустя это же имя носил также и один знатный остгот, уроженец Италии, взятый византийцами в плен и сосланный в Египет. Около 550 г. в компании с лангобардским принцем Ильдигизом он совершил побег из самого Константинополя (Procop., *De Bell. Goth.*, IV: 27). Среди фракийских готов вплоть до переворота 471 г., приведшего к власти императора Льва Исавра, имелась могущественная фамилия, в которой из поколения в поколение чередовались аланские имена Аспар и Ардабур. *Аотар* (Asp+ar), согласно В. И. Абаеву, означает «Добывающий лошадей», а *Арδαβούριος* — «Обладающий многим ардом» (ard — «божество, которым клянутся»)². Но такая же основа имеется и в германских именах. Например, славнейшего, согласно Иордану, короля гепидов, а также личного друга самого Атилы, звали *Ardaricus*, или же *Ardarichus* (*lord.*, *Getica*, 199). В этом же ряду оказывается и *Арδαуástος* — так звали славянского вождя, совершившего в 585 г. грабительский набег на Византию (Theophyl. Simocatta, I: 7, 5; VII: 4, 13).

Итак, несомненно, что именно от германцев в раннеславянский именослов могли проникнуть весьма разнообразные антропонимические заимствования. Какие же конкретно имена мы должны здесь рассмотреть? Может быть, это покажется странным, но как раз те, которые издавна приня-

¹ Вернадский Г. В. Древняя Русь. История России. — М., Тверь, 1996. — С. 96; Wenskus R. Stammesbildung und Verfassung. — Köln, Graz, 1961, 1973. — S. 123.

² Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. — М., Л., 1949. — С. 155, 157.

то считать стопроцентно славянскими. Таковым выглядит, к примеру, имя Володаря Глебовича, князя Минского в XII в.¹ Но ведь оно практически тождественно достоверно германскому *Oúáldarhs* (Валдар). Так звали, например, короля лангобардов, царствовавшего в 539—546 гг. (*Procop., De Bell. Goth., VII: 35, 17*). «Мы не раз замечали,— писал Д. И. Иловайский, — что чем дальше в древность, тем более общего должно встречаться в именах немецких и славянских, по их арийскому родству и тесному исконному соседству»². Действительно, иногда германские и славянские имена очень похожи друг на друга. Согласно Иордану, имя пятого короля из рода Амалов, который и привел готов в желанный Ойум у Понта, было *Filimer* (*lord., Getica, 26*). Согласно П. Шафарiku, именем одного из сербских жупанов IX в. было *Φαλίμέρης*. «Судя по имени, — писал он также, — думаю, что патриций Анагаст (*Anagastus*), т.е. Оногост (547), упоминаемый Иоанном Биклярским, и известный из Прискова похода против славян греческий полководец Татимир (592—593), были тоже природные славяне, потому что оба эти имени славянские, весьма часто встречающиеся у наших предков». «Анты, Всегьрд и Доброгост, — утверждал он в другом месте своего труда, — предводительствовали греческим войском и флотом в войне против персов»³. Со временем это мнение П. Шафарика приобрело характер некоего первоисточника. В частности, как и П. Шафарик, Г. В. Вернадский также считал византийского генерала Анагаста, победившего младшего сына и наследника Атилы хана Денгизика, именно славянином⁴. Эти идеи «буржуазной» науки по вполне банальной причине хорошо сохранились в советской историографии. На своеобразную зависимость от ее непосредственных предшественников имеется одно весьма любопытное указание. «Н. С. Державин, — писал В. Т. Сиротенко, — все без исключения сведения древних источников о древних болгарях

¹ Насонов А. Н. Ук. соч. — С. 153.

² Иловайский Д. И. Ук. соч. — С. 519.

³ Шафарик П. И. Ук. соч. — С. 256—257, 422.

⁴ Вернадский Г. В. Ук. соч. — С. 97.

взял из работы В. Н. Златарского, о чем свидетельствуют ссылки в его книге. При этом Н. С. Державин воспринял целый ряд положений Златарского...»¹. Поэтому неудивительно, что и антропонимические выкладки советского академика и автора официальной «Истории Болгарии» лишены какой бы то ни было оригинальности². Этот случай был отнюдь не единичен. Так, по Д. И. Иловайскому, «славянскому словопроизводству» поддаются имена даже готов и гуннов³. Соответственно, по В. В. Мавродину, в эпоху великого переселения народов из тех же готского и гуннского источников «...славяне, по-видимому, унаследовали имена своих вождей Владимир (или Володимер), Межамир, Добромир и т.д., аналогичные готским Валамиру, Теодимиру, Видимиру и др., гуннскому Валамиру — имена, несомненно, славянского происхождения...»⁴.

Также и современные слависты придерживаются мнения, что тогда и позднее в источниках «фигурируют люди, которые, с одной стороны, причисляют себя к народу славян, а с другой — носят имена, достаточно убедительно этимологизируемые из славянского». Как, например, Πειρουάτος в «Истории» (VII: 5, 4) Феофилакта Симокатты, на которого ссылается С. А. Иванов⁵. Славянская этимология этого имени была предложена польским лингвистом С. Распондом, когда им было предпринято комплексное рассмотрение практически всех известных имен раннего славянства конца IV — середины VI вв. Итак, Пейрагаст, по С. Распону — это аналог древнерусских имен Перенегъ и Переславъ. Прокопиево Χιλ(ι)βουόδιος было прочитано им как славянское «Хвалибудъ»,

¹ Сиротенко В. Т. Основные теории происхождения древних болгар и письменные источники // Ученые записки Пермского государственного университета им. А. М. Горького. 1961. Т. 20. — Вып. 4. — С. 13.

² Державин Н. С. Ук. соч.

³ Иловайский Д. И. Ук. соч. — С. 212.

⁴ Мавродин В. В. Образование древнерусского государства. — Л., 1945. — С. 62.

⁵ Иванов С. А. Откуда начинать этническую историю славян? (по поводу нового труда польских исследователей) // Советское славяноведение. — 1991. — № 5. — С. 7.

означающее «Пробуждающий славу». Κελαγαστός или Κελαγαστής, превращается С. Распондом в славянское Kaligostъ, от «kaliti», т.е. «делать горячим». Впрочем, наиболее оригинально этимологизировано им имя Bos: как bos, т.е. Bosek, Bosik, Bosak — просто «босяк»¹. Это выглядит довольно странно, особенно если учесть, что, согласно Иордану, этот Bos, или Boz, был rex antorum — король антов (lord., Getica, 246). Это напоминает о старинной славянской же «этимологии» ханского имени Аспарух, сопоставлявшегося Ю. Венелиным с разговорными «сплюх», «лежух», «ленюх», а также с «конюх» и даже «кожух»². Однако и более поздние попытки истолкования древних и средневековых личных имен, согласно В. Т. Сиротенко, «своими приемами чем-то напоминают гадание прорицателей на внутренностях животных в лагере Аттилы накануне Каталунской битвы»³.

При этом, кроме всего прочего, исследователей подстерегало одно опасное искушение, поскольку иногда неславянские имена звучат совершенно по-славянски даже без адаптации, предпринятой С. Распондом. Это, например, Barzimer. Этот «Борзимир» был вовсе не славянином, а римским офицером в чине трибуна skutariев. Согласно Аммиану Марцеллину, ему в 373 г. императором Валентинианом поручается преследование беглого армянского царя Пары (Amm. Marc, XXX: 11—17). Caius Antistius Veter, римский консул, заведомо не мог быть славянином, равно как и квестор Sergius Bassus Dobrota. Ни в коем случае не славянка также и ханша Побег, вдова последнего правителя Второго тюркского каганата, несмотря даже на то, что она возглавила побег остатков своей разгромленной орды в Китай в 756 г.⁴ Но наравне с такими созвучиями и совпадениями имеет место

¹ Raspond S. Słowiańskie imiona w źródłach antycznych // Lingua Poznaniensis, 1968. Т. 12/13. — С. 99—117.

² Венелин Ю. И. Влахо-болгарские или дако-славянские грамоты, собранные и объясненные на иждивении И. Р. А. Юрием Венелиным, — СПб., 1840. — С. 156.

³ Сиротенко В. Т. Ук. соч. — С. 5.

⁴ Гумилев Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. — М., 2002. — С. 251.

ситуация как раз противоположная. Источники — Менандр, Прокопий, Феофан, Феофилакт и пр., отметил Н. С. Державин, называют славянских князей Давренция, Хальбуда, Акамира, Ардагаста, Музока и пр. — имена, которые без этих свидетельств трудно было бы назвать славянскими¹.

Результаты этнолингвистической интерпретации этих, а также других раннеславянских антропонимов, помещены в соответствующих комментариях в фундаментальном издании «Свод древнейших письменных известий о славянах»². Там приводится и вся нужная библиография, вплоть до недоступной составителям свода публикации Б. Струминьского. Но мы получили ее благодаря любезной помощи проф. К. Карнап фон Борнхайма (Шлезвиг, Германия), за что выражаем ему нашу глубокую благодарность. Данная публикация по существу представляет собой альтернативу интерпретациям С. Распонта. Например, уже для первого из имен, проанализированных польским исследователем — *Bos* или *Boz*, — предлагается не славянская, а именно германская этимология. Б. Струминский ссылается, в частности, на то, что у вестготов существовало женское имя *Bōsō*, означавшее, вероятно, «Волшебница». Его мужским эквивалентом могло быть *Bös*, или *Bōsa* (англо-саксонское *Bōsa*, VII в.)³. Добавим еще, что в X в. знаменитый епископ Титмар упоминал о своем предшественнике на мерзенбургской кафедре по имени Бозо. Такое же имя носил один из королей Бургундии⁴. Имя франкского посла было записано Феофилактом Симокаттой как *Βοοζ* (*Theofylakt.*, VI: 3, 6). *Guntramn Bozon* многократно упоминается Григорием Турским в его «Истории франков» (*Greg. Turun.*, *Hist. Franc.*, V: 14 сл.). Как видим, имеется достаточно данных, чтобы предположение о германском происхожде-

¹ Державин Н. С. Ук. соч. — С. 170.

² Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1 и 2. М., 1991.

³ *Struminns'kvi B. Were the Antes Eastern Slavs? // Harvard ukrainian studies. Volume III / IV. 1979—1980. Part 2. — P. 789.*

⁴ Успенский Ф. И. Первые славянские монархии на северо-западе. — СПб., 1872. — С. 160; Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. — Пг., 1919. — С. 13.

нии имени предводителя антов конца IV в. вполне могло конкурировать с его этимологизацией на славянской почве.

Впрочем, популярностью гораздо большей, чем побежденный и распятый Бож, пользовался другой ант — Хильбудий — вернее, юный славянский самозванец, присвоивший себе имя заслуженного византийского полководца, который погиб около 533 г.¹ Важно, что это имя зафиксировано не только в повествовании Прокопия Кесарийского о готских войнах, но и надписью на надгробном кресте из Константинополя: Χιλιβούδιος υἱός Σανβατίου τελευτά μηνί Νοεμβρίου κη' ΙΝΔΕ Ζ' Γαμετή Χιλιβοδίου («Хильбудис, сын Санватия. Умер 28 ноября 7 индиката. Жена Хильбудиса»)². Несостоятельность истолкования Χιλιβούδιος → Xvalibudъ → «Пробуждающий славу» следует, согласно Б. Струминьскому, уже из того, что в нем предполагается номинальный элемент, тогда как в реально существовавших славянских он всегда обязательно вербальный: Xvalibogъ, Xvalimigъ, Xvalislavъ. Германские же аналоги, напротив, совсем не такие гипотетические, а засвидетельствованные исторически: Χιλιβούδιος — верхненемецкие Hilibodo / Hildibodo, «Вестник сражения», VII в. Готский его эквивалент звучал, возможно, как Hil (i) baudeis и был, согласно Б. Струминьскому, популярным именем среди воинственных восточных германцев VI в.³ Но совсем не древнегерманским, а аланским было, скорей всего, второе имя в надписи на мраморном кресте из Константинополя: Σανβατίος, о котором речь пойдет в следующем параграфе.

Как и лже-Хильбудий, славянином был, по Агафию, честно сражавшийся в рядах императорской армии во время войны Византии с Персией в 555—556 гг. некий Δαδραγέζας (Agath., III: 6, 9). Согласно З. Штиберу, это имя «в современной польской фонетике» было бы Dobrojazda⁴. Но тем убедительнее на таком фоне выглядит германская этимологизация этого раннесредне-

¹ Литаврин Г. Г. О двух Хилбудах Прокопия Кесарийского // Византийский временник. — 1986. — Т. 47. — С. 512.

² Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. — С. 232.

³ Struminns'kyj В. Ук. соч. — Р. 790.

⁴ Stieber Z. Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich. — Warszawa, 1979. — S. 18.

векового антропонима. Gaiza, согласно М. Фасмеру, означает в древнегерманских именах «Копье». Δαδραγέζας восстанавливалось им как Dapragaiزاز — «(Владеющий) тяжелым копьем»¹. Представляется допустимым, кстати, что та же первооснова — Δαδρα/Dapra — присутствует также и в другом антском имени, Δαυρέντιον, или Δαυρίτας (Menander, fr. 48). Согласно Б. Струминьскому, параллель этому Dapragaiزاز можно видеть в готском имени предводителя обрушившегося на Италию в 405 г. двухсоттысячного варварского полчища (Zosim., V: 26; Oros., VII: 37, 4) — Ροδουάισος/ Raragaisus — «(Владеющий) легким копьем». К VI в. относится вестготское Gesalecus — «(Танцующий) с копьем», а также остготское уменьшительное Gesila — «(Владеющий) маленьким копьем»². Интересно, что «копьевые» имена германского происхождения до сих пор сохраняют свою большую популярность: Оскар (Ans-gar) — «Копье асов»; Geir-гу — «Копьевая (валькирия)»; Геральд — «гар» (копье) + «вальдан» (властвовать, повелевать); Гертруда — «гар» (копье) + «труд» (сила); Герхард, Жерар — «гар» (копье) + «хард» (сильный, отважный); Ed-gar — «Удачливое копье»; Sig-geir — «Копье (магического) могущества/подчинения»³.

Славянизированная форма Dobrogostъ, конечно, заманчива, однако невозможна уже потому, что — γέζας греческой записью славянского gostъ никак не является⁴. Гораздо более близкой к нему выглядит γατος в таких именах славян VI в., как Αρδαγάστος, Κελαγαστός и Πετρογαστός (Theofylakt., VII: 5, 4; Menander, fr. 6). Но, с другой стороны, согласно, например, тому же Б. Струминьскому, германские имена с gastiz были столь же обычны, как и славянские с gostъ: франкское VIII в. Hartigast — «Твердый гость», остготское VI в. Cunigastus — «Семейный гость», франкское V в. Arvagastes — «Быстрый гость», хамавское IV в. Νεβίογαστος —

¹ Vasmer M. Beiträge zur slawischen Altertumskunde // Zeitschrift für slawische Philologie. Berlin, 1942. — Bd. XVIII. — S. 915.

² Struminns'kyj B. Ук. соч. — P. 792.

³ Супранская А. В. Ук. соч. — С. 185.

⁴ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. — С. 296.

«Новый гость» и т.д.¹ Кстати, имя Κελαγάστος уверенно сопоставлялось М. Фасмером с исторически засвидетельствованными германскими не только во второй, но и в первой своей части: с древнеанглийским Kall, древнесеверным Kalla². По Б. Струминьскому, если форма Celogostь целиком искусственна, то древнесеверное Heilgesti — «Здоровый гость» — засвидетельствовано источниками. Многократно упоминается в них также имя Αρβογάστος / Αρβοαγάστος / Arbogast. Этот антропоним тоже пытались, конечно, этимологизировать по-славянски. Он сопоставлялся и с названием языческого божества поморян, Redegost, и с древнеславянским личным именем Радогост-ъ, и с летописными топонимами наподобие Радощ и Оргощъ в Черниговской земле³. Однако вряд ли славянское имя мог иметь, в частности, член королевской семьи франков и, одновременно, знаменитый римский полководец. Этот Arbogast в звании главнокомандующего (magister militum) правил провинцией Галлия, претендовал на высшую власть во всей империи и насилу был побежден Феодосием I в 394 г. в жестокой битве на реке Фригидус. Другой Arbogast, тоже франк, был римским наместником (comes) города Augusta Treverum (Трира) в конце V в.⁴ В виде фамилии это имя пережило столетия: к примеру, в 1791 г. членом-корреспондентом Французской Академии избирается известный математик, Луи-Франсуа-Антуан Арбогаст.

Но, может быть, славянской параллелью этому имени надо считать средневековый южный и западнославянский антропоним Оногость? К тому же в Герцеговине есть местечко, а раньше была и жупа Оногост⁵. Это предположение П. Шафарик-

¹ Struminns'kyj B. Ук. соч. — P. 795.

² Vasmer M. Ук. соч. — S. 216.

³ Нерознак В. П. Названия древнерусских городов. — М., 1983. — С. 129, 145—146; Очерки истории культуры древних славян. — М., 1996. — С. 170.

⁴ Anton A. A. Arbogast, comes von Trier // Reallexikon der germanischen Altertumskunde. Erster Band. — Berlin, New York, 1973. — S. 406; Düwel K. Arbogast // Reallexikon der germanischen Altertumskunde. Erster Band. — Berlin, New York, 1973. — S. 405.

⁵ Шафарик П. И. Ук. соч. — С. 256—257.

ка полностью опроверг другой чешский славист — К. Иречек. Он тоже указал на один из южнославянских топонимов — замок Никшич в Черногории, который на сербскохорватском называется еще и Onogošt. В документах средневековой Рагузы он известен как Anagastum. Так назывался римский castrum, основанный здесь еще в IV в. Согласно К. Иречку, свое название эта крепость в провинции Далмация, входившей в 480—536 гг. в состав Остготского королевства, получила по имени какого-то из многочисленных Анагастов, одного из германо-готских вождей. Исследователь приводит также подобные производные названия поселений V—VI вв. в Южной Германии, например, Anegestingen в Вюртемберге¹. Αναγαστος, восточноримский magister militum, выступивший в 447 г. против самого Атиллы, упоминается Приском Понтийским и Иоанном Бикларским (Prisc, fr. 38 — 39; Joh. Biclar., fr. 423). Но ни тот, ни другой автор не называет его славянином — за них это сделали некоторые русские и советские историки. Зато у Приска приводится имя его отца — Ορνυϊσκιλος. Его пытались читать как «Унеслав», но чтение Amegisl, с древнегерманским Gisel (копье), очевидно, гораздо уместнее².

Точно так же, сверх источника, назван славянином и другой персонаж, Ουείγαρος. Сам же Агафий о его национальности сообщает лишь то, что он тоже был по происхождению варвар (βαρβάρος) (Agath., III: 6, 9). Известно, что в ромейской армии, состоявшей при императоре Юстиниане I почти сплошь из федератов, служили, кроме славян и антов, представители еще множества других «варварских» племен. Поэтому превращать представителя одного из них именно во «Всегърда», конечно, нет достаточных оснований. Считается, что праславянское гърдь как греческое -γάρδος отразиться не могло; было бы -γάρδος или -γούρδος, чего у Агафия, однако, нет³. С другой стороны, готское gard (дом, семья) легко можно увидеть в его

¹ Jiréček C. Gesichte der Serben. Bd. I. Gotha, 1911. — S. 53.

² Schönefeld M. Wörterbuch der altgermanischen Personen- und Völkernamen. Heidelberg, 1991. — S. 30.

³ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. — С. 404.

греческой записи: -ῥαρδος¹. Достоверность данной этимологии обеспечена богатым сопоставительным материалом, как современным (Berngard), так и историческим, включая имя лангобардской принцессы Visigarda (Paul. Diac, Hist. langobard., I: 21).

Не выдерживают проверки также и остальные, предположительно раннеславянские, имена, в том числе и на *mir/mer*. Что эта основа, конечно, вовсе не исключительно славянская, подтверждается газетой «Daily mail», вернее, именем ее владельца, лорда Ротемира. И в самом деле, особенно многочисленны соответствующие древнегерманские имена, например, готские Filimer, Tiodimer, Vidimer или же франкские Chlodomer, Sigimer, Chariomer и т.д. Все они обладают протогерманским окончанием *meraz* — «славный», которое, в соответствии с характерной для этого языка заменой *e* → *i*, в готском переходит в *mir* (*as*)². Этому правилу подчиняется, по-видимому, также имя предводителя гуннов Valamer/Valamir — «Славно названный» или, иначе, «Достойный похвалы» — из «Истории» Аммиана Марцеллина³. Видимо, подчиняясь неизбежной логике, имя посла к аварскому кагану переводили как Незамиръ⁴. В самом деле, ведь, по Менандру, этот Μεζάρηρος, «пустослов и хвастун, прибыв к аварам, изрек слова высокомерные и в чем-то даже наглые» (Menander, fr. 6). Тем не менее, согласно Б. Струминскому, имя этого горедипломата означало на языке готов «Величайший славный», поскольку его первый элемент идентифицирован с соответствующим готским прилагательным *maiza*, а во втором видно типичное для готского превращение *ai* → *e*⁵.

Как и Χιλιβοῦδιος, воевал против славян другой византийский командир, Τατίμερ (Theophylact., VI: 8, 3; VI: 10, 1; Theophan.,

¹ Tiefenbach H. Gardingus // Reallexikon der germanischen Altertumskunde. Zeinter Band. — Berlin, New York, 1988. S. 441.

² Naumann H. Altnordische Namenstudien. — Berlin, 1912. — S. 82.

³ Bóna I. Das Hunnenreich. Stuttgart, 1991. — S. 64; Beck H. Fraomar // Reallexikon der germanischen Altertumskunde. Neumter Band. — Berlin, New York, 1995. — S. 476.

⁴ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. — С. 329.

⁵ Struminn'skyj B. Ук. соч. — P. 793.

IV, V). И точно так же предположение о его славянской национальности, славянское его происхождение «строится исключительно на ложной этимологии этого имени, тогда как оно — отчетливо восточногерманского происхождения»¹.

Гораздо менее отчетливо происхождение у имени Оотроуї. Так звали одного из военачальников готского командующего Аспара. Во время переворота 471 г. командующий погиб, но Оотроуї, оставаясь верным даже мертвому и желая отомстить, неудачно пытался штурмовать сам дворец императора Льва Исавра. Тогда и возникла, по свидетельству Малалы, народная поговорка: «Нет у мертвого друга, кроме Остриса» (Malala, 372). Но исследователи считали этого соратника Аспара славянином, дополняя, так сказать, Малалу, у которого, возможно, речь идет о мести за соплеменника-гота. Ф. И. Успенским его имя транскрибировалось как «Острый»². Однако здесь, скорее, германские аналоги. Так, древнерусское «Стани (слав)» считается калькированным с германского *Stang*, т.е. «Острие»³. С другой стороны, король по имени *Ostrogotha* еще в первой половине III в. правил как остготами, так и вестготами. Согласно тому же Иордану, одну из внебрачных дочерей Теодориха Великого, родившуюся еще в Мезии, тоже звали *Ostrogotha* (Iord., *Getica*, 97; 297). Таким образом, она должна была быть младшей современницей Остриса. Или также еще и соплеменницей?

По замечанию Д. Н. Козака, зачастую в славянской истории германцам, как этносу, вообще не отводилось никакого места". Но многочисленные и разнообразные источники красноречиво свидетельствуют о длительном сильном военно-политическом влиянии различных германских племен, в частности, на Балканах. При Адрианополе 9 августа 378 г. гото-аланская тяжелая кавалерия сокрушила римскую легионарную пехоту.

¹ Свод древнейших письменных известий о славянах. — С. 51.

² Успенский Ф. И. История Византийской империи VI—IX вв. — М., 1999. — С. 293.

³ Суперанская А.В. Ук. соч. — С. 157.

⁴ Козак Д. Н. Взаємовідносини слов'ян і германців на території України в першій половині I тис. н.е. // Археологія. — 1993. — Вип. 2. — С. 24.

Сам император Валент пап в сражении, а его преемнику Феодосию I пришлось просить мира у «варваров». Готы получили земли, в том числе в Македонии и Фракии, вблизи самого Константинополя, и поселились здесь уже как союзники империи (foederati). В 420-х гг. из их среды выдвинулся род Аспаров-Ардабуров, представители целых трех поколений которого играли роль настоящих «сегунов» Византии (рис. 2). Зна-ток ее политической истории,

Рис. 2. Изображение Аспара Ардабура на серебряном блюде из Орбетелло

Ф. И. Успенский, писал, буквально, следующее: «Германские предводители дружин, достигшие высших военных постов в империи, каковы Аспар и Ардавурий, соединенные племенными и родственными узами с другими вождями, например, Ариобинд и Феодорих, сын Триария, ставили на императорские престолы своих приверженцев и сами не решались возложить на себя корону лишь из-за религиозных причин»¹. Действительно, согласно Прокопию, короноваться вместо Льва самому Аспару помешало лишь его арианство (Procop., De Bell. Vandal., I: 6, 3). Арианин Аспар, как сказано в житии св. Маркелла, был для «Церкви Христовой тяжел весьма, ибо много помогал арианам и озлоблял православных», пока «благочестивый» Лев Исавр, им же посаженный на трон, не организовал в 471 г. кровавый дворцовый переворот. Однако борьба за наследство Аспара продолжалась между различными готскими группировками вплоть до 487 г., когда основные силы готов ушли с Балкан в Италию. Императору Зенону пришлось добиваться дружбы обоих готских Теодорихов, как Амала, впоследствии Великого, так и его противника, Теодориха Страбона².

¹ Успенский Ф. И. История Византийской империи VI—IX вв. — М., 1999. — С. 187.

² Глушанин Е. П. Военная знать ранней Византии. — Барнаул, 1991. — С. 147.

Можно ли предполагать, что могущественные готы позволили утвердиться в империи еще одной этнической группировке — славянской? О каких-либо столкновениях славян с остготами на Балканах не упоминается ни в одном из источников. С другой стороны, известно, что сразу же по прибытии в конце V в. на Балканский полуостров протоболгар, приглашенных императором Зеноном с целью использовать их как противовес гегемонии готов, последние сразу же дают им смертельный бой. Полная победа осталась в 487—488 гг. за готами. Однако вопреки подобным известиям сложилась гипотеза об очень ранней славянизации Балкан — начиная уже с пятого столетия. Она оказалась чрезвычайно живучей, и ее рудименты присутствуют в некоторых современных изданиях, в том числе и претендующих на фундаментальность. «Некоторые лингвистические соображения, — писал В. В. Седов, — также дают основания для предположений о появлении первых славянских колонистов около середины V в.»¹. Но ведь соображения как раз из той же области языкознания, а именно ошибочная славянская этимологизация нескольких имен к ложным историческим выводам уже приводили. «Мы встречаем славянские собственные имена у самых высших сановников Византийской империи уже с начала V столетия, — писал один из классиков славяноведения К. Иречек. — Носящие их не были вовсе пришельцы или иностранные поселенцы, а люди, родившиеся на римской почве, отцы которых уже отличились в римских войнах; начальники войска, находившегося в 469 г. во Фракии, назывались Оногост (Αναγόστος) и Оструй (Οστρουϊ). Полководцы великого Юстиниана были большею частью славяне, притом родившиеся во второй половине V столетия. Доброгост (Δαβρογέσας, Αντράνηρ), Всегорд и Сварун (Σουαρούνας Σκλάβος ἀνήρ) отличились в персидской войне (555 г.)»². Идея славянской национальности Юстиниановых военачальников и фло-

¹ Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. — М., 1995. — С. 149.

² Иречек К. Ук. соч. — С. 75.

товодцев стала популярной. «Так, Доброгаст командовал флотом», — утверждал, например, А. В. Мишулин¹. Можно подумать, что славяне в VI в. имели в Восточной Римской империи такие же военно-политические позиции, какими на Западе германцы обладали одним-двумя столетиями раньше. Иногда знак равенства ставился уже без всяких обиняков: «Рим был завоеван германскими дружинами в V в., Византия была завоевана антско-славянскими дружинами в VI в.»². Очевидно, не случайно до сих пор упоминается, казалось бы, давно отвергнутое предположение о славянстве самого императора Юстиниана Первого³.

Однако попробуем обратиться к объективным данным. На римском Западе выдающиеся «варвары» на римской службе, такие, как тот же Арбогаст, имели звание *magister militum*. Ему соответствовало греческое *στρατηλάτης*. Служебное положение в VI в. византийских военнотружущих-славян засвидетельствовано у Агафия. Выясняется, что *Σουαρούνας Σκλάβος*, наверное, был всего лишь рядовой пехотинец, с копьем атаковавший вражескую «черепашу» (Agath., IV: 20, 4). Мнимый «флотоводец» *Δοβραγέζας, Αντῆς* вообще не упоминается в связи с морем. Правда, Агафий рассказывает о его плавании вверх по кавказской реке Фасису, но эта высадка вряд ли может считаться военно-морской. На начальном ее этапе предусматривалась переправа с использованием десятка речных судов «с двойной кормой», двух кавалерийских подразделений (Agath., III: 21, 6). Один отряд был под началом Дабрагеца. По словам Агафия, и он, и Усигард («оба варвары») командовали именно конными отрядами, и совсем не крупными. По Агафию, всех всадников под командой их обоих вместе было «числом не более шестисот» (Agath., III: 6, 9). Эти командиры, конечно, не были стратегами или

¹ Мишулин А. В. Древние славяне и судьбы Восточной Римской империи // Вестник древней истории. — 1939. — № 1. — С. 305.

² Рыбаков Б. А. Анты и Киевская Русь // Вестник древней истории. 1939. — Т. 1. — С. 238—239.

³ Носовский Г. В., Фоменко А. Т. Реконструкция всеобщей истории. — М., 2000.

стратилатами. Агафий точно называет чин анта Дабрагеца — ταξίαρχος — командир таксиса, т.е. «сотни», но не из 100, а из 128 воинов. Для осуществления отдельных операций, как видно, численность таксиса могла даже удваиваться, однако статус Дабрагеца и Усигарда, как командиров младшего звена, от этого вряд ли менялся. Не случайно в специальном монографическом исследовании славяне среди представителей византийской военной элиты IV—VI вв. вообще не упоминаются. Зато германцы претендовали в ней на главенство едва ли не непрерывно. Характерно, что еще в 338 г. Флавий Урсус стал первым *magister militum* в Константинополе. В 390-х гг. этого же титула удостоился гот Гайна, в 419 — его соплеменник Плинта, в 474 — Теодорих Амал, в 478 — его конкурент и тезка Теодорих Страбон. Позднее, в начале VI в., равнозначный греческий титул ὀτράτηγός имел также и Хильбудий¹. Для последнего, как сказано выше, предполагается также готское или гото-аланское происхождение.

Таким образом, столь высокий статус воинственных германцев Византии должен был являться весьма желанным также и для славян, впервые перешедших Дунай лишь в 518—519 гг.² Стремление к подражанию, вплоть до заимствования славянином германского имени Χιλιβούδιος, как известно, засвидетельствовано исторически (Procop., *De Bell. Goth.*, VI: 14, 1). Является ли выяснившееся здесь преобладание германских антропонимических элементов в раннеславянском именослове чем-то неожиданным? Видимо, вовсе нет. Ведь непосредственные славяно-готские контакты подтверждаются также и археологическими раскопками, в том числе и в Полесье, где, например, на поселении Струга I рядом со славянскими жилищами была открыта вельбаркская постройка³. Во-вторых, эти связи находят свое полное подтвер-

¹ Глушанин Е. П. Ук. соч. — С. 53.

² Успенский Ф. И. История Византийской империи VI—IX вв. — М., 1999. — С. 239.

³ Вергей В. С. Раннеславянское поселение Струга I на Нижней Горыни // *Archeoslavica*. 1993. — № 2. — С. 73.

ждение и в исторических письменных источниках, которыми ясно засвидетельствовано также военно-политическое доминирование именно готского элемента над славянским¹. Наконец, в-третьих, как издавна считается, характер этих связей отражает также и заимствованная славянами готская лексика: «князь» — от готского *Kunī* (старейшина клана); «пениази» — от готского *Pannings*; «полк» — от готского *Volk* (вооруженный народ); «шлем» — от готского *Hilms*². Но речь должна идти, конечно, не только о готах, но и, по крайней мере, также о близкородственных им других восточных германцах, не исключая и вышеупомянутых бастарнов. Восточногерманские бастарны, двинувшиеся во II в. до н.э. вверх по Висле, считаются как бы первой фазой готов³. Тот факт, что для славян эти имена западного происхождения фиксируются источниками гораздо раньше их оригинальных, может свидетельствовать также о том, что они восходят еще к самой эпохе формирования этого этноса, в том числе, при участии германских элементов.

§ 2. ИМЕНА АЛАНСКИЕ

«Православные роксоляны, уверовавшие в Христа Господа...», — так торжественно обращался в середине XVII столетия к своей пастве Петр Могила, знаменитый киевский митрополит⁴. И теперь само существование Сарматии Европейской, а ранее древней Скифии на земле будущей средневековой Руси и позднейшей Украины продолжает наводить на мысль о значительном участии иранцев в сложении славянства. Так,

¹ Петров В. П. Письменные источники о гуннах, антах и готах в Причерноморье // КСИА. 1970. — Вып. 121. — С. 67—73; Kazanski M. Les arctoi gentes et l'empire d'Hermanaric // *Germania*. — 1992, Bd. 70. Heft 1. — P. 75—122.

² Вернадский Г. В. Ук. соч. — Прим. 172.

³ Kossina G. Die deutsche Vorgeschichte. Würzburg, 1914. — S. 154; Bagrow L. Origin of Ptolemy's Geographie // *Geographica Annalen*. Stockholm, 1945. T. 27. — P. 203.

⁴ Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 2. — Ростов-на-Дону, 1995. — С. 162.

предполагалось, что население Черниговской земли сформировалось именно на иранском этническом субстрате. «Черное» племя ираноязычных северов (от скифского *seu* — «черный») выдвигается на роль предка летописных северян, а также эпонима самого стольного града Чернигова¹.

Иранское происхождение предполагают и для целого ряда других славянских этнонимов. Например, само название современной нации *xъrvatī* этимологизируется с помощью авестийского *haurvatāt* (целостность, здоровье) и сближается с иранским названием *haurvata* или *harvata*, а также с сарматским личным именем *Χορβαθος*, известным по одной надписи в Танаисе². Где-то среди сарматов Южной России неизбежно оказываются также и Плиниевы *Sirbi* близ Меотиды, известные Птолемию как *Σερβοί* «между Керавнскими горами и рекой Ра» (Plin., NH, III: 22; Ptol., Geogr., V: 8, 17—25). Правда, Л. Н. Гумилев пытался сопоставить их с известными по китайским хроникам центральноазиатскими «сяньби», но без необходимых на то оснований³. Обоснованнее предположение, что это была одна из групп ираноязычных кочевников в Причерноморье или Прикавказье, от которой средневековые сербы унаследовали свое название, подобно славянским же хорватам⁴.

Где-то там же, «рядом с амазонками», т.е. на Северном Кавказе, у Помпония Мелы локализованы некие *Cassi Anti*, или *Cissiantes* (Mela, I: 13). Кроме того, на одной надписи из Пантикапея, относящейся к 270-м гг., упоминается некий боспорянин *Αντας Παττί...* (*Пάτιος* или *Πατίου*) — на столетие раньше, чем Antes из Иорданова рассказа, согласно наблюдению А. И. Соболевского⁵. В них продолжают усматривать

¹ Седов В. В. Восточные славяне VI—XIII вв. — М., 1982. — С. 138.

² Трубачев О. Н. Из истории славяно-иранских лексических отношений // Этимология. 1965. — М., 1967. — С. 31—32.

³ Гумилев Л. Н. Хунны в Китае. Три века войны Китая со степными народами в III—VI вв. — СПб., 2001. — С. 23.

⁴ Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. — М., 1995. — С. 332.

⁵ Соболевский А. И. Русско-скифские этюды // Изв. Отд. рус. языка и словесности Росс. АН. 1921. Т. 26. — С. 8.

этноним антов¹. Анты, как это считается и теперь, первоначально были одним из аланских племен, сперва соседствовавших, а затем и слившихся со славянами целиком².

По-видимому, у О. Б. Бубенка в смягченной форме представлена та же самая гипотеза, за которую в свое время так активно ратовал сам Г. В. Вернадский. Г. В. Вернадским многократно подчеркивалось лидерство ираноязычных номадов в их предполагаемом симбиозе со славянами: «Как нам известно, именно аланские роды организовали славянские племена антов»; «Итак, анты должны рассматриваться как славянское племя, контролируемое аланским кланом ас» и т.д. Одним из оснований для такой убежденности послужили также и личные имена. «Существенно, — отмечалось Г. В. Вернадским, — что имена антских вождей, как это зафиксировано в хрониках, во многих случаях иранские или полуиранские»³.

Имена иранского происхождения сохранились, однако, не только в хрониках, но и в живом обиходе славянства. Так, древнерусское Богухваль, чешское Boguchval, польское Bogochwal считается буквальным воспроизведением ираноязычного *Bagha-farna*; имя это сравнивается с древнеперсидским *Bagha-xvata* — «Славный перед Богом». Славянское *Bogodanъ* считается калькой с иранского *Bagha-data*⁴. Что же касается иранских имен славян, зафиксированных раннесредневековыми источниками, то сомнений в именно иранском его происхождении не вызывает, наверное, лишь одно-единственное, известное нам благодаря Агафию Миринейскому. Упомянутый им *Σουαρύνας Σκλάβος* иногда необоснованно производился даже в «воеводы Юстиниана»⁵. Однако на самом деле он, наверняка, не был ни вождем, ни даже младшим командиром-

¹ Słownik starożytności słowiańskich. 1961. Т. 1. Część 1. Wrocław, Warszawa, Kraków. — С. 36.

² Бубенок О. Б. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI—XIII вв.). — Киев, 1997. — С. 117.

³ Вернадский Г. В. Ук. соч. — С. 112, 174.

⁴ Трубачев О. Н. Ук. соч. — С. 31.

⁵ Иванов Й. Культ Перуна у южных славян. Отдельный оттиск из Отд. языка и словесности Имп. АН. 1904. Т. 8, Кн. 4. — С. 140.

сотником, как выше упомянутый в связи с теми же событиями Δαβραυέζας. Но, согласно Агафию, Сваруна-славянин храбро и умело сражался на Кавказе против персов. После меткого удара его копья вражеская «черепаха» дрогнула и, рассыпавшись, рухнула (Agath., IV: 20, 4). Хотя Сваруна и был, скорее всего, лишь рядовым пехотинцем, его имя, очевидно, аналогично княжескому: Шварн Данилович, князь (король) Галицкий в середине XIII в. Однако Агафиево Σουαρούνας сопоставлялось с летописным Сварогъ: славянское верховное божество огня, в том числе и небесного¹. Но, в свою очередь, само это общеславянское божество, подобно древнерусским Хорсу или Симарглу, происходит от соответствующего индо-иранского Сварги или Суваргуни — «Золотой огонь»². Тот же индо-иранский «огненный» корень имеется в личном имени кушанского правителя Сварнатепы, царствовавшего несколько позднее описанных Агафием событий византийско-персидской войны в начале VII в.³

Помимо этого, по всей видимости, иранского антропонима, у славян и антов известна также целая серия имен, которые, наверное, можно назвать, вслед за Г. В. Вернадским, «полу-иранскими», по крайней мере в том смысле, что они могут объясняться как из иранских, так и из других древних языков. Так, в позднеантичной эпиграфике Северного Причерноморья известны такие личные имена, как Γάοτης или Γάοτης. Несмотря на различные оговорки, закрепились традиции рассматривать эти имена не только как аланские, но и как антские⁴. По этим надписям В. И. Абаевым было установлено наличие сходного со славянским термина *gasti* — «гость» — также и в самом скифском языке⁵. В осетинском им отмечалось присутствие уже упоминавшейся выше основы: *arda* —

¹ Свод древнейших письменных известий о славянах. — С. 308.

² Шилов Ю. О. «Велесова книга» та актуальність прадавніх учень. — Київ, 2001. — С. 111.

³ Гумилев Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. — М., 2002. — С. 261.

⁴ Грушевский М. С. Киевская Русь. Т. 1. — СПб., 1911. — С. 205; Мавродин В. В. Ук. соч. — С. 36; Трубаев О. Н. Ук. соч. — С. 31.

⁵ Абаев В. И. Ук. соч. — С. 166.

«клятва». Обе эти основы представлены в имени-компози́та одного уже знакомого нам славянского вождя конца VI в., Арδαу́астос, которое, как было отмечено, полностью соответствует имени знаменитого в IV в. римского полководца германского происхождения, Arbogast. Интересно, что кроме Арδαу́астос можно предполагать еще одно такое же славянское имя-компози́та, в котором обе основы находят объяснение как из германского, так и из иранского. В Греции имеется топоним Арβαμέρι, производный от славянского антропонима Ардамерь¹. В качестве аналога для второй его части сошлемся на многочисленные иранские параллели. Azadmehr означает «Свободный», Zadmehr— «Набожный», Dadmehr— «Хорошо освещенный», Samir— «Добрый спутник»².

Впечатление о сармато-аланском происхождении части раннеславянской антропонимии усилится, если упомянуть имя Περούαστος. Это был еще один φύλαρχος — вождь племени, или, по Феофилакту, «варварской орды» славян (Theophyl. Simocatta, VII: 2, 13). На фарси Pir означает «предводитель», «хозяин» и соответствует, как известно, арабскому «шейх», т.е. «вождь». Эта основа, являясь также и антропонимической, представлена, например, в имени персидского царя, Piruz, а также в парсийском Pirangushnar— «Обладающий старыми конями»³. Иранская принадлежность второй части этого имени, -у́астос, подтверждается таким надежным источником, как «Именник болгарским ханам». Имя одного из них было Гостунъ. Оно рассматривается как раз в качестве иранского, заимствованного тюрками⁴.

¹ Malingoudis P. Studien zu den slawischen Ortsnamen Griechenlands. Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Abhandlungen der Geistes- und wissenschaftlichen Klasse. — Jahrgang 1981. № 3. Mainz, Wiesbaden, 1981. — S. 189 сл.

² Парсийские имена, 2003. Источник: Досабхаи Фрамджи Карака. История парсов. Лондон, 1884/ Пер. с англ. Ю. Лукашевич // <http://www.avesta.org.ru/>

³ Там же.

⁴ Куник А., Розен В. Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. 1 // Приложение к 32 т. записок Императорской АН. — СПб., 1878. — С. 132.

Не только германская, но и иранская этимология может быть обоснована для такого, казалось бы, славянского имени, как Иорданов *Voz*. Ведь визирия знаменитого шахиншаха Ирана Хосрова Ануширвана звали *Vozorgmehr*¹. На таком же примерно основании к «полуиранским» может быть причислено имя еще одного славянского «рекса» (лат. «царь»). Теофилактом Симокаттой упоминается Μουσόκιος (*Theophyl. Simocatta*, IV: 1). Согласно Г. В. Вернадскому, если учесть характерное для иранского языка аланов чередование *m* и *b*, настоящим именем этого вождя могло быть Бузокий, Бузок или Буз². Здесь следует, однако, учитывать также иранское (точнее, согдийское) *Možak* — титул первосвященника манихеев³.

Очень соблазнительно было бы добавить сюда еще и Χιλφουδιός υἱός Σανβατίου, но этот подлинный Хильбудис, как мы уже убедились, вряд ли был славянином. Не славянином, а аланом, судя по имени, был и его отец. Переданное по-гречески как Σανβατίος, его имя напоминает аланское *Sambida*. Орде аланов под предводительством их князя Самбиды Аэций в 439 г. даровал земли для поселения около Нарбонны в Галлии (*Salvianus*, VI: 64). По-видимому, византийский военачальник Хильбудий имел, скорей всего, такое же гото-аланское происхождение, как и упоминавшийся нами знаменитый главнокомандующий Аспар. Интересно, что, подобно Хильбудию Санватиеву, один из трех Аспаровых сыновей носил германское имя — Германарик⁴.

Итак, аланские отчества обоих этих византийских военных, по происхождению германцев, очевидно, никакого значения для раннеславянского именослова иметь не могут. Как и, наверное, имя одного из военачальников Аспара, *Οοτρούϊ*. Вопреки представлениям о славянском его происхождении, Г. В. Вернадским допускалось также и аланское происхождение этого имени, которое сравнивалось им с осетинским

¹ Парсийские имена, 2003. Источник: Досабхаи Фрамджи Карака. История парсов. Лондон, 1984 / Пер. с англ. Ю. Лукашевич // <http://www.avesta.org.ru>

² Вернадский Г. В. Ук. соч. — С. 109.

³ Древнетюркский словарь. — Л., 1969. — С. 346.

⁴ Браун Ф. Разыскания в области гото-славянских отношений. I. Готы и их соседи до века // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской АН. 1899. Т. 64. № 12. — С. 69.

«стур»: «великий», «большой»¹. Иранское *Ostra* представлено во многих древних именах: *Arawaostra* — «Обладающий белыми конями», *Frashostra* — «Обладающий полезными верблюдами», *Isatvastra* — «Вольный земледелец» (имя старшего сына Заратуштры), и, наконец, сам *Zarathustra*, имя которого означает буквально «Обладающий желтыми (золотыми) верблюдами»². Укажем, наконец, также имя Астрабыла, военачальника Узбек-хана, посланного им в 1317 г. на Тверь, где «много зла творящу христианом»³. Это имя могло быть одним из аланских, заимствованных татарами. Однако явно иное происхождение имел один латинский антропоним. Римского наместника, правившего Британией в 47—52 г., звали *Publius Ostorius Scanula*. Таким образом, считать имя *Ootroui* непременно иранским или славянским, кажется, вовсе не обязательно.

Наконец, чтобы совсем ничего из области раннеславянско-аланских антропонимических связей не ускользнуло, упомянем здесь еще имя *Valamir*. Согласно Аммиану Марцеллину, так звали вождя аланов, воевавшего с готами в 375 г. (*Amm. Marc.* XXXI: 3, 3). «Принимая во внимание тесный симбиоз аланов и восточных славян,— писал по этому поводу Г. В. Вернадский, — не будет ничего удивительного в том факте, что правитель аланов имел славянское имя»⁴. На первый взгляд, данное предположение кажется вполне обоснованным. Ведь имел же, согласно Иордану, правитель сарматов-язигов, уничтоженный в 473 г. Теодорихом Амалом, тюркское имя *Babai*, *rex Sarmatarum* (*Iord.*, *Getica*, 282). Оказывается, однако, что в позднеантичную эпоху аланы заимствовали чужие имена очень и очень редко. Это сейчас утверждается даже вопреки сообщению самого Иордана об обычае сарматов перенимать германские имена (*Iord.*, *Getica*, 58—59). По мнению В. В. Лаврова, имеется лишь единственный такой случай⁵.

¹ Вернадский Г. В. Ук. соч. — С. 131.

² Парсийские имена, 2003. Источник: Досабхаи Фрамджи Карак. История парсов. Лондон, 1984 / Пер. с англ. Ю. Лукашевич // <http://www.avesta.org.ru>

³ Полное собрание русских летописей. Т. 15, 1909. — С. 409.

⁴ Вернадский Г. В. Ук. соч. — С. 231.

⁵ Лавров В. В. Восточные германцы в Приазовье в III—IV вв. н.э. // *Stratum plus: Петербургский археологический вестник*. — 2000. — № 4.

Действительно, по сообщению Зосима, царя «савроматов», которые жили у Меотиды, но в 322 г. переправились через Истр с целью грабежа, звали Ραυσμόδοϛ (Zos. II, 21). Это имя считается древнегерманским: Raushmodo¹. Ф. Браун в свое время указывал еще одно — Eochaг — при этом, однако, подчеркивая, что среди дошедших до нас аланских имен на Западе, сплошь иранских, оно является единственным германским исключением². Однако имя это на проверку оказалось искажением королевского аланского Goar³.

К таким же германским именам аланских правителей может принадлежать также и вышеупомнутый «Славно названный» — Valamir/Valamer. Но, наверное, надо иметь также в виду, что как раз на mir/mer известно немало и иранских имен, которые уже приводились для сравнения с греческим Αρβαμέρι.

Итак, вопреки Г. В. Вернадскому, аланское влияние в раннеславянской антропонимии вовсе не было таким уж существенным. Обнаружилось лишь одно имя, этимологизировать которое следует только из иранского. «Выделение иранизмов в древнерусском именослове, — по замечанию А. Г. Кузьмина, — затрудняется тем, что ряд имен, находящих прямое соответствие в иранской антропонимии, могут объясняться и из других языков»⁴. Это замечание оказалось вполне справедливым и применительно к именослову предшествующей раннеславянской эпохи. Оказалось, что для таких имен славян и антов IV—VI вв., как Αρβαύστος, Bos/Boz, Πετρούστος/Πιράύστος и Μουσόκιος, помимо иранской, может быть обоснована также германская этимология.

На этом фоне бросается в глаза насыщенность иранизмами тогдашнего германского именослова. Это выглядит вполне соответствующим тем глубоким связям, которые аланы имели

¹ Schönefeld M. Ук. соч. — S. 194.

² Браун Ф. Ук. соч. — С. 69.

³ Перевалов С. М. Вазат, 414 г.: Разрыв алано-готского союза // Вестник древней истории. — 2000. — № 3.

⁴ Кузьмин А. Г. Об этнической природе варягов // Вопросы истории. — 1974. — № 11. — С. 73.

не со славянами, а с готами. Ими обладали даже окраинные готские группировки, к примеру, оставившая памятники типа Masłomecz на юго-востоке Польши. По мнению А. Коковского, за местных готов сарматки неоднократно выходили замуж. Было исследовано несколько сарматских женских погребений второй половины III в.¹ В результате многолетних исследований на территории Украины, Молдовы и Румынии установлено, что самым своим возникновением в конце II в. культура Sîntana de Mureș — Черняхов прежде всего обязана приходом в Причерноморье готов и родственных им германских народов².

Но примерно тогда же и там же, в Северном Причерноморье, появляются характерные богатые, так называемые Т-образные, погребальные катакомбы, оставленные, как считается, выходцами из далекой Центральной Азии, из бассейна самой Сырдарьи, связанные с Конгюем. Также и в письменных источниках с начала 40-х гг. III в. западнее Борисфона начинает упоминаться мощная группировка «аланов», как полагают, уничтожившая большинство прежних местных кочевников³. Предполагается также, что эта новая группировка выступает как активный союзник своих соседей-германцев. Эти аланы сохраняли свое привилегированное положение в Готской державе Северного Причерноморья вплоть до ее крушения. Об этом С. А. Яценко судит, например, также и на основании назначения в 376 г. одним из регентов малолетнего короля остготов Витериха аристократа с иранским именем Сафрак⁴.

¹ Kokowski A. Die Masłomecz-Gruppe. Ihre Chronologie und Beziehungen innerhalb des gotischen Kulturellen Kreises. // *Berichte der Römisch-Germanischen Kommission*. 1997, Bd. — S. 715.

² Щукин М. Б. Современное состояние готской проблемы и черняховская культура // *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*. — 1999. — № 18. — С. 79—88.

³ Симоненко А. В. Северное Причерноморье в системе сарматской культурно-исторической общности // *Проблемы истории и культуры сарматов. Тезисы докладов международной конференции*. — Волгоград, 1944. — С. 17.

⁴ Яценко С. А. Германцы и аланы: о разрушениях в Приазовье в 236—276 гг. н.э. // *Stratum plus: Петербургский археологический вестник*. — 2000. — № 4.

Сармато-аланское влияние в черняховской культуре настолько ощутимо, что соответствующее происхождение М. Ю. Брайчевским предполагалось не только для нее, но и для самого готского этноса. Наименование в источниках готов «скифами» имело, по его мнению, не географический, а непосредственный этнографический смысл, так как они были автохтонным ираноязычным народом Северного Причерноморья. Свою позицию М. Ю. Брайчевский пытался обосновать главным образом за счет антропонимии, прежде всего, именами готских королей III—V вв. По его мнению, абсолютное большинство этих имен легко находят интерпретацию на базе иранского и северокавказского языкового материала. Например, имя *Verig*, как звали короля, который, по словам Иордана, вывел готов «из недр Скандзы», т.е. Скандинавии, сопоставлялось им не только с осетинским *baræg* — «всадник», но также с чеченским *berij* и ингушским *'bärij* — «молодец», «джигит», «удалой»¹. Впрочем, эта работа М. Ю. Брайчевским была проделана все-таки не напрасно, показав еще раз, что для какого угодно имени в принципе подбираются самые невероятные созвучия.

Однако, вопреки М. Ю. Брайчевскому, сам Прокопий Кесарийский утверждал, что аланы были *γὸτθικὰ ἔθνη* — «народ готский» (*Procop., De Bell. Goth., I: 1*). Ф. Брауном это вполне убедительно интерпретировалось так: «С III века по Р. Х. аланы оказались близкими соседями готов и других германцев и так сжились с ними, что не отстали от них, и впоследствии: западные отряды их принимают участие в великом переселении народов»².

Но, с другой стороны, аланы имели, пожалуй, не менее тесные связи также и с тюрками. Согласно сообщению автора X в. аль-Бируни, язык современных ему аланов был смешанным с печенежским и хорезмийским, т.е. с тюркским. По предположению Р. Х. Бариева, барсилы, т.е. охазаренные аланы, перешли на тюркский язык только в середине

¹ Брайчевський М. Ю. Готи в Надчорноморщині // Археологія. — 1989. — Вип. 1. — С. 109.

² Браун Ф. Ук. соч. — С. 69.

VIII в.¹ Очевидно, однако, что их тюркизация началась еще в конце IV в. Согласно Г. В. Вернадскому, аланы играли роль гуннского авангарда. В самом деле, ведь, по словам Аммиана Марцеллина, гунны, перейдя Танаис, из них «многих перебили и ограбили, а остальных присоединили к себе по условиям мирного договора» (Amm. Marc., XXXI: 3,1). Л. Н. Гумилев полагает, что гунны попали под обаяние сарматской культуры. Это произошло, по-видимому, еще раньше и восточнее: по мнению М. И. Артамонова, гунны утратили культуру своих предков уже в Приуралье, заменив ее сарматской².

Очевидно, что с появлением победоносной орды гуннских завоевателей гегемония среди кочевников на просторах бывшей Сарматии Европейской от аланов быстро перешла к ним. Утратившие свое лидерство аланы смогли еще оказать существенное влияние и на победителей-гуннов, и на теснимых ими германцев. Даже в Африке предводители германцев официально именовали себя «королями вандалов и аланов». Их потенциала оказалось достаточно, чтобы осуществить некоторую иранизацию также и раннего славянства, получившего, в том числе, несколько аланских этнонимов и антропонимов. В соответствии с реальной этнополитической ситуацией последних известно совсем не много.

§ 3. СЛАВЯНЕ С «NOMINE HUNNORUM»

Считается, что от всего гуннского языка уцелело лишь около двух десятков личных имен. Однако именно на их основе тюркский этнос соплеменников Атиллы как раз и устанавливается³. Впрочем, данный факт очевиден далеко не для всех. Так, еще относительно недавно А. Г. Кузьмин ссылался на древнесеверные имена типа Гуннар, Гуннобад, Гундериш, или же просто Гун, восходящие к племенному

¹ Бариев Р. Х. Философские аспекты этногенеза волжских булгар. — СПб., 1997.

² Артамонов М. И. История хазар. — Л., 1962. — С. 42; Гумилев Л. Н. Хунны в Китае. — С. 121.

³ Maenchen-Helfen O. J. Die Welt der Hunnen. Wien, Köln, Graz., 1978. — S. 525.

названию гуннов — по его мнению, одного из основных племен Фрисландии, или, иначе, Гунниланда¹. Впрочем, еще раньше него уже отмечалось, что на севере Германии народ считает ее древних жителей гуннами, а курганы называет *die Hunnenbette* — «ложе гуннов»². Но вот дядю Атиллы, звали, согласно Приску, Οὐβάρτος (Prisc, fr. 8). Имя Барыс («Барс», «Леопард»), в славянизированной форме Борис, в тюркской среде, в частности у белорусских татар, существует до сих пор. У гуннов был дипломат, названный, в греческой передаче, Έσλα (Prisc, fr. 1). Это имя, транскрибируемое как *Eslan*, соответствует тюркскому Арслан и тюркютскому ханскому Арсила, — «Лев»³. В тюркском аристократическом именослове имеется еще мужское Ирбис — «Снежный барс», а также женское Парсбит, буквально — «Тигриная морда»⁴. Поэтому вполне возможно обнаружение и других подобных «кошачьих» имен. Одному из них предшествует латинский царский титул *rex* в греческой передаче — ρηξ Μουσόκιος (Theophyl. Simocatta, IV: 1). Для этого рекса конца VI в. указывали тезку в X в. — упоминаемого аль-Масуди «царя» племени «валинана» Маджака⁵. К. Иречек читал Μουσόκιος украинским суффиксом -ук: «царь Манжук»⁶. По-славянски имя этого Мусокия этимологизировалось М. С. Дриновым как «Мужик»⁷. «Мужик», по В. И. Далю, — «мужчина простолюдин, человек низшего сословия». С царским титулом такое как-то не согласуется; не согласуется с ним и диалектное тверское наречие «мусоко»: неприятно, против-

¹ Кузьмин А. Г. Одоакр и Теодорих // Страницы минувшего. — М., 1991. — С. 525.

² Иловайский Д. И. Ук. соч. — С. 536.

³ Dąbrowski K., Nadrowska-Majchrzyk T., Tryjarski E. Hunowie europejscy, protobułgarzy, chazarowie, pieczyngowie. Wrocław, 1975. — S. 117; Гумилев Л. Н. Древние тюрки. — М., 2002. — С. 35.

⁴ Там же, с. 240; Плетнева С. А. Хазары. — М., 1976. — С. 39.

⁵ Даль В. Толковый словарь русского языка в 4 т. Т. 2. — М., 1989. — С. 386.

⁶ Забелин И. Е. История русской жизни. Ч. 1. — М., 1876. — С. 391.

⁷ Гордлевский В. А. Что такое «босый волк»? (К толкованию «Слова о полку Игореве») // Избр. соч. Т. 2. — М., 1961. — С. 430.

но¹. И здесь правильная этимология находится, по-видимому, вне пределов славянских этимологий. И. Е. Забелиным Μουσόκιος транскрибировалось так же как Мусук, что по-тюркски означает «Кошка»². Такое имя носил, например, шурин Батыя. А сына и сослуживца анта Дабрагеза звали, согласно Агафию, Λεόντιος (Agath., IV: 18, 1). Имя явно христианское, но по-гречески оно означает «Львиный».

Кроме «кошачьих», в тюркской кочевнической среде были популярны также и «собачьи» имена такого же тотемического характера. Кроме упоминавшегося Ραγία, это, например, имена знаменитых половецких ханов из летописи: Кобяк — «Пес» и Кончак — «Сука»³. Ничего собачьего нет, как кажется, в имени Vox, как оно передается Бреславльским списком Иорданова труда. Кстати, из-за созвучия этого варианта имени короля антов со знаменитым кабардинским гидронимом возникла целая теория, по которой этот «Бокс», он же Боксо или Баксан — это князь адыгов, которые и были якобы Иордановыми антами⁴. Однако Vos, или Voz, которое транскрибируется чаще всего как «Бож», интерпретировано как имя-титул «Вож», т.е. просто-напросто «Вождь»⁵.

Имя собственное в словосочетании Αυτὰς Πάττιος в боспорской надписи конца III в. принадлежало, как сказано выше, еще кому-то из аланов. Тогда получается, что Иорданово Voz, связанное с событиями конца IV в., должно быть признано не только древнейшим из известных славянских личных имен, но и вообще самым ранним записанным словом из языка славян, поскольку знаменитое μέδοξ зафиксировано Приском Понтийским только в 448 г. (Prisc, fr. 8). Но слово это, скорее всего, именно тюркское. Правда, вероятность такого его происхождения была скомпрометирована неудачным сопоставлением у П. М. Мелиоранского с тюркским

¹ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. — Нальчик, 1947. — С. 41—44.

² Иордан. Ук. соч. — С. 328.

³ Гордлевский В. А. Ук. соч. — С. 482.

⁴ Ногмов Ш. Б. Ук. соч. — С. 41—44.

⁵ Иордан. Ук. соч. — С. 328.

buz — «лед»¹. Но ведь тюркской ономастикой в данном случае предоставляется гораздо более богатый материал для сопоставления. Одним из князей Волжской Болгарии в X в. звали Боксу, военачальника татарского хана Едигея XIV в. — Бузан-бек². Бузан предводительствовал ордой протоболгар, вызванной императором Зеноном для борьбы с готами, но разгромленной Теодорихом около 480 г. Погибший при этом хан у П. Шафарика называется Busas³. «Бусый (или босый) волк» — один из ярких тюркизмов в «Слове о полку Игореве» — сохранялся вплоть до XVII в. как фамилия Босоволк и являлся наполовину переведенным именем-титлом Boz Kurt, «Серый Волк», в значении знающего верный путь вождя⁴. Вождь протоболгар Кубрат в «Именнике болгарским ханам» назван именно Курт⁵. Видимо, отдельно использовалась также и первая часть того же самого имени-титла, Бос, Боз, Бус, Бузан, тем более что имя тотемного зверя, курта-волка, в тюркской среде зачастую табуировалось.

Наконец, еще одно имя, вернее отчество, имело, по-видимому, совершенно иной смысл. В Менандровом повествовании о событиях, произошедших около 560 г., упоминается «пустослов и хвастун» Μεζάμηνρος τὸν Ἰδარიζίου — Мезамир, сын Идарисия (Menandr, fr. 6). Считается, что для имени Ἰδარიζῖος отсутствуют аналогии и германские, и иранские, и какие бы то ни было иные, но, согласно П. Шафарiku, греческим суффиксом -ιζῖος в нем передается -ич в славянском отчестве⁶. Но подобное можно утверждать, лишь забывая про хорошо известное татарское *ударэ*, — «правление»: «Милли ударэ», «ударэ колхоз» и т.д. И забывая также, что тестя Ивана Грозного по второй

¹ Гордлевский В. А. Ук. соч. — С. 482.

² Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. — М., 1974. — С. 327; Каратаев М. Русь и орда. — М., 1993. — С. 365.

³ Шафарик П. И. Ук. соч. — С. 263.

⁴ Гордлевский В. А. Ук. соч. — С. 482—498.

⁵ Dąbrowski K. и др. Ук. соч. — S. 173.

⁶ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. — С. 331—332.

жене звали Темрюк Идарович, или Айдарович¹. Оказалось, что Менандров Ёѡр означает, просто-напросто «Правитель».

Итак, удалось выяснить, что анты и славяне, так же как и готы, заимствовали *nomina hunnorum*, т.е. тюркские имена. Из них сохранились только имена вождей. Установленное заимствование отнюдь не противоречит, а наоборот, соответствует историческим реалиям — многовековому нахождению славянства в составе сначала гуннского, а потом болгарского и аварского ханств. Замечательным подтверждением этому выводу служит, в частности, хранившийся в сербском православном монастыре Бухареста синодик. В нем значатся славянские имена местных жителей XVI в., имеющие практически точные соответствия в именослове гуннских ханов, по Иордану. Итак, у Иордана — Balamber, хан гуннов, а в синодике — некий Баломиръ; Attila — Атилия в синодике; Егас, сын Атилы, — и Хернакъ, соответственно². Таким образом, само содержание первоначального славянского именослова заставляет нас обратиться не только к Западу, но еще и к тюркскому Востоку.

---

¹ Лавров Л. И. Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924—1978 гг.). — Л., 1982. — С. 221.

² Венелин Ю. И. Ук. соч. — С. 341—358.

ГЛАВА II

НА ГРАНИЦЕ СО СТЕПЬЮ

§ 1. ГУННЫ-ДРУЗЬЯ

«...Сами гунны, — утверждает один наш современник, — за сто лет заметно обрусели и прекрасно говорили по-русски»¹. Теперь подобное мнение выглядит уже, в общем, как забавное исключение. Однако в прошлом оно было не только широко распространенным, но даже, можно сказать, модным. Притом моде этой следовали не только литераторы или общественные деятели, как, например, известный славянофил А. С. Хомяков. И. Е. Забелин также был приверженцем идеи славянства гуннов. Гуннские имена, по его мнению «звенят» по-славянски; например, в грозном имени Атти́ла им усматривался славянский «корень Тэта, Тятя — отец». И. Е. Забелин ссыался также на то, что некоторые средневековые авторы, например, Беда Достопочтенный, называют славян «гуннами»². Однако больше всех для обоснования этой идеи и опровержения «немецкого мнения о туранстве гуннов» сделал, конечно, Д. И. Иловайский. Надо сказать, что ему во многом удалось преодолеть односторонность подходов своих единомышленников. Например, Д. И. Иловайский допускал, что наименование славянства «гуннами» (*die Hunnen*) могло появиться в германской среде и без связи с соответствующим этносом, а как просто ругательство — вы, мол, собаки (*die Hunden*). «...*Slavi canes vocantur*, т.е. на языке саксов славяне называются собаками».

---

¹ Демин В. Н. Почему гунны, хазары и варяги говорили по-русски? // <http://orion-uran.narod.ru/giperborea/mats/history1.html>

² Забелин И. Е. Ук. соч. — С. 340, 366.

ми, — цитировал он сочинение Гельмольда. — Тут очевидное сближение названия Гун с немецким словом Hund. Пользуясь этим созвучием, саксы обратили именование славян гуннами в бранное слово или наоборот!»¹ Кстати, до недавнего времени немцы называли славян-чехов *die Böhmen*, т.е. практически, «бойи». Вои-кельты навсегда покинули теперешнюю Чехию еще в середине I в. до н.э. Однако их этноним по наследству перешел на совершенно новое население, наподобие скифского, вандальского, гуннского и др., использовавшихся как наименования славян, собирательные или локальные. Вернемся, однако, к Д. И. Иловайскому. К сожалению, во многих случаях ему не удавалось преодолеть уровня дилетантских рассуждений. «Исперик, — «расшифровывалось» им имя знаменитого болгарского хана-основателя, — конечно, есть не что иное, как уменьшительная форма от Аспар... и эта форма отнюдь не чужда славянскому языку. Разве в словах: петух, пастух, барсук и т.п. суффикс не славянский?»² Фактически, всего-навсего продолжена уже упомянутая по другому случаю наивная этимология Ю. И. Венелина. Согласно В. И. Абаеву, иранское *Asparruk* означает буквально «имеющий светлых коней»³. Но по своему происхождению с точки зрения лингвистической науки от славянского «пастух» оно совершенно независимо. Любопытно, что против «славянства гуннов», на котором так упорно настаивал Д. И. Иловайский, свидетельствуют не только научные, но также и легендарные данные. Так, в одной скандинавской саге рассказывается о разрушении Аттилой Полоцка, но о том, что при этом славяне истребляли славян, в ней, конечно, не говорится и говорить не могло⁴. В действительности гунны были отнюдь не родственники спа-

¹ Иловайский Д. И. Гуннский вопрос // Журнал Министерства народного просвещения, 1881, май.

² Иловайский Д. И. Ук. соч. — С. 210.

³ Абаев В. И. Ук. соч. — С. 155.

⁴ Müllenhoff K. Deutsche Altertumkunde. Bd. 3. — Berlin, 1892. — S. 6.

Рис. 3. Китайское изображение хунну

вянам. Чтобы с ними встретиться и подружиться, этим этническим тюркам пришлось проделать весьма длинный путь из самой Центральной Азии (рис. 3).

Имеются два весьма различных мнения о пришествии этих «туранских» гуннов, но оба принадлежат выдающимся русским историкам. По Г. В. Вернадскому, в середине IV в. маньчжуры (жуань-жуань китайских хроник) атаковали их дальневосточных предков. «Самая восточная гуннская орда, — писал он, — отступая перед маньчжурами, вы-

толкнула соседнюю орду на запад... Главная орда рванулась далее на запад, двигаясь по северным берегам Каспийского моря, и в конечном итоге проникла в регион Нижней Волги. Не позднее 360 г. гунны пересекли Волгу и атаковали аланов»¹. По Л. Н. Гумилеву, хунну были изгнаны не маньчжурами, а древними монголами, или сяньби китайских летописей. В 155 г. сяньбийский вождь Таншихай наносит им последний удар... В 160 г., согласно мнению этого выдающегося евразийца, гунны впервые объявляются в Европе. «Воины и частично их жены, — писал он, — бросив все на произвол судьбы, верхом оторвались от преследователей и потерялись в степях около Урала. В этих просторах изловить конный отряд, твердо решивший не сдаваться, практически было невозможно, и сяньби повернули назад, сочтя свою задачу выполненной»². Гуннский дебют на Волге произошел, на его взгляд, на целых двести лет раньше, чем это предполагалось Г. В. Вернадским. Л. Н. Гумилев так никогда и не перестал верить, что первое упоминание племени «гунн» в Европе имеется у автора,

¹ Вернадский Г. В. Ук. соч.

² Гумилев Л. Н. Некоторые вопросы истории хуннов // Вестн. древней истории. — 1960. — № 4.

писавшего, по его мнению, около 160 г. — у Дионисия Периегета¹.

Однако, во-первых, и в данном случае нельзя упускать из виду справедливое замечание самого Л. Н. Гумилева насчет того, что понимание источника обязательно будет неточным без учета географии. Между прочим, по мнению М. И. Артамонова, Дионисиевы сведения относятся не к Европе, а еще к Азии, и упоминаемые им гунны «жили за прикаспийскими скифами, в местности, прилегающей к Аральскому морю»². Однако легко обнаружить, что пассаж Дионисиевой «Периегессы» посвящен не Приаралью и не Поволжью, а Дагестану, равнинному и горному. «Первые, — сообщает Дионисий в своем описании Западного Прикаспия, — (живут) скифы, которые населяют побережье возле Кронийского моря; потом унны, а за ними каспийцы, за этими — воинственные албаны и кадуссии, живущие в гористой стране...» (Dion. Perieg., 718—732). Во-вторых, необходим учет, конечно, и хронологии. Дионисиево творчество самим В. В. Латышевым отнесено к значительно более раннему времени: «Автор землеописания был родом из Египта и писал при Адриане»³. Император Адриан правил в 117—138 гг., — т.е. Дионисиев перечень восточнокавказских народов был составлен еще до изгнания хунну с Востока... Эти Дионисиевы «унны», — простая ошибка переписчика, предполагал О. Маенхен-Хельфен⁴.

Согласно В. В. Василевскому, Οὔννι — гунны — вовсе не были тождественны хунам — Χοῦνοι⁵. Этот загадочный этникон упоминается Клавдием Птолемеем: «Между бастер-

¹ Гумилев Л. Н. Некоторые вопросы истории хуннов // Вестн. древней истории. — 1960. — № 4; Гумилев Л. Н. Хунну в Азии и Европе // Вопросы истории. — 1989. — № 6/7.

² Артамонов М. И. Ук. соч. — С. 42.

³ Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Греческие писатели // Вестн. древней истории. — 1948. — № 1. — С. 362.

⁴ Австрийскую фамилию Maenchen-Helfen Л. Н. Гумилев читал на английский манер: Мэнчен-Хелфен.

⁵ Василевский В. В. О мнимом славянстве гуннов, болгар и роксолан // Журнал Министерства народного просвещения. — 1882. Ч. 222. — С. 165.

нами и роксоланами живут хуны...» (Ptol., Geogr., III: 5, 10). А. Д. Удальцов считал их просто-напросто одним из аланских племен между Нижними Днепром и Днестром¹. Но, по О. Маенхен-Хельфену, все не так просто. «Если бы Птолемеевы *Chini* жили в Африке или на Британских островах, — писал он, — тогда бы мы их игнорировали. Они локализованы там, где через 2,5 века обитали гунны... Но, чтобы сопоставлять хунов и гуннов, надо иметь кое-что еще. Я думаю, это наличествует». Американский исследователь имел в виду уругундов, которые обитали в Северо-Западном Причерноморье в 50-е гг. III в., т.е. по времени как раз между хунами и гуннами. По мнению О. Маенхен-Хельфена, этим *Oúrouóωνοι* были тождественны позднейшие *Oúvoúóυνδοι*. Этих оногундуров он считал гуннами².

Действительно, издавна существует представление об уругундах, как о некоем тюркском племени. Но и при этом оно помещается вовсе не там, где были Птолемеевы хуны — не в Северо-Западном Причерноморье, а в Приазовье³. Недавно его этническая атрибуция рассматривалась заново, и было установлено, что во всех случаях следует говорить о германском племени бургундов, которое делилось на западных, на Рейне, и восточных — в Подунавье и Причерноморье⁴. И действительно, у Птолемея «фругундионы» упоминаются неподалеку и наравне с хунами (Rol., Geogr., III: 5, 8). Это само по себе снимает вопрос о тождестве между ними. Точно так же, вопреки О. Маенхен-Хельфену, оногуры (*Ovóyouροι*), современники гуннов, упоминаются совершенно отдельно от них, и притом у самого Приска, когда он сообщает, например, о посольстве от некоторых племен, в том числе и от этого, которое пришло в Константинополь в 463 г. (Prisc., fr. 81).

¹ Удальцов А. Д. Племена Европейской Сарматии II в. н.э. // Сов. этнография. — 1946. — № 2. — С. 46.

² Maenchen-Helfen O. J. Ук. соч. — S. 309.

³ Браун Ф. Ук. соч. — С. 312—316; Иордан. Ук. соч., комм. 314.

⁴ Шаров О. В., Бажан М. А. Черняховские этюды. Происхождение сероглиняной керамики черняховской культуры (историко-графический очерк) // Stratum plus: Петербургский археологический вестник. — 1999. — № 4.

Кто были Птолемеевы Хоївои на самом деле, наверное, можно понять. Согласно В. В. Василевскому, некие Huni помещаются между ругами, данами и саксами на севере Германии¹. Как уже отмечалось, согласно А. Г. Кузьмину, германские гунны были одним из основных племен Гунниланда, иначе, Фрисландии. Поэтому упоминание их Птолемеем в соседстве с германскими бастернами, в общем, неудивительно.

Итак, проверки письменными источниками не выдержали гипотезы ни О. Маенхен-Хельфена, ни Л. Н. Гумилева. Обе они одинаково основаны, в конечном счете, на соблазнительном созвучии архаичных этнонимов с позднейшими тюркскими. Однажды нам уже приходилось критически рассматривать подобный случай, когда античные *iircae-turcae* многими были объявлены тюрками, и вышло, что они на Урале и Волге появились — будто бы! — на целую тысячу лет раньше²... Впрочем, отсутствие у своего предположения, так сказать, материального обеспечения Л. Н. Гумилев, конечно, ощущал и сам. «С 155 г., когда северные хунны оторвались от победоносных сяньбийцев на берегах Волги, до 350 г., когда гунны начали упорную борьбу с аланами, их история совершенно неизвестна», — писал он³. Добавим: и их археология тоже.

Зато реальная гуннская инвазия в Европе IV—V вв. обладает, конечно, всесторонним историко-археологическим подтверждением. В конце III в. окончательно перестают функционировать некрополи в Бишкекской долине, и тогда же происходят глубокие изменения в материальной культуре и погребальных обрядах у нижневолжских сарматов за счет внедрения в нее восточных элементов. «Это подводит нас к выводу, — пишет, в частности, Д. Димитров, — что (происходило) всеобщее волнение кочевых народов, случившееся вслед за падением империи Ху-Ну — восточные хунны — и (что) население, создавшее эти некрополи, переместилось на запад,

¹ Василевский В. В. Ук. соч. — С. 167.

² Рассадин С. Е. Северные соседи Великой Скифии. — Минск, 2005. — С. 162.

³ Гумилев Л. Н. Некоторые вопросы истории хуннов.

расселившись в землях к северу от Каспийского моря. Там эти люди вступили в тесные взаимоотношения с местными сарматами»¹. Из них, по Аммиану Марцеллину, гунны «многих перебили и ограбили, а остальных присоединили к себе по условиям мирного договора» (Amm. Marc., XXXI: 3,1). С другой стороны, V в. датируются гуннские захоронения, вытянувшиеся цепочкой от Среднего Дуная до Нижней Волги: Сегед-Надьсекшош, Печ-Усег, Новогригорьевка, Макартет, Нижняя Добринка, Покровск и Ровное. Считается, что они совершены во время бегства остатков гуннской орды, разгромленной на реке Недао в 454 г.² В июне 451 г. сам Атила и Аэций сошлись в великой битве народов античности. И вот на *Campus Mauriacus* — том самом поле в Галлии! — обнаружена ручка жертвенного сосуда в стиле бронзовых китайских древней эпохи Шан.

Считается, что с монголоидами Европа едва ли не впервые познакомилась на примере именно гуннов. И это первое свидание, состоявшееся в конце IV в., оставило у «принимающей» стороны крайне неблагоприятное впечатление. «У них — писал Аммиан Марцеллин, римский военачальник и очевидец, — плотные, крепкие члены тела, толстый затылок; ужасного вида и сутулые, они похожи на двуногих животных или на те грубо изваянные сваи, которые стоят по краям мостов» (Ammian. Marcellin., XXXI: 2). Интересно, а как показались гуннам первые из встреченных ими римлян? Известно, что, например, монголоидные китайцы представляли себе «гай-фын» — «рыжих демонов» — именно в обличье европейцев. Впрочем, в середине V в. у Иордана портрет гунна вышел еще отрицательнее. По его словам, «... они обратили их (аланов) в бегство, потому что их (гуннов) образ пугал своей чернотой, походя не на лицо, а, если можно так сказать, на безобразный комок с дырами вместо глаз» (Iord., *Getica*, 127).

¹ Димитров Д. Протобългары Северного и Западного Черноморья. — Варна, 1987.

² Комар А. В. Ранние хазары в Северном Причерноморье (постановка проблемы) // Восточноевропейский археологический журнал. — 2000. — № 3 (4).

По Д. И. Иловайскому, это ходульное описание проникнуто явным озлоблением. Ну где здесь намек на монголоидность гуннов? — спрашивал он. «Лица у них, — писал он, — были вообще кругловатые, а глаза небольшие (сравнительно с южными европейскими народами), но взор острый, смелый, выражение мужественное. Повторяю, никакого намека нет на выдававшиеся скулы и широко расставленные, узкие, косые глаза. Я нахожу даже в этих чертах замечательное сходство с нашим собственным великорусским типом, с обилием у нас так называемых мордовских физиономий»¹.

Но все же узкие глаза и широкие лица гуннов засвидетельствованы, например, Аполлинарием, епископом Клермонским (последняя четверть V в.). «Подо лбом в двух впадинах, как бы лишенных глаз, виднеются взоры», — описывает он явно монголоидный признак. Правда, добрый епископ, видимо, не понимал, что гуннские плосконосость и плосколицесть естественного происхождения: «Чтобы нос не слишком выдавался между щеками и не мешал шлему, круглая повязка придавливает нежные ноздри (новорожденных). Таким образом материнская любовь обезображивает рожденных для битв, поелику при отсутствии носа поверхность щек делается еще шире». В отличие как от Аммиана Марцеллина, так и от Иордана, гунны вовсе не показались Аполлинарию безобразными. «Остальная часть тела, — писал он, — у мужчин прекрасна: широкая грудь, большие плечи, подпоясанный ниже пупа живот. Пешие, они представляются среднего роста; но если видишь их на коне, то они кажутся высокими; такими же часто являются они, когда сидят» (Apoll. Sidon., Carmina, 235—298). В отличие от своих коллег, процитированных выше, Аполлинарий Сидоний смог разглядеть красоту гуннского человека-кентавра.

Вообще, о расовой принадлежности гуннской орды существуют весьма различные мнения. Г. Ф. Дебец считал, что к той же самой палеосибирской расе принадлежали погребенные в гуннских могильниках не только Забайкалья, но и

---

¹ Иловайский Д. И. Пересмотр вопроса о гуннах // ЖМНП. — 1881, май.

Венгрии¹. Венгерский же исследователь И. Бона утверждает противоположное. «Трудно поверить, — пишет он, — но, согласно нашим теперешним знаниям, доля монгольского антропологического типа среди гуннов составляла не более 20—25 %»². Безусловно, что в гуннской среде имела место широкая межрасовая метисация.

Наверняка образ такого хунно-сарматского метиса запечатлен Аполлиналием Сидонием. «Круглою массою возвышается его сдавленная голова», — писал клермонский епископ о таком гунне (Apoll. Sidon., *Carmina*, 235—298). Очевидно, что речь здесь идет об искусственной деформации черепа. У хуннов на Дальнем Востоке, согласно Л. Н. Гумилеву, она не отмечена, но зато представляет собой едва ли не самый яркий национальный обычай сарматов. Выйдя к Волге, хунны, по словам ревностного своего исследователя, попали «под обаяние сарматской культуры»³. В результате мода на «сдавленные» черепа, распространившаяся среди германских народов Центральной Европы, объяснялась Й. Вернером влиянием господствовавших гуннских кочевников⁴. Хунны, даже несмотря на значительную китаизацию, сохраняли свои тюркские, в том числе «звериные», имена⁵. Эту традицию, как было показано выше, в полной мере соблюдали и гунны на Западе.

Странное дело, но одного лангобарда в VI в. и половца в XII в. звали совершенно одинаково, — Ильдигиз⁶. Ильдигиз-лангобард, принц крови, так и не ставший королем, был, в конце концов, убит. Ильдигиз-половец был... рабом, а стал султаном, основателем династии Ильдигезидов, правителей Аррана. Но оба носили настоящее *Nomen hunnorum*, потому

¹ Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. — М., Л., 1948. — С. 121—123.

² Bóna J. Ук. соч. — С. 30.

³ Гумилев Л. Н. Тысячелетия вокруг Каспия. — М., 2002. — С. 121.

⁴ Werner J. Beiträge zur Archäologie des Artila-Reiches. München. — 1956. — С. 17.

⁵ Гумилев Л. Н. Хунны в Китае. — С. 151.

⁶ Рассадин С. Е. Два Ильдигиза и один эпизод истории лангобардов // Гістарычна-археалагічны зборнік. — 2004. — № 19. — С. 126—139.

что у них в V в. был, фактически, еще один тезка — Δεϋϋ-
ςῖχ или Dentzic (Prisc., fr. 36;
Iord., Getica, 272). «Удара ко-
роля Диккиза (Dikkiz) Мудрого
остерегайся! Отступи к богу
загробного мира!», — гласит
надпись на гуннском языке,
сделанная на драгоценном блю-
де, которое было случайно об-
наружено около д. Керчев Чер-
дынского уезда Пермской гу-
бернии еще в 1893 г. (рис. 4).
Согласно А. Г. Мухамадиеву, это

Рис. 4. Изображение Дик-
киза — Денгизика, сына Ат-
тилы, на блюде из Керчева

просто три варианта одного и того же имени, которое носил младший сын Аттилы¹. Именно под его командованием в 468—469 гг. гунны потерпели сокрушительное поражение от ромеев. Незадачливый младший царевич потерял не только власть, но и голову, которая была в Константинополе выставлена в цирке на всеобщее обозрение...

Однако слава «великого короля Атти» (Attila — от тюркско-го Atly, «всадник»?²) оказалась так велика, что лангобарды все равно называли своих принцев по-гуннски... Выясняется, что вопреки распространенному мнению и в доиталийскую свою эпоху этот народ был в числе германских подданных «Бича Божьего»³. Лангобардам в Богемии, наверное, было все же лучше, чем готам в Паннонии. «Ибо они, — писал о гуннах очевидец Приск, — не занимаясь земледелием, подобно волкам нападают и расхищают их пищу, так что они (готы), состоя в положении рабов, трудятся для доставления им продовольствия» (Prisc., fr. 39). Не названные им, там же в таком же положении, оказались еще и какие-то славяне.

¹ Мухамадиев А. Г. Туранская письменность // Проблемы лингвостраноистории татарского народа. — Казань, 1995. — С. 36—83.

² Будаев Н. Западные тюрки в странах Востока // <http://balkaria.narod.ru/istoria/budaev.htm>

³ Рассадин С. Е. Два Ильдигиза и один эпизод истории лангобардов. — С. 126—139.

Наверное, это ими в 448 г. византийским послам вместо вина предлагался мед. В результате *мѣдоу* оказалось самым первым славянским словом, зафиксированным в письменных источниках (Prisc., fr. 8). Основу хозяйства открытых в районе сербско-венгерской границы раннеславянских поселений составляло земледелие. Из них Хоргош и Ганарош аналогичны, по найденной на них керамике, поселениям Роище и Хитцы в Левобережной Украине и датируются первой половиной V в. По мнению С. Трифуновича, эти самые ранние их поселения в Юго-Восточной Паннонии основаны славянами, побежденными, подчиненными и приведенными сюда гуннами¹.

Печальную аналогию представляет здесь доля китайского земледельца, оказавшегося под властью хуннских шаньюев или монгольских ханов. В Ипатьевской летописи под 1241 г. сказано, что князя Волховской земли, отложившись от Даниила Галицкого, передались татарам, «да им орють пшеницу и проса», снабжая таким образом своих кочевых завоевателей необходимым фуражом и продовольствием². Что этих ренегатов можно использовать таким образом, монголо-татар осенило, конечно, не вследствие взятия ими накануне Киева. Они не могли не иметь таких отношений с какими-нибудь оседлыми земледельцами в своей родной Азии. Как за 1000 лет до них хунну...

Хунну имели неких «цзелу», как китайской грамотой передавалось древнетюркское слово *qul*. «Кул» в современных тюркских — просто «раб». Но тогда это слово, по Л. Н. Гумилеву, обозначало лишь инородца, подчиняющегося чужому — хуннскому — вождю. Это были разноплеменные беженцы из империи Хань, эмигрировавшие в северную степь, под защиту хунну. «Хунны имели в качестве *союзников* (курсив мой. — Р.С.) кулов», — определил их реальный — не рабский! — статус великий современный историк³. «Союзник», «друг», даже

¹ Трифунович С. Словенска насеља V—VIII века у Бачкој и Банату // <http://archaeology.kiev.ua/pub.cgi>

² Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. — М., 1978. — С. 37—38.

³ Гумилев Л. Н. Хунны в Китае. — С. 24.

«побратим» в тюркских и монгольских языках звучит наподобие Иорданова и Прокопиева Antes, Автаи— анты¹! Этот лингвистический факт М. М. Казанским был сопоставлен с историческим. Славяне, по его мнению, нашли общий язык с гуннами, превратившись, таким образом, в их «антов»². Правда, как уже было сказано, подружиться с гуннами удалось далеко не всем славянам. Возможно, такие различия в статусе также имеют какое-то отношение к их изначальному разделению на Автаи и Σκλαβηνοί.

Рис. 5. Конный гунн.
Реконструкция М. В. Горелика

Часть из них кочевники превратили в подобие илотов. Так или иначе, но верный союзническому долгу гуннский хан Баламбер мстит за распятие вождя своих «антов» Бога королю остроготов Винитарю. Хан лично убил этого короля в сражении на загадочной речке Эрак (Iord., Getica, 130, 249). Подобные взаимоотношения со степняками сейчас выглядят необычно, но историческая достоверность от теперешнего восприятия уж никак не зависит. К примеру, К. Годловским уменьшение населения бассейна Вислы объяснялось уходом тамошних жителей «под крыло» гуннов³.

«Они, — писал о гуннах весьма осведомленный римский военный служащий, — воюют на расстоянии с метательными снарядами, имеющими заостренную кость вместо обычных наконечников, с чудесным мастерством присоединенных к

¹ Попов А. И. Названия народов СССР. — Л., 1973. — С. 34—37.

² Казанский М. М. Оружие киевской культуры // Памятники старины, концепции, открытия, версии. — 1997. — Вып. 2.

³ Godłowski K. Przemiany kulturowe i osadnicze w południowej i środkowej Polsce w młodszym okresie przedrzymskim i w okresie rzymskim. — Wrocław, 1985. — S. 125—126.

древку, они также галопируют по местности и сражаются в боевом столкновении мечами, не задумываясь о своих собственных жизнях... они кидают арканы из завязанных узлами полос материи на своих противников и вяжут их» (Ammian. Marcellin., XXXI: 2, 9).

Документальное свидетельство Аммиана Марцеллина о легкой гуннской кавалерии, казалось бы, должно совершенно опровергнуть поэтические строчки, так смутившие юного Алешу Пешкова:

...В сталь закован по безлюдью,
нем и мрачен как могила,
едет гуннов царь Аттила.

Однако на самом деле гуннская орда состояла как из конных лучников, так и из таких вот «всадников Апокалипсиса» (рис. 5). Во III—II вв. до н.э. не только сарматы на востоке Европы, но и хунну в Восточной Азии стали пользо-

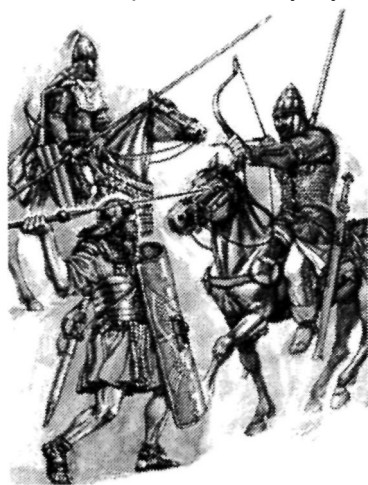

Рис. 6. Сарматские всадники и римский легионер. Реконструкция М. В. Горелика

ваться новыми седлами, с глубокими, высокими луками. Это вызвало настоящий переворот: «С его появлением, — считает знаток вопроса, А. В. Симоненко, — таранный удар копьем со скачущего коня, бывший в скифское время достоянием отдельных богатырей, стал доступен целым подразделениям»¹. Но такой всадник нуждался в соответствующей бронево- вой защите, причем не только для самого себя, но и для лошади. Предшественники рыцарства появляются тогда и у хуннов. По А. М. Хазанову,

¹ Симоненко А. В. Некоторые дискуссионные вопросы современного сарматоведения // ВДИ. — 2000. — № 2.

латная конница стала эффективным средством против массовых армий земледельческих стран¹. Тяжесть ее ударов испытала на себе империя Хань, а в свой черед — римская (рис. 6).

Римскую империю в результате гуннского нашествия постиг самый настоящий инфаркт — еще не смертельный, но в корне подорвавший ее демографическое, военное, политическое здоровье. Для славян же это нашествие должно было иметь совсем иные последствия. Современник, Прокопий из Кесарии, писал, что они, «при своем простосердечии, имеют гуннские нравы» (Procop., De Bell. Goth. I: 3). По-видимому, славяне и в самом деле тогда многое переняли у своих прибывших от пределов Китая боевых друзей. «Привлекая славянские подразделения в свою армию и используя их как вспомогательные во время своих кампаний, — писал Г. В. Вернадский, — гунны научили военному духу анто-славян». Ему же принадлежит и более существенный этноисторический вывод: «Уничтожив могущество остготов, гунны предотвратили возможность германизации анто-славян в Южной Руси»².

§ 2. «ДРУНГ»³

В славянской истории особое место всегда отводилось территории Подунавья. На Дунае помещается летописцем сама прародина славянства. «По мнозехъ же времянх сели суть словени по Дунаеви, где есть ныне Угорська земля и Болгарська, — писал Нестор. — И от техъ словень разыдошася по земле и прозвашася имены своими, где седоша на которомъ месте»⁴.

Но именно вдоль Дуная вклинивается в глубину Европы великая степь, форпост которой — венгерская пушта. На-

¹ Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. — М., 1967. — С. 63; Хазанов А. М. Катафрактарии и их роль в истории военного искусства // X Legio V.1.5. // <http://legio.ru>

² Вернадский Г. В. Ук. соч.

³ «Друнг» (историч. греч. — друзья) — наименование славянских воинских отрядов, находящихся на службе у болгар.

⁴ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Т. 1. — М., Л., 1950. — С. 11.

сколько для кочевников оказалось удобной долина Дуная, можно судить, в частности, по следующему справедливому замечанию Г. В. Вернадского об аварах. «Будучи кочевниками, — пишет он, — авары нашли в бассейне Нижнего Дуная земли, вполне удовлетворяющие их потребности. Им не нужно было менять своих привычек, они могли выращивать лошадей и скот на Паннонской равнине точно так же, как и до этого в причерноморских и закаспийских степях»¹. Этим степным коридором для продвижения далеко на запад пользовались, сменяя друг друга, евразийские кочевники, от киммерийцев в IX—VIII вв. до н.э. до мадьяр в конце IX в. н.э.

Итак, Подунавье было не только важнейшей частью раннеславянского ареала. Оно являлось вместе с тем зоной разнообразных славянско-кочевнических контактов. Их результаты, как известно, были весьма различны: от полной славянизации пришедшей кочевнической орды до, наоборот, ассимиляции ею славян-дунайцев. Интерес к славяно-кочевническим взаимосвязям начала средневековья выглядит, таким образом, вполне мотивированным. Тем более что уже само первое появление славянства в Подунавье произошло не без посредничества кочевников. Высказывалось даже такое оригинальное мнение: само наименование *Σκλαυνοί*, *Σκλάβοι* — это профессия тех, кто устраивал водные переправы именно через Дунай для кочевников².

Как известно, вскоре после кончины этого *flagellum Dei*, «Бича Божьего», господство гуннов в Подунавье пало в результате восстания подвластных им германских народов, устроивших своим бывшим господам полный разгром на реке Недао в 454 г. Подунавье таким образом было подготовлено для установления в нем новой, по мнению многих — славянской, гегемонии.

Действительно, на этот раз славяне выходят на берег Дуная уже явно не в скромной роли чьих-то перевозчиков, а как воины (рис. 7). Считалось, что произошло это в 518—519 гг., т.е. во время восшествия на византийский престол императора

¹ Вернадский Г. В. Ук. соч.

² Иванов С. А. Ук. соч. — С. 9.

Юстина Первого. Ф. И. Успенский основывался на таком известии: «Когда Юстин, дядя Германа, получил царство, то анты, жившие очень близко к славянам, перешли реку Истр и большим войском вторглись в римскую землю» (Проспер., De Bell. Goth., VII: 40, 5)¹. Этим их первым, согласно Ф. И. Успенскому, нападени-

Рис. 7. Штурм славянами византийской крепости. Реконструкция М.В. Горелика

ем на Византию славяне открыли целую эпоху своих походов за Дунай. Большей частью они были успешными, что вызвало на определенном этапе развития исторической науки даже сравнение с завоеванием германскими дружинами Западной Римской империи веком раньше. Но в любом случае самой первой военной акции славянства к югу от Дуная должно было предшествовать достаточно прочное закрепление на противоположном берегу этой великой европейской реки. Как предполагалось А. А. Шахматовым на основании анализа письменных источников, «славяне только в VI, а самое раннее в конце V в. продвинулись к Дунаю и к границам империи»².

Но сведения из этих источников, как оказалось впоследствии, получили свое археологическое подтверждение, например, в следующем. Так, выяснилось, что в формировании на территории теперешней Румынии археологической культуры типа Ипотешти-Кындешти-Чурел VI—VII вв. приняли участие носители как пеньковской, так и пражско-корчакской культурных традиций. Это соответствует сообщениям раннесредневековых авторов, которые различают здесь, соответственно, антов-славян, или «склавен» Sklaveni, Σκλαυνοι, согласно греческой, со вставным 'к, транскрипции»³.

¹ Успенский Ф. И. История Византийской империи VI—IX вв. — С. 239.

² Шахматов А. А. Ук. соч. — С. 6.

³ Седов В. В. Восточные славяне VI—XIII вв. — С. 19.

Между прочим, сведения византийских авторов о заселенности этой территории именно славянами нашли свое полное археологическое подтверждение в археологических памятниках вопреки усилиям многих румынских исследователей как-нибудь обосновать непрерывность романского населения в Валахии. Для этого ими существование черняховской, или культуры *Sîntana de Mureș*, фактически продлялось вплоть до VII в., чтобы она хронологически сомкнулась с культурами VIII—X вв., так называемыми «прото-Дриду» и «Дриду», якобы валашскими или даже «древнерумынскими»¹. Но, как оказалось, уже с середины V в. на поселениях культуры *Sîntana de Mureș* появляются типичные раннеславянские четырехугольные полуземлянки с печами-каменками. Наравне с провинциально-римской и гето-дакийской распространяется лепная раннеславянская посуда. Считается, что уже этими находками фиксируются начало процесса как славянизации местного черняховского населения, так и инфильтрации славян в Подунавье². Доказать же черняховское, т.е. романское, происхождение так называемой культуры Ипотешти-Кындешти-Чурел VI—VII вв. в Валахии никому не оказалось под силу. Эта культура появилась на Дунае явно извне, в результате массового переселения славян, и обладала выразительной славянской спецификой, которой она смогла наделить культуру балкано-дунайскую, сложившуюся также и на ее основе³. Предполагается, что романизированному населению тогда пришлось вообще отступить из Валахии в Трансильванию, где под защитой горно-лесного ландшафта Карпат им создается культура типа Братей. В Валахии же подобные древности отсутствуют. С этим вполне согласуется отмеченное Г. Б. Федоровым обстоятельство: о пребывании в VI—VII вв. в заселенной славянами Дунайском Левобережье каких бы то ни было

¹ Федоров Г. Б. Этногенез волохов, предков молдаван, по данным археологии (историографический аспект) // *Stratum plus* Петербургский археологический вестник. — 1999. — № 5.

² Приходнюк О. М. Пеньковская культура. Культурно-хронологический аспект. — Воронеж, 1998. — С. 69.

³ Kurnatowska Z. *Stowiańszczyzna Południowa*. — Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, 1977. — S. 14.

«влахов» письменные источники хранят полное молчание. Но известно, что позднее, в X—XIII вв., романизированные «волохи»-«влахи»-«блахи» политически зависели от славянства.

Предполагается, что также и в ареале *Sintana de Mureș*, в частности в Мунтении и Трансильвании, существовали германские мини-королевства, «сателлиты» гуннской империи¹. В отличие от романцев, германцы в качестве партнеров славян фигурируют в источниках уже в VI в.² При этом ни о какой подчиненности славян этим переселившимся сюда двумя-тремя столетиями раньше них германцам, в частности, заселявшим Дакию гепидам, речи у раннесредневековых авторов не идет. Скорее у дунайских славян сложились с ними деловые, договорные отношения³. Во всяком случае, во время кампании 551—552 гг. славян против империи гепиды обслуживают их, очевидно, по предварительному соглашению, тоже отнюдь не задаром. Гепиды, согласно Прокопию Кесарийскому, переправляют славянских воинов через Дунай «за огромные деньги: за каждую голову плата была — по золотому статиру» (Procop., *De Bell. Goth.*, VII: 25, 5). Этнические гепиды, впрочем, отмечены и непосредственно в рядах славянских войск, выступивших против Византии в 592 г. (Theophylakt. *Simocatta*, VI: 6, 13). Но, с другой стороны, именно находившиеся на службе у Византии герулы, во главе с их вождем Филимут, внезапно напали и наголову разгромили войско славян, когда оно возвращалось из похода в Далмацию в 545 г. (Procop., *De bello goth.*, VII: 13, 25). Впрочем, обычно походы славян заканчивались их благополучным возвращением за Дунай с добычей и пленными. Так, по словам того же Прокопия, анты, «обрушившись на области Фракии, МНогих ограбили и поработили из тамошних ромеев. Ведя их, очи возвратились в отчие места» (Procop., *De bello goth.*, VII: 4, 11).

¹ Казанский М. М. Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные // *Stratum plus* Петербургский археологический вестник. — 2002. — №1 (рис. 1: 1).

² Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. — С. 97.

³ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. — М. — С. 246.

Попытки византийских военных мстить, перенеся истребление и порабощение населения на славянский берег Дуная, равно как и попытки дипломатов воспользоваться ссорами внутри славянства, склонить некоторых славянских вождей к союзу с империей провалились. Нападения антов и склавенов на Балканы в VI—VII вв. повторялись вновь и вновь, поскольку ликвидировать эту угрозу путем подчинения этих задунайских «варваров» не удалось. Император Маврикий, опытный византийский полководец, о славянах VI в. в своем «Стратегиконе» был вынужден записать: «...свободные, они никоим образом не склонны стать рабами, особенно в собственной земле» (Маур., II: 9, 1).

Впечатление о полной независимости славянства в Подунавье даже в период утверждения здесь господства авар остается и от напыщенной речи, вложенной в уста одного из славянских вождей Менандром. Под 578 г. им сообщается, что сам аварский «игемон», каган Баян, послал к славянам, «повелевая им подчиниться аварам и причислить себя к плательщикам дани». На это упоминавшийся уже славянский предводитель Даврентион или Давритас (Δαυρέντιον, Δαυρίτας), отвечал якобы так: «Родился ли среди людей и согревается ли лучами солнца тот, кто подчинит нашу силу? Ибо мы привыкли властвовать чужой (землей), а не другие — нашей. И это для нас неизбежно, пока существуют война и мечи» (Menandr, fr. 48). Поэтому не приходится, наверное, удивляться даже и утверждению лишь о «временном успехе» авар в их борьбе с дунайскими славянами¹. Предполагалось, в частности, что в середине VI в. дальнейший «подъем Антского государства» действительно оказался под угрозой, однако аварам удалось добиться тогда подчинения себе лишь «части антских племен», и лишь «некоторые антские князья стали вассалами кагана»².

В 558 г. ко двору византийского императора прибывает посольство от государя неизвестного ранее народа авар. Впрочем, согласно Феофилакту Симокатте, подданные и соплеменники Баяна — это, собственно, «псевдоавары: так

¹ Мавродин В. В. Ук. соч. — С. 43.

² Вернадский Г. В. Ук. соч.

было бы правильно их называть» (Theofylakt. Simocatta, VIII: 1). На самом деле это были беглые с востока племена уар и хунни (вархониты), обманно присвоившие чужой этноним «абар», принадлежавший жужаням Джунгарии. Будучи в действительности родственными уграм Зауралья и заплетая, как они, косы, послы этих «авар» немало удивили граждан Константинополя своими необычными для мужчин и воинов прическами (Agathios., I: 7; Ioan. Ethes., III). Послы кагана Баяна требуют от императора предоставить аварам для постоянного жительства территорию, и непременно с оседлым населением. Считается, что эта незавидная роль изначально отводилась славянам. В 568 г. авары утверждают в Паннонии. Славянское население составило в их каганате низшее, эксплуатируемое сословие данников (Fredegar., IV: 48).

Согласно В. О. Ключевскому, в VI в. славянство было сплочено в мощном объединении, противостоявшем самой Византийской империи. «Этот военный союз и есть факт, который можно поставить в самом начале нашей истории»¹, — писал он. Но данное объединение уничтожается внезапно нагрянувшими откуда-то с востока псевдоаварами, и славянским женам приходится выполнять для них, по словам летописца, работу тяглового скота. Однако действительно ли появление в царствование византийского императора Тиберия этой очередной волны евразийских кочевников на Дунае обусловило столь существенные и негативные изменения в начальной истории славянства?

Может показаться, что в середине VI в. дело обстоит как раз именно так, как и предполагалось многими выдающимися историками, и что новые и новейшие научные данные лишь подтверждают их правоту. С одной стороны, считается, например, что лишь с конца VIII—IX в. на Нижнем Дунае происходит сколько-нибудь значительное распространение культурных элементов кочевнического происхождения, да и то в соединении со славянскими. Это была, по словам Г. Б. Федорова, «особая культура, в которой сли-

---

¹ Ключевский В. О. Курс русской истории. В 9 т. — М., 1987. — С. 141.

лись собственно славянская и салтово-маяцкая культура — так называемая Балкано-Дунайская». Для Первого Болгарского царства она, по-видимому, должна считаться, так сказать, государственной, хотя бы потому, что границы обоих в основном совпадают. Помимо Болгарии, ареал этой культуры охватывает также и почти всю территорию современной Румынии¹. С другой стороны, в Подунавье и далее располагаются очень интересные древности V в. Это протянувшаяся отсюда далеко на восток цепочка сходных по инвентарю и обрядности гуннских памятников: Сегед-Надьсекшош и Печ-Усег в Венгрии, Новогригорьевка и Макартет в Украине, Нижняя Добринка, Покровск и Ровное в Саратовском Поволжье. По мнению А. В. Комара, эти захоронения совершались во время откочевки остатков гуннской орды, разгромленной на реке Недао. Имеются доказательства, что гунны откатились в Азию вплоть до восточного берега Аральского моря, а на самом востоке Европы, в Прикавказье и в Поволжье, задержались лишь их небольшие группы².

Получается, что в конце V — начале VI в. бывшие подданные сбежавших на восток гуннов, невольные славянские первопоселенцы Подунавья, могли спокойно дожидаться всенародного прибытия сюда своих единоплеменников, поскольку оказались предоставленными сами себе. Действительно, сложившаяся здесь военно-политическая ситуация выглядит весьма благоприятной для свободного массового переселения славянства. Такое впечатление складывается, в частности, благодаря следующему обстоятельству. Некоторые авторитетные исследователи исходили из того, что после разгрома соплеменников Аттилы каких-либо кочевников, способных навязать свою власть стремительно заселявшему Дунайское Левобережье славянству не имелось ни там, ни даже поблизости вплоть до самого нашествия псевдоаварской орды Баяна. В частности, таким примерно виделось М. И. Артамонову отношение к кутригурам, с которыми анты то дружили, то снова

¹ Федоров Г. Б. Ук. соч.

² Комар А. В. Ранние хазары в Северном Причерноморье (постановка проблемы).

³ Артамонов М. И. История хазар. — С. 110.

воевали³. Согласно договору, заключенному ими с Юстинианом в 545 г., анты должны были не давать кутригурам прохода к имперской границе через свою территорию на Левобережье Дуная. Однако, как полагает Г. Г. Литаврин, это противостояние к концу 550-х гг. завершилось не в пользу антов, и они нашли выгодным для себя радикально изменить отношение к Византии. В 559 г. оба ее соседа уже не воюют между собой, а наоборот, соединенными силами весьма успешно атакуют империю. Эти «склавы» вместе с «гуннами», т.е. в данном случае кутригурами, во главе с их ханом Заберганом, опустошают всю Фракию вплоть до самого Константинополя (Malala, 490: 6—12). Важно, однако, подчеркнуть, что славянам здесь отводится роль, в худшем случае, младшего, однако все же равноправного партнера кочевников. «Анты, — пишет Г. Г. Литаврин в своем комментарии к соответствующему известию Иоанна Малалы, — к концу 558 г. хотя и потерпели неудачу, как мы допускаем, в столкновении с кутригурами, ни в какой форме зависимости от Забергана не находились»¹.

Вопрос о какой бы то ни было зависимости придунайских славян от кочевых тюркоязычных болгар в конце V — первой половине VI в. даже и не ставился. Например, Г. В. Вернадским это не делалось по следующей причине: «Я готов принять по сути тезис Д. Бромберга, что протоболгарские гунны жили между концом пятого века и приходом аваров лишь в Околоазовье, но не на Балканах или в Трансильвании», — утверждал он². Этот тезис, казалось бы, получил впоследствии также и необходимое археологическое обоснование. Так, несколько десятилетий спустя специально подчеркивалось: «Памятники тюрко-болгар ранее VIII в. в Подунавье неизвестны». Имея в виду этих же болгар в V—VI вв., М. И. Артамонов далее также отметил: «Об их культуре мы не имеем никакого представления»³. Нет его, между прочим, и по сей день. Это рассмат-

¹ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. — С. 270.

² Вернадский Г. В. Ук. соч. — Прим. 100.

³ Артамонов М. И. Болгарские культуры Северного и Западного Причерноморья // Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. — Вып. 15. — Л., 1950. — С. 14—15.

ривается, кстати, как одна из причин нерешенности проблемы происхождения салтовской культуры VIII—X вв., в основном тюрко-болгарской, по мнению некоторых исследователей¹. Болгарские могильники как в салтовской, так и в балкано-дунайской культуре выразительных внешних признаков, наподобие тех же курганных насыпей, лишены. Видимо, погребения болгар предшествующего времени совершались по сходному обряду, и поэтому тоже не бросаются в глаза. Но такая археологическая неуловимость болгар V—VI вв. для Подунавья не представляет собой ничего исключительного. Ведь их памятники VII — начала VIII вв. пока тоже не выявлены. Также не обнаружены здесь древности кутригуров и ранних авар². Но это не значит, конечно, что есть повод сомневаться в правдивости известий письменных источников о соплеменниках Забергана или кагана Баяна.

Итак, по мнению целого ряда исследователей, болгары впервые проникают на Дунай гораздо раньше пришедших в составе Аспаруховой орды. Когда? Допускалось, что их появление произошло еще при основании на Дунае гуннского господства. Согласно Д. И. Иловайскому, эти «болгаре» появились в придунайских странах вслед за остроготами, бежавшими сюда от нашествия гуннов³. Правда, в подтверждение этой своей догадки он ссылался лишь на Иорданов рассказ о победе, одержанной будущим Теодорихом Великим около 473 г. Юный остроготский принц переходит Дунабий и уничтожает Бабая, короля сарматов (Jord., *Getica*, 282). Действительно, подобное имя, Бабай, или Батбаян, упоминается в «Именнике болгарским ханам»⁴. Однако никак нельзя считать его именно болгарским, по причине широкой распространенности в среде также и других тюркских, или, как говори-

¹ Бариев Р. Х. Ук. соч.

² Там же, с. 28; Комар А. В. Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // *Vita Antiqua*. 1999, № 2. С. 111—136.

³ Иловайский Д. И. Разыскания о начале Руси. — С. 209.

⁴ Тихомиров М. Н. Именник болгарских князей // *Вестник древней истории*. 1946, №3. — С. 81—90.

ли ранее, «татарских», народов¹. Такие же тюркские, а точнее, гуннские имена, заимствовались, согласно Иордану, преимущественно готами; сарматы же, по его словам, предпочитали, наоборот, германские (*Iord., Getica*, 59). Но, несмотря на это, представляется не менее вероятным внедрение элементов тюркской ономастики также и на реке Тиссу, в иранскую среду тамошних сарматов-язигов. Считать их болгарами только из-за тюркского имени предводителя, конечно, не приходится, тем более что подобная путаница относительно этноса этих язигов у самого Иордана не допускается.

На известии другого итальянского историка, Павла Диакона, основано еще одно предположение о раннем проникновении болгар на Дунай. Правда, согласно М. И. Артамонову, они от гуннов сюда не бежали, а, наоборот, в составе гуннской орды Ругилы как раз в Паннонию и пришли. Там эти болгары сразу сталкиваются с лангобардами, уничтожив даже их короля Агельмунда и захватив в плен его дочь-принцессу (*Paul. Dias, Historia Romana*, XV: 11)². Однако рассказ Павла Диакона об этих драматических событиях считается непригодным для каких бы то ни было датировок, потому что он явно был сочинен им же самим, исходя из определенных — конъюнктурных! — соображений. Итак, согласно В. Т. Сиротенко, достоверные письменные известия о пребывании болгар в Подунавье в период господства там гуннов отсутствуют³.

Правда, другого мнения придерживался Л. Н. Гумилев, видевший тех же болгар в племенах оногур, сарагур и урогов. В 463 г. на Дунае должны были побывать, наверное, по крайней мере послы этих племен, когда, согласно Приску, они пришли к восточным римлянам, «желая приобрести их благосклонность» (*Prisc., fr. 30*). Послы сообщили также, что их

¹ Куник А., Розен В. Ук. соч. — С. 132.

² Артамонов М. И. Болгарские культуры Северного и Западного Причерноморья. — С. 79—80.

³ Сиротенко В. Т. Письменные свидетельства о болгарях IV—VII вв. в свете современных им исторических событий // Славяно-балканские исследования. — М., 1972. — С. 196—197.

племена сразились с акацирами и покорили их. Основываясь на этом, Л. Н. Гумилев предположил, что в 463 г. «болгары уничтожили гуннский тыл» и даже «победили гуннов»¹. Однако акациры, согласно Приску, — это вовсе не гунны, а лишь один из множества народов, завоеванных Аттилой, которому он назначил царем своего старшего сына Эллага, предварительно изгнав их собственного царька (Prisc., fr. 8). К тому же места обитания «gens Acatzirorum» находились, очевидно, гораздо восточнее Подунавья, может быть, даже в Прикавказье². С другой стороны, далеко не всеми признается тождество с болгарами Присковых оногур, сарагур и урогов, изгнанных савирами откуда-то из Сибири. Поэтому и считается, что сам переход болгар из Закаспия в Европу, в Предкавказье, прошел незамеченным для римских писателей³.

Впрочем, имеются другие, на этот раз бесспорные данные, которыми дебют болгар на Дунае засвидетельствован задолго до аварского вторжения. Согласно Эннодию, а также самому историку лангобардов, которым подробности события как раз и сообщаются, в 487—488 г. путь Теодориху Амалу в Италию безуспешно пытались преградить гепиды вместе со своими болгарскими союзниками. Ими для остготского войска была устроена засада, однако же крайне неудачно. В завязавшейся на реке Улька в бассейне Савы битве союзники потерпели поражение, причем погибли оба их предводителя: и король гепидов Трапсила, и вождь болгар Бузан (Paul. Diac., Hist. Romana, XV: 11). «Стоит перед моими очами вождь булгарский, поверженный твоей десницей...», — сообщает Эннодий о плачевных результатах этого посягательства на готскую гегемонию (Ennod., Panegeric. Teodoric., 28). Этот несчастный для болгар 487 г., когда гибнет «князь их, Бус (Busas)», упоминал еще П. Шафарик — именно в качестве даты первого их появления на правом берегу Дуная. Впоследствии подобная дати-

¹ Гумилев Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. — С. 45, 201.

² Иордан. Ук. соч. — С. 217.

³ Будаев Н. Ук. соч.

⁴ Шафарик П. И. Ук. соч. — С. 263; Соколов М. Из древней истории болгар. — СПб., 1879. — С. 40; Ангелов Д., Кашев С., Чолпа-

ровка становится уже традиционной⁴. Болгары вступили на византийскую территорию вследствие приглашения их императором Зеноном для оказания помощи империи в ее борьбе против засилья готов. Они должны были быть приглашены несколько ранее гибели Буса-Бузана, но когда? Одни исследователи датируют выступление болгар на стороне Византии 480-м, вторые — 481-м, третьи — 482-м годом. Но, как выяснилось еще раньше, все они были не правы. «Сопоставление свидетельств Малха и Иоанна Антиохийского, — утверждает В. Т. Сиротенко, — дает нам основание признать достоверность сообщения болгарского переписчика хроники Константина Манассии и считать 476 г. временем первого появления булгар в Подунавье». На полях сделанного в 6853 г. «от сотворения мира» (в 1345 г. от Рождества Христова) славянского перевода упомянутой стихотворной хроники помечено, что «исход» болгар на Дунай произошел 870 лет назад, т.е. в 475 г. Согласно хронике, приписываемой Иоанну Антиохийскому, византийское правительство «в первый раз склонилось к союзу с так называемыми болгарями» тогда, когда остготами была создана угроза самому Константинополю. Ведомые Теодорихом Триарием, они опустошали города Фракии как раз летом 479-го; осенью того же года непосредственная опасность, а следовательно, и срочная нужда императора Зенона в союзе с кочевниками, уже миновала (Ioann. Antioch., fr. 211)¹.

Итак, получается, что первые болгарские переселенцы прибыли по горячим еще следам ушедших обратно на восток гуннов и заняли их прежние кочевья в Подунавье. Там их сразу нашли эмиссары императора Зенона, и всего через десять лет после вторжения сыновей Атиллы Эрнака и Денгизика через Дунай переправилась туда же, во Фракию, новая, на этот раз уже болгарская, орда. В этой связи, конечно,

---

нов Б. България военна история от античността до втората четвърт на Х в. София, 1983. — С. 51; Dąbrowski K. и др. Ук. соч. — S. 160.

¹ Сиротенко В. Т. Византия и булгары в V—VI вв. // Ученые записки Пермского государственного университета им. А. М. Горького. Вып. 4. — 1961. Т. 20. — С. 43—71; Сиротенко В. Т. Письменные свидетельства о болгарях IV—VII вв. в свете современных им исторических событий. — С. 198.

требует уточнения известная точка зрения, согласно которой эти кочевые болгары систематически начали проникать к югу от Дуная «одновременно со славянами»¹. Как мы помним, согласно Прокопию, войска антов впервые вступили «на римскую землю», т.е. на Правобережье Дуная, в год интронизации Юстина Первого, только в 519 г. А болгары пришли сражаться с фракийскими готами на имперской территории уже в 479-м, на целых сорок лет раньше славян. Разница в масштабах рассматриваемого нами здесь столетия из истории славяно-кочевнических отношений весьма существенная. Будем иметь это в виду, но еще обратим внимание и на следующее. Предполагалось, что не только свои нападения на Балканский полуостров, но и саму его колонизацию болгары начинают одновременно со славянами². Однако такая синхронность как славянского, так и болгарского расселения должна была иметь место не только к югу, но также и к северу от Дуная. Поэтому вполне уместным выглядит предположение, что там, в Дунайском Левобережье, в прежней стране древних гетов, славяне на рубеже V и VI вв. расселились «по соседству или даже попеременно с болгарями»³.

Между прочим, эта гипотеза, выдвинутая еще в 1960-х гг. и основывавшаяся тогда лишь на письменных источниках, теперь получает, возможно, также и археологическое обо-

¹ Тыпкова-Заимова В. Южные славяне, протоболгары и Византия. Проблемы государственного и этнического развития Болгарии в VII—IX вв. // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI—XIII вв.). — М., 1991. — С. 45.

² Сиротенко В. Т. Византия и булгары в V—VI вв. // Ученые записки Пермского государственного университета им. А. М. Горького. Т. 20. Вып. 4. — 1961. — С. 55.

³ Там же, с. 57. Кстати, нет никакой необходимости видеть именно славян в тех задунайских «варварах», которые в 517 г. произвели нападение на Македонию, согласно Марцеллину Комиту. Он не знал их подлинной принадлежности, и поэтому называл гетами лишь на том основании, что они, подобно древнему царю Берибисте, также совершили свое нападение из-за Истра, с бывшей гетской территории. Но оттуда же приходили и болгары, и этих кочевников следует усматривать в «гетах» Марцеллина Комита даже скорее, поскольку он говорит о них, как именно о конниках.

снование. Предполагаемая территория совместного проживания обоих народов к северу от Нижнего Дуная входит в ареал пеньковской культуры VI—VII вв. А пеньковские памятники, как некоторыми считается в настоящее время, могут надежно увязываться не только со славянами-антами, но также и с тюрками-болгарами¹.

Между прочим, факты совместного проживания земледельцев и кочевников в пределах одного и того же ареала были известны уже в древности. Тогда тоже наблюдались их культурное сближение и интеграция. Так, в Киево-Черкасском регионе непрерывное и успешное развитие агрикультуры шло еще со времен трипольского энеолита. И вот в VII в. до н.э. здесь обосновалась кочевая орда ираноязычных кочевников-скифов с типичной всаднической культурой. Предполагается, что пришельцы эти свой привычный образ жизни не меняли, а лишь ограничили маршруты своих кочевок пределами Среднего Поднепровья с его богатыми угодьями, удобными также и для выпаса скота. Покоренное ими оседлое автохтонное население подверглось скифизации, и в результате в поле зрения Геродота оказались так называемые *Σκῦθαιγεωργοί*, «скифы-земледельцы»². Примерно то же самое повторилось, когда в I в. сюда подкочевало какое-то сарматское племя или даже целый союз племен³. Завоеватели разгромили и не позволили восстановить оседлому зарубинецкому населению его укрепления, и оно здесь тоже оказалось в подчинении у кочевников⁴.

По словам Геродота, кочевниками были презираемы все занятия, кроме скотоводства (Herod., II: 167). Видимо, это

¹ Шевченко Ю. Ю. Наследие Великого Тюркютского каганата в лесостепи Восточной Европы // Этнос. Ландшафт. Культура. (Материалы конференции). Посвящается Льву Николаевичу Гумилеву. — СПб., 1999. — С. 290.

² Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII—IV вв. до н.э. — Киев, 1983. — С. 255; Скорий С.А. Курган Переп'ятиха. — Київ, 1990. — С. 75.

³ Симоненко А. В. Сарматы в Среднем Поднепровье // Древности Среднего Поднепровья. — Киев, 1981. — С. 52.

⁴ Третьяков П. Н. По следам древних славянских племен. — Л., 1982. — С. 47.

справедливо, поскольку аналогичная ситуация также воспроизводилась неоднократно и в Подунавье, где средневековые кочевники также отнюдь не поступались своими обычаями. В самом деле, хан Аспарух, освобождая Мезию под кочевья, распорядился выселить подчиненное ему славянское племя северов прочь из Нижнего Подунавья (Theothan., XX). Кстати, подобные выселения славян, чтобы освободить уголья для кочевников, происходили здесь не только в VIII в., но даже при царе Круме в начале IX в.¹

Как древние, так и средневековые кочевники обычно пользовались превосходством над своими оседлыми соседями. Военно-мобилизационные возможности степных скотоводов были настолько превосходящими, что, например, на протяжении III—V вв. тогдашний шестнадцатимиллионный Китай регулярно терпел поражения то от хунну, то от сяньби, то от тобгачей, которых всех вместе едва насчитывалось четыреста тысяч². Однако, с другой стороны, по наблюдению М. И. Артамонова, без регулярных экономических связей с земледельцами кочевое хозяйство вообще не в состоянии развиваться нормально³. Скотовод не может питаться лишь мясомолочными продуктами своего кочевого хозяйства, он нуждается также и в растительной пище, прежде всего в зерне. Сделанный на скифских материалах Северного Причерноморья, этот вывод вполне подтверждается также и фактами как из азиатской, так и из европейской истории, на которые мы уже ссылались. Вспомним Присково сообщение о готских и «скифских» (славянских) подданных гуннов в Паннонии. По сообщению Менандра, послы аварского хана Баяна в 558 г. требовали у Юстиниана предоставить им не просто территорию, но непременно с оседлым населением (Menandr, fr. 4). «Здесь, по мнению А. Авенариуса, проявилось типичное стремление степного

¹ Артамонов М. И. Болгарские культуры Северного и Западного Причерноморья. — С. 11.

² Гумилев Л. Н. Хунны в Китае. — С. 23.

³ Артамонов М. И. Вопросы истории скифов в советской науке // Вестник древней истории. — 1947. — № 3. — С. 72.

общества утвердить двойную (из кочевого ядра и подчиненных земледельцев) структуру державы, имевшее целью создать экономический и социальный тыл для обеспечения боевых дружин, осуществлявших грабительские походы»¹. Вероятно, к чему-то подобному стремился также и болгарский хан Кувер, утвердившись в 680-х гг. на Керамисийском поле близ Солуни. Во всяком случае, керамисийцы-болгары собирались получать свою пищу тем же способом, что и гунны. Ведь их хан, как сказано в описании чудес святого Димитрия Солунского, отправил своих послов к императору Константину IV, с тем «чтобы остаться здесь со своим народом, прося приказать соседнему с нами народу другувитов снабжать их продовольствием в достаточном количестве»².

Итак, можно ли допустить, что болгары Бузана представляли собой некое исключение, не «приходя таким образом за съестным в хижины славян», подобно и болгарам Кувера, и аварам Баяна, и гуннам Аттилы в Придунавье? Можно ли полагать, что славяне, встретив на левом берегу Дуная болгар хана Бузана, почему-то избежали всеобщей участи оседлых жителей, оказавшихся в зоне военного и политического контроля кочевой орды? Не случайно военные походы болгарских всадников через Дунай за добычей и славой начинаются на целых сорок лет раньше славянских.

Впрочем, самостоятельные военные экспедиции славян и антов против Византии создают впечатление независимости от болгар, а совместные с ними — равноправного славяно-болгарского военного партнерства. Но попробуем взглянуть на общеизвестные факты несколько иначе. Итак, примем во внимание, что Прокопий, подобно Иоанну Малале, именует болгар *Oüwvoi* — «гунны». Очевидно, что в этом месте своей «Тайной истории» он имеет в виду именно их: «... гунны, и склавины, и анты разоряли, совершая набеги почти что каждый год с тех пор, как Юстиниан воспринял власть над ромеями» (Procop., Hist.

¹ Авенариус А. Авары и славяне «державы Само» // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI—XIII вв.). — М., 1991. — С. 27.

² Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. — М., 1991. — С. 173.

arcana, XVIII: 20). Этих же «гуннов» упоминает также и готский его коллега, только не под нарицательным, а под собственным их именем, *Bulgares*. Болгары, славяне и анты, пишет Иордан, совершают ежегодные набеги на империю (Jord., *Romana*, 387). Эти два совпадающих друг с другом списка этнического состава вражеских сил, по-видимому, не случайно возглавляются именно болгарами. Позднее точно так же подчеркивается их первенство, а славяне своего этнического наименования, наоборот, лишаются вовсе. Повествуя о набеге на Мезию и Фракию, организованном двумя болгарскими архонтами в 539 г., Феофан сообщает об участии в этом предприятии, помимо их соплеменников, также и «друнга». Римский военный специалист Вегеций Флавий Ренат отзывается о нем с полным пренебрежением: «...или теми нестройными отрядами, которые называются "друнги" (Veget., I: 19). Греческое *δρούγγοι*, происходит от «задруга», и поэтому в ней можно узнать синоним славянства¹. Позднее его синонимом было, как известно, также и *befulci*: возможно, от древнегерманского *Beivolk*, в значении «вспомогательный отряд». «Виниды уже издавна были бефульками гуннов, — повествуется о славянах и аварах, соответственно, в «Хронике Фредегара», — ибо, когда гунны шли в поход против какого-либо народа, гунны, собрав свое войско, стояли перед лагерем, виниды же сражались. Если они оказывались в состоянии победить, тогда гунны приходили, чтобы захватить добычу. Если же винидов одолевали, то, поддержанные гуннами, они вновь обретали силы» (Fredegar., IV: 48). Славяне, как известно, много раз участвовали в военных походах на Византию не только авар, но и болгар. Но не была ли роль славянского «друнга» такой же незавидной, как и роль славянского же «бефулька»?

Вопреки А. Авенариусу, «деспотическое господство» одного народа над другим совсем не исключает, а наоборот, даже предполагает их совместные военные акции. «Налог кровью», исполнение военной повинности было как раз одним из ярких

---

¹ Горянов Б. Т. Славянские поселения VI века // Вестник древней истории. — 1939. — № 1 (6). — С. 313.

проявлений состояния политической зависимости. В 668 г. аварский каган приказал вторгнуться в империю десяти тысячной орде кутригуров, заявив накануне их вторжения византийским послам: «Я таких людей нашлю на землю римскую, которых потеря не будет для меня чувствительна, хоть бы они совсем погибли»¹. Чтобы ударить по империи, авары точно так же были готовы пожертвовать и своими славянскими подданными. Другое дело, что военное счастье, материализуясь в виде богатой добычи, улыбалось славянам довольно часто. Так было, например, в 584 г., когда поход вплоть до ближних подступов к самой столице Византийской империи совершался в интересах и по приказу тех же авар. «Они подослали племя славян, — пишет Феофилакт Симокатта, — и огромное пространство римских земель было опустошено. Славяне дошли вплоть до так называемых «Длинных стен», прорвавшись через которые на глазах у всех произвели страшную резню» (Theophylakt. Simocatta, II: 7, 1). Известно, что в определенных условиях с точки зрения военной тактики предпочтительнее действовать не в первом, а во втором эшелоне. Как действовали, например, болгары в 535 г. Согласно В. Т. Сиротенко, удаче их тогдашнего похода за Дунай весьма поспособствовала победа над ромеями, одержанная славянами годом раньше². В конечном счете, осуществив свою военную акцию самостоятельно, славяне сыграли для болгар роль, похожую на ту, что аварами отводилась их славянским же *befulci*.

Но можно утверждать даже априори, что свои выгоды из сотрудничества с кочевниками извлекало также и дунайское славянство. Конечно, также и из-за желания поучаствовать в грабеже богатств Византии славяне и подселились к ее дунайской границе, оказавшись здесь «под крылом» у болгар. В самом деле, добиться своей цели было явно сподручнее вместе с каким-нибудь сильным союзником. Дело в том, что первоначально славянские отряды, пытавшиеся нападать на подданных императора, представляли собой исключительно лишь легкую пехоту. Одним из первых среди византийцев

¹ Византийские историки. — СПб., 1860. — С. 391—392.

² Сиротенко В. Т. Византия и болгары в V—VI вв. — С. 58.

наблюдал славянских воинов, их вооружение и тактику Прокопий Кесарийский. «Вступая же в битву, — пишет он, большинство (славян) идет на врага пешими, имея небольшие щиты и копья в руках, панцирей же никогда на себя не надевают; некоторые же не имеют (на себе) ни хитона, ни (грубого) плаща, но, приспособив только штаны, прикрывающие срамные части, так и вступают в схватку с врагом» (Procop., De Bell. Goth., VII: 14, 7). Считается, что здесь у Прокопия некое литературное клише вовсе не используется, а наоборот, дана вполне реальная картина¹. Достоверные подробности сообщаются, по-видимому, также и у Иоанна Эфесского, который в царствование Юстиниана Второго проживал в Константинополе и уже поэтому мог быть осведомленным о некоторых существенных подробностях нападений славян на балканские владения империи, происходившие также и в 530-е гг. В описании Иоанна Эфесского славяне также пешие воины, притом вооруженные весьма слабо. В частности, у него не упоминают-

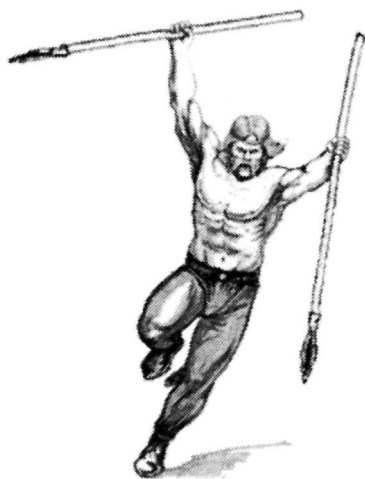

Рис. 8. Славянин, вооруженный лишь двумя метательными копьями

ся даже щиты, а лишь копья, вернее *лоухѣѡв*, «копьеца», т.е. дротики. Более существенно, однако, что, согласно Иоанну Эфесскому, первоначально славяне вообще были неспособны противостоять регулярным армейским частям и уклонялись от них именно по причине отсутствия надлежащего снаряжения и вооружения. «... Люди простые, — пишет он, — которые не осмеливались показываться из лесов и защищенных деревьями (мест) и не знали, что такое оружие, кроме двух или трех лонхидиев, а именно

¹ Свод древнейших письменных известий о славянах. — Т. 1. — С. 224.

это — метательные копья» (Ioan. Ethes., I) (рис. 8). Очевидно, что с особенностями применяемого ими вооружения была связана также и партизанская тактика славян. «С выгодой для себя [они] пользуются засадами, внезапными нападениями и хитростями», — говорится о славянах у Маврикия (Maur., II: 9, 9). С немалой выгодой для себя их искусственность в ведении такой «индейской» войны использовали, в свою очередь, византийцы. Славянские наемники служили у них в пехоте во время войны с персами, в качестве горной пехоты на италийском театре военных действий, и даже как коммандос — на дунайском (Procop., De Bell. Goth., III: 6, 26; IV: 7, 14; Agath., Hist., IV: 20, 4). М. М. Казанский также вспоминает об этих славянах на императорской службе в 530—550-х гг. По его справедливому замечанию, византийцы не стали бы вербовать необстрелянных¹. Однако это вовсе не свидетельство в пользу того, что еще раньше в славянской среде получает заметное развитие конница из аристократов, притом даже тяжелая. Скорее, как раз наоборот. Кроме того, почти все находки фрагментов кольчуг и панцирей, на которые ссылается М. М. Казанский, связаны с колочинской, а не с пеньковской культурой. К тому же их появление может быть обусловлено поздним, возможно, уже хазарским влиянием. Во всяком случае, упоминаемая им панцирная пластина из Хитцев относится к заключительному этапу пеньковской культуры: вторая половина VI—VII вв. Изменить представление о составе славянских военных отрядов в начале VI в., основанное на описаниях византийских современников, подобные находки, конечно, не могут. Другое дело, что обнаруженная в тех же Хитцах накладка от сложного лука гуннского типа свидетельствует, что славянский пехотинец мог применить в бою не только копье или «копьецо»².

Мастерство славян в поимке «языков», использовании засад и маскировки под прикрытием деревьев происходит, конечно, благодаря жизни в лесной зоне, откуда они и принесли все

¹ Казанский М. М. Оружие киевской культуры // Памятники старины, концепции, открытия, версии. Выл 2. — СПб., Псков, 1997.

² Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. — П., 1981. — Рис. 21: 9; рис. 29: 3.

это на Дунай. В свою очередь, и болгары тоже принесли сюда военные традиции, однако совсем иные, соответствующие искусству кавалерийского боя, которое из века в век совершенствовалось разноплеменными кочевниками Евразии.

Как уже было сказано, примерно в одно и то же время, около рубежа III—II вв. до н.э. и на востоке, и на западе евразийской степи начинают применяться глубокое и с высокими луками седло, необходимое для тяжеловооруженного конного копейщика. Соответствующее кавалерийское копье, достигавшее в длину 3 м, называлось *ковтос*, а орудовавшие им воины контофорами, или, иначе, катафрактариями, по названию не менее характерного для них доспеха, *катафракта*. Катафрактарий в бою запечатлен, в частности, Гелиодором. Гелиодор говорит следующее: «Когда наступает время битвы, то, ослабив поводья и горяча коня боевым криком, он мчится на противника, подобный какому-то железному человеку или движущейся кованой статуе» (Heliод., Aephiор. IX, 15.). Видимо, подобный «танковый» эффект производили также и атаки катафрактариев-болгар. В самом деле, ведь болгарам не раз удавалось буквально наголову разбивать византийскую легионарную пехоту. Так, в 499 г. на перехват вторгшейся во Фракию болгарской орды была послана целая армия в 15 000 бойцов, которая, однако, была разгромлена на реке Тцура. «С тех пор, — говорит Марцеллин Комит, — слава армии Иллирии погибла навеки» (Marceli. Comit., fr. 499).

Возникнув в античную эпоху, катафрактарий продолжали существовать в период раннего средневековья. Тяжеловооруженная конница, по А. М. Хазанову, «прямая наследница катафрактариев парфяно-сарматского времени», в евразийских степях доживает, по крайней мере, до VI в., когда появление стремян, жесткого седла и сабли повело к новой реформе кавалерии¹. Это были нововведения, принесенные на Дунай уже аварами, однако и после их появления тяжеловооруженная конница Византии продолжала комплектоваться наемными болгарами². Азиатские предки болгар в определенный момент их

¹ Хазанов А. М. Катафрактарий и их роль в истории военного искусства.

² Будаев Н. Ук. соч.

истории, конечно, кочевали в какой-то части территории, где и произошло само возникновение конницы катафрактариев. Сохранилось, кстати, изображение болгарского конного латника, вооруженного мечом, а также типичной пикой-контосом (рис. 9). И на этом схематическом рисунке из Плиски-Абобы вполне различимы характерные элементы защитного доспеха: пластинчатый панцирь и конусовидный шлем. Их же мы находим и в западноевропейском изображении болгарского катафрактария, — на чаше из Изола-Рица (Италия) (рис. 10). Считается, что наибольшее распространение подобные конические шлемы и пластинчатые доспехи получили в IV—V вв. в гуннской среде¹.

Но даже прославленная гуннская кавалерия, по замечанию М. М. Казанского, нуждалась, вероятно, в боевой поддержке пехоты². Задачей тесно сомкнутого четырехугольника или клина катафрактариев был прорыв боевых порядков противника. Дальнейшее развитие успеха предназначалось бойцам других

Рис. 9. Изображение болгарского катафрактария на стене крепости в Плиске, Болгария

Рис. 10. Изображение болгарского катафрактария на чаше из Изола-Рица

¹ Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. — С. 63.

² Казанский М. М. Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные. // Stratum plus Петербургский археологический вестник. — 1997. — №5. — С. 13.

родов оружия, легкой кавалерии и пехоты. Кроме того, в экстренных случаях катафрактарий, спешенный или окруженный, без помощи пехотинцев попросту погибал. В 69 г. для роксоланских катафрактариев, истребляемых на скользких от гололедицы дорогах пешими римскими солдатами в легких латах, отсутствие пехотного эскорта стало поистине роковым (Тас., Hist. I: 79).

Поэтому даже тогда, когда ее приходилось комплектовать иноплеменниками, пехота все же создавалась как обязательное дополнение тяжелой кавалерии. В ахеменидском Иране сами персы служили только в кавалерии, в тяжелой и в легкой, а пехота вербовалась из иноплеменников, в частности, из недисциплинированных горных племен¹. Главным родом войск у хазар была тяжелая кавалерия, комплектовавшаяся из тарханов, т.е. представителей знати, однако они привлекали также аланские отряды, на 70—75 % состоявшие из вооруженной топорами, ножами и луками пехоты². Рыцарей Иерусалимского королевства в боях и походах сопровождали так называемые «тюркопли», легкие пехотинцы из местного мусульманского населения, служившие крестоносцам³. Остается предположить, что в нападениях на Византию также участвовали разноэтничные тяжелая кавалерия из болгар и поддерживавшая ее славянская легкая пехота.

Согласно М. Соколову, в соседстве с Византийской империей, т.е. на северном побережье Дуная, болгары появляются раньше, чем славяне⁴. Получается, что славяне и анты пришли сюда фактически в подданство к этим кочевникам. Чтобы это наше допущение не казалось чрезмерно смелым, сошлемся здесь на одно предположение К. Годловского. Демографический спад, археологически засвидетельствованный для территории Польши в эпоху Великого переселения народов объяснялся им как следствие ухода отсюда части населения в Подуна-

¹ Хазанов А. М. Катафрактарий и их роль в истории военного искусства.

² Комар А. В., Сухобоков О. В. Вооружение и военное дело Хазарского каганата // Восточноевропейский археологический журнал. — 2000. — № 3.

³ Смирнов С. А. Султан Юсуф и его крестоносцы. — М., 2000. — С. 81.

⁴ Соколов М. Ук. соч. — С. 40.

вые — «под крыло» гуннов¹. Судя по сообщениям их византийских современников, славяне, оказавшиеся на Дунае, первоначально попросту не имели сколько-нибудь развитой собственной политической или военно-политической организации. Наоборот, согласно, например, псевдо-Кесарию, славяне и здесь «живут в дерзости, своеволии и безначалии и часто убивают своего вождя и начальника, как во время совместной трапезы, так и в пути» (Ps. — Caesar., Dialog.). Предполагается, что должность вождя у них была еще выборной, и притом только временной². Впрочем, наравне со свидетельствами о такой, первобытной еще, анархии, о непрочности публичной власти, имеются также известия о филархах, этнархах и даже риксах у тех же самых славян. Но несмотря на то что иногда их предводитель титуловался даже «царем» (ρηξ), как, например, упомянутый выше Μουσοῖκος, не была ли самостоятельность славян Дунайского Левобережья все же иллюзорной? По словам псевдо-Маврикия, у славян на Дунае действительно было «много вождей, и они не согласны друг с другом» (Ps. — Maur., II: 9, 30).

Можно предположить, что болгары были прямо заинтересованы в сохранении у славянства такой вот мозаичной, но все же самостоятельной военно-политической структуры. Известны многочисленные случаи разрушения военно-политической структуры покоренных и их инкорпорации непосредственно в племенную структуру господствующих кочевников в виде неполноправного, податного разряда, каковым были, в частности, боголы в Монголии³. Однако поступи они подобно монголам, болгары сами лишили бы себя весьма выгодного вспомогательного военного резерва. Так же и в Дунайской Болгарии сохранялись «Славинии», ополчения которых выступали в поход по приказу болгарских ханов, но под командой собственных предводителей-жупанов⁴. «Жупан», кстати, по мне-

¹ Godłowski K. Przemiany kulturowe i osadnicze w południowej i środkowej Polsce w młodszy okresie przedrzymskim i w okresie rzymskim. — Wrocław, 1985. — S. 125—126.

² Раннефеодальные государства на Балканах. VI—XII вв. / Сб. ст. под ред. Г. Г. Литаврина. — М., 1985. — С. 48.

³ Гумилев Л. Н. Хунны в Китае. — С. 13.

⁴ Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. — С. 263.

нию некоторых исследователей, термин по происхождению как раз тюркский¹.

Тюркизация военно-аристократической верхушки славянского общества в сложившихся к северу от Дуная условиях была явлением вполне естественным и даже неизбежным. Уже было отмечено, что вполне определенно устанавливается именно тюркское происхождение целого ряда личных имен славянских предводителей IV—VI вв. Согласно Прокопию Кесарийскому, несмотря на то что славяне носят щиты и сражаются пешими, они, как сами *Μασσαῦται*, т.е. настоящие кочевники, «сохраняют гуннский нрав» (*Procop., De bello goth., VII: 13, 28*). Если вспомнить, что «гуннами» у этого автора называются болгары, то речь здесь идет именно о заимствовании как раз их обычаев, прежде всего, военных. «Дружинный порядок, — подчеркивалось Ф. И. Успенским, — способствовал распространению на большие пространства обычаев кочевого и военного быта»². Пришедшие из-за Дуная славяне продемонстрировали конкретное заимствование типично кочевнического приема обороны, когда, согласно Феофилакту Симокатте, «составив повозки, устроили из них как бы укрепленный лагерь, и в центре этого лагеря укрыли своих женщин и детей» (*Theofylakt. Simocatta, VII: 2, 4*).

Сотрудничество, сближение и самый симбиоз с кочевниками были для славян совсем не в диовинку. Видимо, еще гуннским завоеванием было положено начало их тюркизации. Но она, по существу, продолжила процесс предыдущей иранизации славянства. Первая половина I тысячелетия н.э. иногда рассматривается даже как эпоха славяно-иранского симбиоза. К наследию этой эпохи принято относить также и славянские этнонимы и антропонимы, на которых мы останавливались в предыдущей главе.

Согласно Г. В. Вернадскому, правящая у антов династия также должна была быть иранского происхождения и именно «аланские роды организовали славянские племена антов»³.

¹ Тыпкова-Заимова В. Ук. соч. — С. 41.

² Успенский Ф. И. История Византийской империи VI—IX вв. — С. 245.

³ Вернадский Г. В. Ук. соч. — Прим. 69.

За то, что это было возможно, говорит следующее. Начиная с I в. до н.э., знатные аланы, сражаясь в конном строю, использовали катафракту, или чешуйчатую броню, не только для всадника, но и для боевого коня. Мощь атак этих тяжеловооруженных аланских копейщиков-катафрактариев восхищала даже их противников из числа римлян. Видимо, такое превосходство их аланских предводителей должно было воодушевлять также и славян.

Далее Г. В. Вернадский обратил внимание на неоспоримое тождество врагов преемника великого остготского короля Германариха у Иордана и у Аммиана Марцеллина. Первый именует воевавшее с готами в конце IV в. племя антами, а второй — аланами (*Iord.*, *Getica*, 246—247; *Amm. Marc.*, XXXI: 3, 3). Впрочем, Г. В. Вернадским допускалось, что оба компонента, и аланский, и славянский, были представлены в составе этих антов изначально, уже в III в., когда они обитали еще на Северном Кавказе, на Нижнем Дону и в Крыму¹.

На наш взгляд, приведенные выше факты свидетельствуют, что применительно к эпохе императора Маврикия надо говорить скорее о значительной аланизации славянских антов. Ко времени прихода на Дунай их военно-политическая элита степного происхождения уже испытала основательную славянизацию. Наиболее приемлемой считается уже упоминавшаяся точка зрения О. Б. Бубенка, согласно которой анты первоначально были ираноязычным аланским племенем, находившимся в непосредственном соседстве со славянами Поднепровья и Подонья. В результате политического объединения его название распространилось также и на часть славянства. С этим можно было бы вполне согласиться, но существуют и другие аргументы, а именно о тюркском происхождении данного этнонима: «анты» — «союзники». Несомненно, что и среди тюркских болгар, как донских, так и дунайских, был в наличии весьма значительный аланский компонент. Согласно И. И. Ляпушкину, создателями салтово-маяцкой культуры в бассейне Дона были два народа, а именно аланы и болга-

---

¹ Вернадский Г. В. Ук. соч. — С. 112.

ры¹. В Венгрии болгары имели название *jasz*, что является производным от корня *ас*, т.е. синонима «алан»². Иранское имя предводителя дунайских болгар одним из первых стоит даже в «Именнике болгарским ханам». Это Гостун из рода Ерми, один из «пяти князей с остриженными головами», что правили еще «по ту сторону Дуная», т.е. во время обитания болгар только на Левобережье этой реки³. Оно сопоставляется с *Góstais*, известным по надписям Боспора, и считается эллинизированной формой скифо-сарматского *Gasti* («гость»). Имя основателя Задунайской Болгарии Аспаруха, что также уже было отмечено, рассматривается как иранское по происхождению. Согласно О. Н. Трубачеву, «можно также предполагать наличие у тюрк-болгар вплоть до прихода на Балканы иранской прослойки»⁴. Наличие таковой подтверждается, по-видимому, одним из элементов традиционной культуры потомков другой группировки раннесредневековых болгар, современных балкарцев. «По карачаево-балкарски, — сообщает М. Ч. Джуртубаев, — слово «алан» употребляют при обращении друг к другу, многолюдному собранию, ставя его в том случае во множественном числе: «Аланла!» («Аланы!»). Этот термин универсален: так муж обращается к жене, жена к мужу, старик к юноше, юноша к старику, женщина к мужчине, одним словом смысл его может быть объяснен как «соплеменник, соплеменница». «Аланами» карачаевцев и балкарцев соседние народы Кавказа называют до сих пор»⁵.

Очевидно, тюркизация алан началась, когда еще у Танаиса наступающие гунны присоединяют к себе многих алан. Практика, обычная в кочевой среде. По-видимому, не только гунны, но и болгары тогда же подпали под обаяние сарматской

¹ Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // Материалы и исследования по археологии СССР. — М. — 1952. — № 62.

² Ламанский В. И. Заметка об ясах и аланах // Труды XI Археологического съезда. — М. — 1902. — С. 119.

³ Тихомиров М. Н. Ук. соч. — № 3. — С. 81.

⁴ Трубачев О. Н. Ук. соч. — С. 37.

⁵ Джуртубаев М. Ч. Душа Балкарии. — <http://www.balkaria/narod.ru/kultura/dgurtubaev2/db.htm> // С. 13.

культуры. По Р. Х. Бариеву, ассимиляция алан булгарами в IV в. происходила особенно интенсивно¹. Такая интеграция ирано- и тюркоязычных кочевников между собой, конечно, облегчала славянству постепенную замену союза с аланами тесным и всесторонним сотрудничеством с болгарами.

Итак, по нашему мнению, 469—568 гг., т.е. период между крушением гуннского и утверждением аварского господства на Дунае был для славянства отнюдь не периодом его политической независимости. Славяне Дунайского Левобережья в то время находились под военно-политическим контролем кочевых болгар. Но и состоявшийся даже в такой форме союз был выгоден для обеих сторон. Впрочем, и это, и многие другие наши умозаключения из числа изложенных выше можно, конечно, оспорить. Но бесспорным останется тот факт, что источники, зная даже о столкновениях внутри самого славянства, ни разу и ничего не сообщают о каких бы то ни было конфликтах между болгарами и славянами во второй половине V — первой половине VI в. Кочевники — аланы, гунны, болгары — выступают не только как грабители и угнетатели, но и как учителя и покровители первичному славянству. Но покинем пока великие восточные равнины и обратимся к горам и предгорьям на западе.

---

¹ Бариев Р. Х. Ук. соч.

ГЛАВА III

У ПОДНОЖИЯ КАРПАТ

§ 1. «ВЕДЬ ЭТО — НАШИ ГОРЫ...»?

Связь названия *Karpatnoi*, *Carpatae*, *Carpates montes* с дакийскими карпами была, в общем-то, издавна вполне очевидной¹. Однако это не мешало приписывать этим горам выдающуюся роль в этногенезе совсем другого народа. «Карпаты, — утверждал в свое время авторитетнейший российский историк, — были общеславянским гнездом, из которого впоследствии славяне разошлись в разные стороны»². Современная исследовательница карпатских курганов II—V вв. н.э. пишет, что носители этой культуры «представляли собой смешанный этнос, в котором можно выделить два компонента: гето-дакийский и праславянский»³. Наличие славянского начала исследователи киевской школы вот уже более столетия отстаивают и для черняховской культуры⁴. Трудно не заметить сходство исторических судеб этих различных по масштабу и уровню развития культур, сопредельных в Западной Украине. В свое время даже предлагалось рассматривать культуру карпатских курганов как локальный вариант черняховской⁵. Подобные оценки принадлежат уже прошлому, но и

---

¹ Грушевский М. С. Ук. соч. — С. 43.

² Ключевский В. О. Ук. соч. — С. 141.

³ Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. — Киев, 1985. — С. 8.

⁴ Баран В. Д. Черняхівська культура. — Київ, 1981. — С. 163.

⁵ Брайчевський М. Ю. Біля джерел слов'янської державності. — Київ, 1964. — С. 5.

теперь отмечается «удивительное (!) сходство гончарной керамики этой культуры с керамикой ЧК»¹. Свою германо-готскую структурную модель черняховская культура сохраняла и во времена ее бурного расцвета, начавшегося с середины III в.

Черняховская культура теперь сопоставляется не со славянами, а с германцами, и прежде всего с готами. По Ф. Бирбрауэру, культурная модель *Čemjachov* III в., принципиально отличная от аборигенных, была именно готской². Наоборот, от культуры германской четко отличается культура карпатских курганов. Примером здесь служит Братовский курган III в. на Верхней Тиссе. Первоначально в качестве пшеворского был интерпретирован только его инвентарь, тогда как обрядность еще сопоставлялась с местной карпатской³. Но позднее размеры и форма как самого этого кургана, так и могильной ямы под ним, а также состав и положение в ней заупокойных даров были тоже определены как пшеворские. Будучи сопоставленными с историческими вандалами-асдингами, памятники наподобие Братова обоснованно из числа карпатских курганов исключены вообще⁴. Возможно, рядом с Братовским курганом должен быть назван и комплекс у с. Солонцы под Ужгородом. Открыватель, В. Г. Катигорошко, считал его жертвенником коренных жителей, — свободных даков III—IV вв.⁵ Однако потом Л. В. Вакуленко явно удачнее интерпретирует Солонцы как погребальный комплекс древних германцев ступени D. Она ссылается на убедительные пшеворские аналоги — Добродзеньские могильники — такие же, как в Солонцах, захоронения остатков многих трупосожжений в виде

¹ Шаров О. В., Бажан М. А. Ук. соч.

² Bierbrauer V. Die ethnische Interpretation der Sîntana de Mureş — Čemjachov-Kultur // Sîntana de Mureş — Čemjachov-Kultur. Akten des Internationalen Kolloquium im Caputh vom 20. bis 24 Oktober 1995 herausgegebene von G. Gomulka-Fuchs. — Bonn, 1999. — S. 220.

³ Катигорошко В. Г. Курган первой половины III в. н.э. у с. Братово // Советская археология. — 1979. — № 2. — С. 163.

⁴ Koval' I. V. Kultura przeworska na Ukraine Zakarpatskiej // Wiadomości archeologiczne, 1993/ 1994, Т. 53. З. 2. — С. 31—56.

⁵ Катигорошко В. Г. Жертвенник III—IV вв. у с. Солонцы // Советская археология. — 1987. — № 2. — С. 190.

площадок в несколько сотен квадратных метров, покрытых слоем из угля, перемешанного с кальцинированными костями, а также обожженными обломками керамики, оплавленными металлическими и стеклянными вещами и т.д. Единственным существенным отличием Солонцов является отсутствие оружия, что Л. В. Вакуленко объясняет тем, что там хоронили не мужчин, а женщин. Множество обнаруженных там женских украшений, в частности подвесок, такую особенность закарпатского комплекса как будто подтверждают¹.

Согласно относящимся к 170 или 171 г. н.э. известиям Диона Кассия, вандалские *αυτοῦοι* отобрали у одного местного племени — костобоков — его собственную страну. «Асдинги, которыми предводительствовали Рай и Рапт (*Ραός τε καί Ραπτος*), — пишет он, — пришли в Дакию, чтобы поселиться... в надежде получить богатство и землю в качестве союзников; не получив же этого, поручили жен и детей (наместнику провинции) Клементу, намеревались захватить оружием землю костобоков (*κοστοβώκων χώραν*); победив же их, нисколько не меньше опустошили и Дакию» (Dio. Cass., LXXI: 12, 1). *Κοστοβώκοι*, *κοιστοβώκοι*, *coistoboci*, *costobocae* и т.д. неоднократно упоминаются и другими греко- и латинскоязычными авторами. С ними связывают еще *cotobachi*, *σαβώκοι* и *τρανσμονταί*. К вопросу о костобоках непосредственное отношение имеют также памятники эпиграфики и топонимии. Все это представляется сопоставимым с археологическими данными: например, с целью уточнения действительного отношения костобоков к карпатским курганам — с одной стороны, и с другой — к славянству. Итак, что же в действительности около рубежа античности и средних веков имело место там, в Лесных Карпатах, — выход на историческую сцену самих славян или же первый акт славянизации дакийских иноплеменников?

Славянскому истолкованию прежде всего подвергся сам этноним костобоков. В. Н. Татищеву это казалось еще на-

¹ Вакуленко Л. В. Северные германцы в Украинском Закарпатье в конце позднеримского периода // *Stratum plus* Петербургский археологический вестник. — 2000. — № 4.

столько очевидным, что в своих «Изъяснениях» он просто констатировал славянство данного названия, не приводя тому ни одного доказательства¹. Их потом попытался предъявить П. Шафарик, но они у него имели очевидно наивный характер. Он ссылаясь, например, на местные польские и «русские» названия, во-первых, типа Коста, Костица, а также Костобобр на Черниговщине, и, во-вторых, Налибоки, Четырбоки, Бялобоки и даже Вислобоки. Однако теперь «Налибоки», к примеру, уже считается производным от фамилии Молибог (мнж. Молибоги)². «Вислобоки» имеют очевидное антропо-морфологическое, а не ландшафтно-географическое значение. Тем не менее, именно как славянское *bojъ* = бок, т.е. «страна», «сторона», «берег», читался П. Шафариком основной композит древних этнонимов *koitoubъkoj* и *saъbъkoj*. Это были, по его мнению, обитатели берегов рек в Галиции — Косты и Сана, соответственно³. Однако верить подобным «переводам» отказался К. Мюлленгоф. По его замечанию, еще более на славянский лад звучат, например, названия паннонских племен — *coloriani*, *latovici*, *oseriane* и др. (Plin., NH., III: 22). Но точно так же, как и *boъkoj*, они не могут корректно объясняться из славянского. Однако интерпретация К. Мюлленгофа выглядела, в общем, аналогично. Композит *boъkoj* объяснялся им также топографически, как у П. Шафарика. Он, в сущности, указал только на соответствие эллинского *κ* славянскому *ч*, и поэтому сопоставил косто-, во-первых, с чешским *cesta* — «дорога», и, во-вторых, с русским «чистый». По К. Мюлленгофу, «чистому полю» русских народных песен как раз и соответствовал, дословно, сам этноним *koitoubъkoj*. Им предполагалось, что они назывались так из-за ландшафта⁴. Действительно, равнина на Верхней Тиссе, где также обитали костобоки вплоть до прихода вандалов-асдингов, по сравне-

¹ Татищев В. К. История Российская. Т. 1. — М., 1768. — С. 11.

² Жучкевич В. А. Топонимический словарь Белоруссии. — Минск, 1975. — С. 250.

³ Шафарик П. И. Ук. соч. — С. 342.

⁴ Müllenhoff K. Deutsche Altertumkunde. Erster Band. — Berlin, 1892. — S. 84—84.

нию с близлежащей лесистой Верховиной и впрямь должна восприниматься как чистое поле. Впоследствии транслитерация типа «к→ч» опять перестала учитываться. Как и П. Шафарик, О. В. Кудрявцев, авторитет которого в вопросе о костобоках высок по-прежнему, тоже объяснял этот «варварский» этноним непосредственно из славянского. «Быть может, — писал он, — имя костобоков надо понимать буквально как «костяные бока» и связывать с ношением костяных панцирей...»¹

Такое объяснение критическому разбору еще не подвергалось. В связи с ним приходит на ум Павсаниево описание сарматского панциря из святилища Асклепия в Афинах, которое есть смысл не только процитировать, но и проанализировать. «Взглянув на него, — пишет Павсаний об этом панцире, — можно сказать, что варвары способны к искусству ничуть не меньше эллинов. У савроматов нет железа, ни добываемого ими самими, ни привозного, ибо они менее всех местных варваров вступают в сношения с иностранцами. Но они нашли возможность восполнить этот недостаток: на копьях у них костяные острия вместо железных, луки и стрелы деревянные, а наконечники стрел также костяные... Панцири они делают следующим образом: каждый из них держит много лошадей... Лошадей они используют не только для войны, но и приносят в жертву туземным богам и употребляют в пищу. Их копыта они собирают, разрезают и делают из них нечто вроде змеиной чешуи... Эти пластинки они просверливают, сшивают лошадиными и бычьими жилами и употребляют в качестве панцирей, которые ни красотой, ни крепостью не уступают эллинским: они выдерживают даже удары копий и мечей в рукопашном бою» (Paus., I: 21, 5).

Что Павсаниево описание относится также и к костобокам, подтверждается надписью гиерофанта храма мистерий в Элевсине. Разорение этого знаменитейшего святилища, совершенное костобокими, согласно О. В. Кудрявцеву, в

---

¹ Кудрявцев О. В. Исследования по истории Балкано-Дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим вопросам древней истории. — М., 1957. — С. 50.

конце 171 — начале 172 г. н.э., упоминается этим его жрецом как Συροματών...ἑρῶν ἀθεσίων — «савроматов безбожного дела»¹. Что представление о них, как об одной из группировок савроматов, прочно сохранялось в античном мире, подтверждают латинские источники, начиная с Плиния. Кстати, в отличие от О. В. Кудрявцева, В. В. Латышевым Плиниевы *costobachi* воспринимались именно как костобоки². Но «Естественная история» помещает их не у Карпатских, а у Кавказских гор, где-то в глубине, за савроматами (Plin., NH, VI: 19). Известно вольное обращение Плиния с источниками: «перенес» же он, например, с побережья Кавказа к Ольвии Ахейскую гавань³. Костобоки, наоборот, оказались «передвинуты» с запада на восток. Но возможно также, что их локализация в тылу савроматов позволила ему подчеркнуть принадлежность к ним и этого племени. Три века спустя Аммиан Марцеллин также помещает *costobocae* среди «скифских» племен, вслед за европейскими аланами (Amm. Marc, XXII: 8, 42). Его упоминание опровергает утверждение Л. В. Вакуленко, что с конца II в. костобоки исчезают «из поля зрения античных авторов»⁴. Впрочем, на «грека и солдата» ссылался еще О. В. Кудрявцев. «Утверждение Ф. А. Брауна, — писал он, — что со времени Маркоманнских войн их имя исчезает из истории, неверно. Еще в IV в. костобоки упоминаются Аммианом Марцеллином»⁵. Интересно, что он, как и Павсаний, упоминает роговые панцири сарматов. Это убедило самого М. И. Рос-

¹ Кудрявцев О. В. Вторжение костобоков в балканские провинции Римской империи // Вестник древней истории. — 1950. — № 3. — С. 69.

² Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. — 1949. — № 1. — С. 294.

³ Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах. — М., 1961. — С. 91.

⁴ Вакуленко О. В. Пам'ятки підгір'я Українських Карпат першої половини I тисячоліття н.е. — Київ, 1977. — С. 81.

⁵ Кудрявцев О. В. Исследования по истории Балкано-Дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим вопросам древней истории. — С. 55.

товцева, полагавшего, что якобы «...ресурсы сарматских племен в отношении железа были не очень большими, так как Аммиан Марцеллин (XVI: 2,2) описывает сарматов, носящих чешуйчатый доспех не из железа, а из рога. Образец такого доспеха, переданный в виде священного дара в храм Асклепия в Афинах, приводит Павсаний (I: 21, 5—7)»¹. Но известно совсем другое мнение. В комментарии к утверждению Павсания о мнимом дефиците металла у сарматов В. В. Латышев с ним решительно не согласился, так как это утверждение противоречило данным сарматской археологии уже тогда. Теперь еще труднее представить, например, что знаменитые пики-контисы тяжелой сарматской конницы, наносившие такой урон римским легионам, имели костяные наконечники². Что «варвары» пользовались роговыми панцирными пластинами вовсе не из-за недостатка железа, следует из того, что такие же имелись и на катафрактах греческих всадников Пелопоннесских войн³. В позднеримскую и византийскую эпохи, согласно А. М. Хазанову, наблюдалась тенденция замены металлических деталей кавалерийского доспеха кожаными⁴.

Павсанию, знатоку Эллады, но имевшему, однако, лишь относительное представление о Сарматии, надо предпочесть Тацита, гораздо более осведомленного, в силу должности римского проконсула, о вооруженных силах и вооружении сарматов. Печально знаменитый бой зимой 69 г. до н.э. с роксоланами, истребившими тогда две римские когорты, был описан в Тацитовой «Истории» на целый век раньше

¹ Ростовцев М. И. СКУΘΙΚΑ. Избранные работы академика М. И. Ростовцева // Петербургский археологический вестник. — 1993. — № 5. — С. 94—95.

² Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. — 1948. — № 2. — С. 228; Симоненко А. В. Некоторые дискуссионные вопросы современного сарматоведения. — С. 64.

³ Denison G. T. A History of Cavalry from the earliest times with lessons for the future. — London, 1877. — P. 111.

⁴ Хазанов А. М. Катафрактарии и их роль в истории военного искусства.

публикации «Описания Эллады». Но ни о каких доспехах из конских копыт Тацит, конечно, не упоминает. Ведь ему был хорошо известен материал, из которого изготавливалась сарматская катафракта. «Это, — пишет он, — прикрытие их вождей и всех благородных, составленное из железных пластин или очень твердой кожи, непроницаемое для ударов...» (Тас., Hist., I: 79). Полагаем, что один из таких кожаных панцирей и был впоследствии принят Павсанием за роговой. Еще в XVIII в. были в употреблении так называемые лаковые доспехи. Расположенные как чешуи или черепицы, кожаные пластины таких доспехов пропитывались лаком, смолой или клеем. Аборигены Западной Сибири использовали рыбий клей. Воины, облаченные в такой панцирь, как сказано в одном из селькупских преданий, выглядели так, будто «все тело у них твердым и блестящим, вроде ногтей, было покрыто»¹. Еще больше роговой должен напоминать панцирь, такой же кожаный и пропитанный клеем, однако другим. Его получали из копыт по древнему, но широко известному рецепту, применявшемуся, например, индейцами племени черноногих: «(Мы) налили в горшок воды, положили туда копыто лося и два козых копыта и, поддерживая слабый огонь, вываривали их целый день... Вечером Питамакан сунул палочку в горшок и потрогал жидкость пальцем. — Ай-и! — с восторгом воскликнул он. — Настоящий клей!»² В Новом Свете конные, наподобие скифо-сарматских, племена апачей и команчей тоже имели пропитанные клеем доспехи как для всадника, так и для лошади. «Характерно, — пишет Ю. П. Аверкиева, — что солдаты экспедиции Коронадо... сменили свои металлические панцири на индейские кожаные, так как они были удобнее испанских и защищали от индейских стрел»³.

Итак, применительно к античному Причерноморью речь должна идти о древних панцирях вовсе не из кости и даже не из рога, а из кожи, укрепленной, однако, специальным

¹ Гемуев И. Н., Сагалаев А. И., Соловьев А. И. Легенды и были таежного края. — Новосибирск, 1989. — С. 128.

² Шульц Д. У. Ловец орлов / Пер. с англ. — М., 1991. — С. 209.

³ Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки. — М., 1974. — С. 310.

натуральным клеем. Что определение «роговой» в отношении сарматского доспеха было, скорее, литературной метафорой, а совсем не технической характеристикой, следует, например, из упоминания Аполлонием Сидонием даже о «роговых сердцах» «грубых племен аланских» (Apoll. Sid., VIII: 9). С другой стороны, термины *koža*, *rogъ* и *košť* четко различались уже в праславянском, причем последнее могло означать, первоначально, не какие-то части скелета, и, следовательно, гипотетический материал для изготовления панцирей, а непосредственно само тело убитого, труп¹. Получается, что объяснение с помощью современного русского словосочетания «костяные бока» древнего этнонима *koostouβwkoι* представляет только историографический интерес. Явное отсутствие у него сколько-нибудь надежной славянской этимологии заставляет обратиться к другим аналогам. Ф. Брауном упоминались *costiș* (склон горы), а также *costiță* (холм) — румынское (но не романское? — *Авт.*)². Дако-мезийское прилагательное *күтї* — белый — приводится В. Георгиевым; крепость *Κυτίδιζος* в Нижней Мезии упоминается Прокопием Кесарийским³. Одновременно с П. Шафариком, но, в отличие от него, как дакийское племя, упоминались карпатские *costoboci* К. Цейссом⁴. Позднее это мнение о дакийской (фракийской) принадлежности костобоков разделяют многие исследователи, не только независимые от славянской проблематики⁵, но и, например, Л. Нидерле⁶.

¹ Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 11. — М., 1984. — С. 22, 35, 171—172.

² Браун Ф. Ук. соч. — С. 151.

³ Георгиев В. Траките и техният език. — София, 1977. — С. 84.

⁴ Zeuss K. Die Deutschen und die Nachbarstämme. — Heidelberg, 1925. — S. 696—697.

⁵ Diclesku C. Die Wandalen und die Goten in Ungarn und Rumanien. — Leipzig, 1923. — S. 2; Tackenberg K. Zu der Wanderungen der Ostgermanen // Mannus, 1930, Bd. 22, S. 268—269; Schmidt L. Geschichte der Wandalen. — München, 1942. — S. 7; Schwarz E. Germanische Stammeskunde. — Heidelberg, 1956. — S. 68; Bichir G. Ramura nordica a daculor— costobocii // Thraco-Dacica. 1983, T. 4. — P. 59—68.

⁶ Нидерле Л. Славянские древности. — М., 1956. — С. 51.

В отличие от их этнонима, костобокские антропонимы П. Шафариком воспринимались как раз в качестве фрако-дакийских. «В пользу сродства их с гетами несколько говорит имя королька костобоков, *Pierogus*, — считал он. — Из других костобокских имен находим только следующие на Римских надписях: муж. *Natorpus*, *Sabituus*, *Tiatius*, *Tarscana*, женск. *Zia*, *Drilgisa*, *Lupa* и т.д.». От противоречия между славянской атрибуцией для самих костобоков и дакийской — для личных имен их династов П. Шафарик пытался избавиться с помощью аналогии (между прочим, сарматской). «Но известно, — ссылался он, — что уже Скифские и Сарматские корольки любили брать себе чужие имена: первые Мидийские и Персидские, а вторые Фракийские...»¹ Однако недостаточность подобного объяснения была очевидна. Видимо, поэтому Ф. А. Браун указал другую, более очевидную (!) причину неславянской принадлежности тех же имен: «...койстобоки и сабоки не были славянами, а потому и койстобоцкие личные имена *Pierogus*, *Natorpus*, *Drilgisa* не должны быть объясняемы из славянского. Они, действительно, не поддаются славянскому объяснению»². С другой стороны, фрако-гетско-дакийский характер костобокских имен издавна считается одним из оснований для соответствующей этнической атрибуции самих костобоков. «Довольно распространенный в свое время взгляд, что эти карпатские племена были славянами, не имеет под собою положительного основания, — настоятельно подчеркивалось М. С. Грушевским. — Против него говорят особенно решительно известные нам койстобоцкие имена...»³

Не сопоставлять же *Natorpus* со славянским Надбором — это подчеркивалось еще К. Мюлленгофом⁴. В. И. Щербаков подобным советом не воспользовался. Разделяя старинную гипотезу о славянстве костобоков, В. И. Щербаков не только костобокские, но и вообще все дако-фракийские имена понимает по-славянски буквально, — например, как Ζαίχα. «В болгарском современном не осталось «заек»; в русском же

¹ Шафарик П. И. Ук. соч. — С. 346.

² Браун Ф. Ук. соч. — С. 151.

³ Грушевский М. С. Киевская Русь. — СПб., 1911. — С. 43.

⁴ Müllenhoff K. Deutsche Altertumkunde. Erster Band. — S. 87.

это слово без всяких изменений звучит в детской речи,— пишет он. Зайка— личное имя у фракийцев»¹. Этот автор известен как знаток вовсе не фракийского, а так называемой «новой научной хронологии» и Атлантиды. Но и фракологом В. Георгиевым также приводятся древние имена, которые звучат вполне привычно славянскому уху. По его мнению, к индоевропейскому *skoro-s* — «быстрый», — восходило дакийское мужское имя *Scorilo*. Однако «*Scorylo Dacorum dux*» («Скорило, вождь даков»), упоминаемый историческими источниками, вряд ли был славянином, поскольку известна еще одна надпись: *Decsebalus per Scorilo* («Децебал, сын Скорилы»)². Отец знаменитого царя был, конечно, заведомый дак.

Во фракийских и дакийских именах, по М. С. Грушевскому, повторяется «характерный росток» — *порос*. Этот -порос, -торас — рог или — *rugos* теперь уверенно возводится к индоевропейскому *ri-ro-s* — сын³. В свою очередь *Natos*, или *Nato-*, в личных двусловных именах объясняется с помощью также индоевропейского *natha* — помощь⁴. Итак, научная лингвистика позволяет оставить наивные «переводы», поскольку *Natorporus*, несмотря на свое созвучие с некоторыми славянскими словами, означает совсем иное, наподобие «Помогающий сын». Кстати, гораздо больше, чем славянские, это имя напоминало уменьшительные римские. Они составлялись из *praenomen* отца фамилии и слова *puer* — «мальчик», «сын»: *Marcipor*, *Publipor*, а также, к примеру, *Naepor*, из *Naeos*, от *Gnaeus* + *puer*⁵.

Zia — имя Натопоровой бабки, бывшей царицы костобок, — тоже уверенно объясняется из фракийского, в котором оно означает «Божественная». Имя царя из другой латинской надписи — *Sabituus* — сравнимо с фракийским в

¹ Щербаков В. И. Века Трояновы. Летописная связь времен // http://www.books.rusf.ru/unzip/acid-on/xussr_ty/scherv04.htm

² Георгиев В. Ук. соч. — С. 198.

³ Там же, с. 90.

⁴ Дечев Д. Характеристика на тракийския език. — София, 1952. — С. 18.

⁵ Федорова Е. В. Введение в латинскую эпиграфику. — М., 1982. — С. 85.

греческой записи: Ζιβυτίδης — «Благородный фракиец». Накопец, варварская часть имени Сабитуевой дочери, Ульпии Лупы, была, по-видимому, дакийской. Дакоί — этноним, известный со II в. до н.э., означал, по В. Георгиеву, «волки». Им приводится также дакийское имя Aāvus — Волк¹, представляющее собой просто мужское соответствие переведенному на латынь женскому Lupa (Волчица). Итак, Ульпия Лупа означает «Ульпия Дакийка».

«Обнаружение фракийцев по эпиграфическому материалу в высшей степени достоверно, — считает А. Фол, — тем более что большей частью имеются не только имена, но и дополнительные данные о месте рождения, о родственниках и племени»². Как видим, это целиком относится и к обеим надписям, являющимся источником всех известных науке костобокских имен:

1. «M (арк) Ульпий Тарскана и Ульпия Лупа (Lupa), Сабитутя (Sabitui) дети, царю костобокскому, даку, отцу многодостойному сделали».

2. «D. M. Зиаие, Тиата дочери (Ziai Tiati. Fil.) дакийке, супруге Пиепора, царя костобокского (uxori Piepori. regis Coisstobocensis), Натопор (Natoporus) и Дрильгиса (Drilgisa) бабке дражайшей многодостойной сделали».

Уникальность этих эпиграфических источников — в их аутентичности. Они, в отличие от всех остальных без исключения письменных известий об этом племени, созданы непосредственно самими костобокскими. В Риме эти «варвары» были известны не в пример меньше знаменитых даков, и поэтому авторы надписей, адресуясь, конечно, к римлянам, подчеркивали, что они тоже происходят из даков и принадлежат к их числу. Это вполне понятно, например, в случае с Ульпией «Дакийкой», костобокской принцессой крови. «Жены костобокских корольков были Дакини», — пытался усмотреть

¹ Георгиев В. Ук. соч. — С. 45.

² Фол А. Трудовая деятельность фракийцев в западных провинциях Римской империи (I—III вв. н.э.) // Античное общество (Труды конференции по изучению античности). — М. — С. 74—81.

их этническое различие с мужьями П. Шафарик¹. Но это прямо противоречило надписи на памятнике костобокскому «королю» Сабитую, который в ней также недвусмысленно назван даком. О. В. Кудрявцев, в свою очередь, попытался провести этническое различие между их царями, с одной стороны, и костобоками, с другой. Что первые были родичи царей свободных даков, еще не значило, по его мнению, что все вторые тоже были фракийские даки².

Но это, однако, противоречило не только вышеназванным надписям из Рима, но и общеизвестным фактам. Например, всеми королями Румынии без исключения, от Кароля Первого и до последнего, Михая, публично всегда подчеркивалась их румынская идентичность — этническая, лингвистическая, культурная, религиозная. Все это было вполне естественно, поскольку диктовалось политическими интересами румынской королевской династии. Напоминать же о действительном — прусско-немецком — происхождении семьи von Hohenzollern-Sigmaringen, правившей Румынией с 1866-го по 1947 г., целесообразным было отнюдь не всегда. Вряд ли венценосные коллеги Зигмариненов, правившие костобоками на части той же самой территории в начале новой эры, нуждались в акцентировании своего другого, чем у подданных, этноса. Скорее, было как раз наоборот.

Царские костобокские надписи не содержат даты, и их хронология определяется лишь предположительно. На наш взгляд, более ранняя надпись в честь царя Сабитую. Возможно, памятник ему был сооружен в начале II в. н.э. — ненамного позднее, чем сама *colonna Traiani*. На эту мысль наводят уже сами римские имена Сабитуевых детей — *M (arcus) Ulpius* и *Ulpia*, — явно полученные им от и в честь императора-завоевателя Марка Ульпия Траяна. В качестве аналогии сошлемся на известные надписи из Херсонеса, в которых тоже упоминаются Ульпии, получившие гражданские права при том же императоре. Наш *Tarscana*, в точности как и Траяновы вольноотпущенники, например, заведующий его охотничьей

¹ Шафарик П. И. Ук. соч. — С. 346.

² Кудрявцев О. В. Ук. соч. — С. 64—65.

одеждой Марк Ульпий Эвфросин¹, получил праепотен и потен императора, а свое прежнее имя сохранил в виде согноптен. «Варварское» имя его сестры — дакийское «Волчица» превратилось, как сказано, в латинское Lupa.

Таким образом, эта надпись оказалась обусловленной первым из засвидетельствованных источниками важнейших для костобок событий — завоеванием в 101—106 гг. н.э. Дакии Траяном (рис. 11). По аналогии с первой и вторая надпись — в честь бывшей царицы Зианис — также оказалась «привязанной» к важной дате. По-

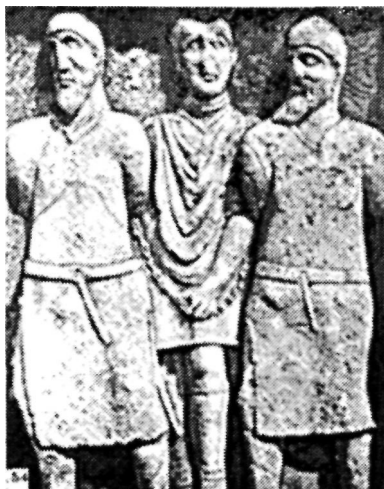

Рис. 11. Пленные даки. Изображения на колонне Траяна

видимому, примерно одновременно — в 170 или 171 г. н. э. — произошло, во-первых, нашествие костобок на Элладу, и, во-вторых, захват костобокской земли асдингами². Ф. А. Браун предполагалось, что эти захватчики лишили костобок статуса союзников империи, вступив с ней в такие же федеративные отношения, какие прежде имели они. «Не при этой ли сделке потерял свой престол Пиепор?» — спрашивал он³.

Но, по К. Дикулеску, костобоки вовсе не были союзниками римлян, наоборот, по его мнению, нападение на них асдингов было инспирировано персонально наместником

¹ Федорова Е. В. Ук. соч. — С. 85—101.

² Кудрявцев О. В. Ук. соч. — С. 56—70; Cortes J. M. La datation de la expedition de los Costobocos // Habis, 1995, T. 26, p. 187—193; 1991, Kolendo J. Rzymianie przebywający na terenie północnego Barbaricum. Sallustius Fortunatus Costobius wychowany w kraju kostoboków // Świat antyczny i barbarzyńcy. Teksty, zabytki, refleksja nad przeszłością. Seria podręczników, 1998, T 1. — S. 231.

³ Браун Ф. Ук. соч. — С. 146.

провинции Дакия Корнелием Клеменсом¹. Также и согласно Ю. К. Колосовской, костобоки тогда были враждебны империи. По ее мнению, за нападение на Фракию, Македонию и Ахаию в 171 г. римляне отомстили им не с помощью вандалов, а собственноручно, предприняв против них специальную карательную экспедицию, в результате которой царская семья и оказалась в Риме в качестве пленных². Впрочем, например, Г. Бихиром появление этих царственных заложников в Риме объясняется совсем не как следствие военного поражения, будь то от вандалов или от самих римлян. По его мнению, союзные империи костобоки выдали их добровольно, чтобы гарантировать свою верность Риму³.

Итак, в трактовке событий, которые привели в Рим родных Пиепора, наблюдается полнейший разнобой, допускающий произвольный выбор любой версии. О. В. Кудрявцев, как и Ф. А. Браун, ©становился на «вандалском» варианте. Надпись в честь Зиаис должна датироваться, считал он, «временем после 171 г. и далее в пределах двух поколений, т.е. не позже середины III в. н.э.»⁴. Однако тем же Ф. А. Брауном предполагалось еще следующее: «...может быть, что Пиепор лишился царства в первые годы завоевания Дакии и учреждения там провинции, т.е. при Траяне ок. 107 г.»⁵

Теперь это мнение подлежит пересмотру, ведь надпись в честь Зиаис начинается с аббревиатуры «D. M.», т.е. «Dis Manibus» — «Богам Манам (посвящение)». В древнеримской эпиграфике данная формула считается типичным признаком рубежа II—III и III в. Например, она представлена в нескольких латинских надписях конца II — середины III в. из Херсонеса,

¹ Diclesku C. Ук. соч. — S. 23.

² Колосовская Ю. К. Дунайские племена и их войны с Римом // <http://history.tuad.nsk.ru>

³ Bichir G. Ук. соч. — P. 63.

⁴ Кудрявцев О. В. Исследования по истории Балкано-Дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим вопросам древней истории. — С. 55.

⁵ Браун Ф. Ук. соч. — С. 146.

Харакса и Балаклавы¹. Получается, что костобокские «царские» надписи из Рима никак не синхронны. Если надпись в честь Субитуя связана с завоеванием Дакии Траяном, то надпись, упоминающая Зиаис, по-видимому, — с появлением на границе и внутри провинции вандалов.

С такой же аббревиатуры начинается и надпись, где упоминается не царь или царица, а просто один из граждан города Симмитус в провинции Новая Африка: «DMS [C.f.Q [uirina] For [tun] atius Costob [ius e] o quod inter Cos [t] obo [cos]...» («Б [ограм] М [анам] п [освящение]; Саллюстий, Гая из к [виринской] трибы сын, Фор [тун] атиан Костоб [ий], вскормленный среди костобоков...»). Согласно Е. Колендо, эта африканская надпись относится к II или началу III в. Город Simitthus славился каменоломнями, и поэтому предполагается, что этот Гай Саллюстий Фортунатиан как специалист в горном деле был приглашен на работу в одну из восточнобалканских провинций, куда он и прибыл с семьей как раз накануне нашествия костобоков в 170 г. Одним из драматических его последствий стала потеря Саллюстием своего малолетнего ребенка, захваченного «варварами» и уведенного ими, согласно версии Е. Колендо, куда-то в верховья Днестра. Так Саллюстий-младший оказался там «вскормленным среди костобоков», но потом ему удалось бежать и вернуться на родину в Африку².

Итак, эхо костобокского нашествия на Балканы отозвалось даже на африканском побережье. Однако, согласно О. В. Кудрявцеву, тогдашний античный мир оказался не в состоянии понять истинное значение этого события, оказавшегося прологом нашествий на империю других «варваров», в конце концов с нею и покончивших. Проникновение шайки костобоков в сердце Эллады было воспринято как случайный эпизод, вскоре преданный забвению³. Не приходится удивляться, что и само

¹ Зубарь В. М. Новые латинские эпитафические памятники II — середины III в. из Херсонеса, Балаклавы и Харакса // *Stratum plus* Петербургский археологический вестник. — 2000. — № 6.

² Kolendo J. Ук. соч. Т. 1. — S. 231.

³ Кудрявцев О. В. Вторжение костобоков в балканские провинции Римской империи. — С. 68—69.

имя их стало забываться. Вероятно, оно вытеснялось более известным и привычным: *daci*, *ḍákoī*, *ḍákoī troooroī* (свободные даки). Подтверждение тому можно видеть, например, в упоминании даков точно в такой же позиции — рядом с аланами — как костобоки у Амиана Марцеллина. Тогда же, в конце IV в. н.э., Руфием Фестом Авиеном упоминаются «народы даков, храбрый алан» (Avien., 435—461), а в следующем столетии Присцианом — «полчища даков, воинственные аланы» (Priscian., VII: 228—312). В XX в. липицкая археологическая культура сопоставлялась также как с даками (см., буквально: «липицкая группа дакийской культуры»¹, так и костобоками². Их дакийская этническая принадлежность, по мнению И. Ионицы, представляется наиболее вероятной как раз вследствие практически полного соответствия костобоков из исторических источников археологическому типу *Lipita*³.

На Верхнем Днестре и его притоках памятники этой дакийской липицкой культуры образуют, согласно Д. Н. Козаку, три небольших «гнезда», соответствующих, по его мнению, отдельным племенным объединениям⁴. Однако позднее были опубликованы данные, по которым в Верхнем Поднестровье имеются не три, а всего два региона липицких поселений и могильников. Из них основной, северо-западный, расположен на левых притоках Днестра, на Золотой, а также Гнилой Липах и др., простирается вплоть до Львова и истоков Западного Буга. Второй, юго-восточный, находится ближе к Карпатским горам, ниже по течению Днестра на его правом берегу, простираясь вплоть до реки Прут⁵. Такое взаиморасположение памятников находится в полном соответствии с письменными источниками. По замечанию О. В. Кудрявцева, у Птолемея

¹ Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. — С. 34.

² Tackenberg K. Ук. соч. — S. 286—287.

³ Ioniță J. Die freien Daker an der nord-östlichen Grenze der römischen Provinz Dakien // Acta musei Porolissensis. Zalau, 1997, XXI. — S. 880.

⁴ Козак Д. Н. Етнокультурна історія Волини (I ст. до н.э. — IV ст. н.э.). — Київ, 1991. — С. 26.

⁵ Ioniță J. Ук. соч. — Abb. 1.

один из «рядов» приведенных им этнонимов, который завершают «койстобоки и трансмонты до Певкинских (т.е. Карпатских. — С.Р.) гор» (Ptol., Geogr., III: 5, 9) расположен будто бы «в меридиональном направлении, с северо-запада на юго-восток»¹. Однако *meridianus*, т.е. «полуденный», проходит через оба полюса, и поэтому по определению имеет направление север—юг. Зато не в этом меридиональном направлении, а в указанном О. В. Кудрявцевым — с северо-запада на юго-восток — течет Верхний Днестр, в бассейне которого и располагаются районы концентрации липицких памятников, принадлежавших, надо полагать, двум отдельным племенным объединениям. Это будут, буквально по Птолемею, во-первых, *κοιουτοῦβωκοι*, и, во-вторых, *τρανσμονταί*.

Но *κοιουτοῦβωκοι* оказываются у него также и в Дакии. «Населяют же Дакию, — пишет Птолемей, — на крайнем севере, начиная с запада, анарты, тевриски и койстобоки» (Ptol., Geogr., III: 8, 3). Перпендикулярно к этому «ряду» у него размещен другой, проходящий через исток Вистулы, который замыкают «сабоки, пиенгиты и бессы возле Карпатских гор» (Ptol., Geogr., III: 8, 3). Несмотря на неизбежное пересечение обоих этих «рядов» в Северной Дакии, у Птолемея костобоки названы среди «менее значительных племен Сарматии», где им, по Ф. А. Брауну, ни в каком случае места нет. Для обоих этих племен предполагалась такая локализация: «...костобоки и сабоки жили на Верхнем Szamos'e, притоке Тиссы, в нынешней Буковине и, вероятно, в прилегающих донднестровских областях Южной Галиции; южнее костобоки, севернее сабоки, никогда не принадлежавшие империи»². Двойника в Прикарпатье имели не только закарпатские костобоки, но и сабоки. По К. Мюлленгофу, этноним *σαβῶκοι* соответствовал не только славянскому *zaboki*, но и латинскому *τρανσμονταί*³.

¹ Кудрявцев О. В. Вторжение костобоков в балканские провинции Римской империи. Ук. соч. — С. 64.

² Браун Ф. Разыскания в области готско-славянских отношений. I. Готы и их соседи до века // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской АН. 1899, Т. 64. № 12. С. 148 — 149.

³ Müllenhoff K. Deutsche Altertumskunde. Erster Band. — S. 84.

Дублирование Птолемеем этнонима κοινοὺς Μ. С. Грушевым и О. В. Кудрявцевым воспринималось как свидетельство их перехода с севера на юг, из Прикарпатья в Закарпатье¹. Но современная наука придерживается противоположного мнения. Считается, что липицкая культура появляется в результате переселения части даков из Закарпатья, где, в частности, имеется дакийская крепость середины I в. до н.э. — II в. н.э. Малая Копань. По В. Г. Катигорошко, закарпатские памятники первых столетий н.э. принадлежали коренному населению одной из групп северофракийской, т.е. дакийской, этнической общности². «Вероятно, липицкое население, — предполагалось В. Н. Цыгылыком и М. Ю. Смишко, — перейдя Карпатские горы, вышло на Днестр и, продвинувшись по его левым притокам, осело на плодородных землях»³. Может быть, эту миграцию вызвало вселение в Подунавье и Карпатский бассейн донских сарматов-язигов, которое произошло около середины I в. н.э.⁴ Считается, что как-раз тогда и появляется большинство липицких памятников с противоположной стороны Восточных Карпат⁵. Вскоре после этих событий, около 77 г. н.э., Плинием была закончена «Естественная история». «Страны, лежащие к северу между Дунабием и Герцинским хребтом до Паннонских стоянок и до полей и равнин живущих там в соседстве германцев, — читаем мы в ней, — занимают язиги-сарматы, а горные хребты и ущелья до реки Патисса (Тиссы. — *C.P.*) — прогнанные ими даки» (Plin., NH, IV: 8). Последние упоминаются под именем

¹ Грушевский М. С. Ук. соч. — С. 15; Кудрявцев О. В. Вторжение костобоков в балканские провинции Римской империи // Вестник древней истории. — 1950. — № 3. — С. 64.

² Катигорошко В. Г. Итоги изучения могильника Иза I в Закарпатье // Советская археология. — 1982. — № 1. — С. 247.

³ Археология Украинской ССР. Т. 3. Раннеславянский и древнерусский периоды. — Киев, 1986. — С. 69.

⁴ Вдовченков Е. В. Миграция носителей сарматской археологической культуры из Подонья на территорию Среднего Дуная в I в. до н.э. — I в. н.э. // Южнороссийское обозрение. — 2004. — Вып. 22.

⁵ Козак Д. Н. Особливості культурогенезу на території Північно-Західної України в першій половині I тис. н.е. (за матеріалами пам'яток липицького типу) // Археологія. — 1990. — Вип. 4. — С. 46.

костобоков-сабоков-трансмонтанов Птолемеем, который, как считается, основывался на сведениях, суммированных Марином Тирским в первой трети II в. н.э.¹

Еще одно подтверждение соответствия липицкой культуры историческим костобокам также избежало пока внимания исследователей. Где именно прошли вандалские отряды Рая и Рапта? Начиная от Львова вдоль Днестра расположены погребения пшеворской культуры — Рудки, Каменка Великая, Репужинцы, Петрилов, Иване-Золотое и др. Они одиночные, но богатые и без исключения все с большим количеством вооружения, конского снаряжения, которое могло принадлежать лишь привилегированным воинам-всадникам. Считается, что рядовых погибших вандалов тогда сжигали на общих кострах, а пепел хоронили в братских могилах и без оружия. Погребальный инвентарь точно датирует богатые захоронения фазой C1 (170—260 гг. н.э.). Но они, по Д. Н. Козаку, были совершенны в гораздо более узком хронологическом диапазоне, являясь следствием одного похода. По его мнению, этот поход по Верхнему Днестру был совершен вандалами против местного славянского населения и был одним из первых в истории кровопролитных славяно-германских конфликтов². Но если наличие у границ римской Дакии славян в 170—171 г. не доказано, то и присутствие там костобоков, и нападение на них вандалов хорошо засвидетельствовано исторически. Агрессии подверглись тогда, по-видимому, как при- так и закарпатские даки. С упомянутыми известиями Кассия Диона сопоставляется появление пшеворских комплексов фазы C1 не только на Верхнем Днестре, но и на востоке Словакии в Землине, а также в Братове в украинском Закарпатье³.

¹ Мачинский Д. А., Тиханова М. А. О местах обитания и направлениях движения славян в I—VII вв. н.э. (по письменным и археологическим источникам) // *Acta Archaeologica Carpathica*. — 1976, Т. 16. — С. 62.

² Козак Д. Н. Взаємовідносини слов'ян і германців на території України в першій половині I тис. н.е. — С. 32.

³ Koval' I. V. Ук. соч. — С. 52 — 56; Godłowski K. «Superiores barbari» und die Markomannenkriege im Lichte archaologischer Quellen // *Slovenská Archeologia*, 1984, R. 32. — S. 332.

По Д. Н. Козаку, пшеворская культура Украины и Польши идентичны. По К. Годловскому, эта «довольно единая культурная общность» в целом соответствует вандалам античных источников¹. Ко времени нашествия на них вандалов-асдингов уже четыре-пять поколений костобоков мирно прожили в Верхнем Поднестровье... среди других вандалов. По наблюдению Д. Н. Козака, хотя в начале — середине I в. липицкое население и просочилось в глубь пшеворской территории вплоть до окраин современного Львова, нет свидетельств вытеснения ими местных жителей или наоборот. Богатое пшеворское погребение № 3 в Гриневе содержало отдельные липицкие элементы, оцененные им как свидетельство участия дакийцев в похоронах пшеворского вождя².

Союз липицких костобоков с пшеворскими вандалами в Верхнем Поднестровье, скорее всего, не выдержал серьезного испытания. По В. Н. Цыгилику и М. Ю. Смишко, в начале III в. основная масса липицкого населения уходит за Днестр в Карпаты, в формировании верхнеднестровской группы черняховской культуры практически не участвуя³. Но в ней присутствуют некоторые липицкие элементы, например, в домостроительстве и устройстве печей. Это дало Д. Н. Козаку основание утверждать, что часть липицкого населения осталась на своих местах, быстро ассимилировавшись с «черняховцами»⁴. Для понимания дальнейшей судьбы костобоков это, в общем, не существенно, как и уточнение верхней хронологической границы липицкой культуры, смещенной от начала III в. конец II в. н.э.⁵ Но это уточнение подкрепляет предположение, что

¹ Godłowski K. «Superiores barbari» und die Markomannenkriege im Lichte archäologischer Quellen // Slovenská Archeologia, 1984. S. 327—350; Козак Д. Н. Етнокультурна історія Волини (I ст. до н.е. — IV ст. н.е.). — С. 27.

² Козак Д. Н. Особливості культурогенезу на території Північно-Західної України в першій половині I тис. н.е. (за матеріалами пам'яток липицького типу). — С. 48.

³ Цыгилик В. М. Населения Верхнього Подністров'я перших століть нашої ери. — Київ, 1975. — С. 148; Археология Украинской ССР. — С. 70.

⁴ Козак Д. Н. Пшеворська и черняхівська культури у Верхньому Подністров'ї // Археологія. — 1982. — Вип. 37. — С. 41.

⁵ Козак Д. Н. Етнокультурна історія Волини (I ст. до н.е. — IV ст. н.е.). — Київ, 1991. — С. 26; Шаров О. В., Бажан М. А. Черняховские этюды. Происхождение сероглиняной керамики

своих вандальских союзников на Верхнем Днестре костобоки покинули из-за нашествия вандальских же отрядов Рая и Рапта. «Конец липицкой культуры, — пишет Л. В. Вакуленко, — ...хронологически совпадает с уже упоминавшимся сообщением Диона Кассия о разгроме костобоков»¹.

Письменные источники продолжают упоминать костобоков вплоть до конца IV в. н.э., — это намного позже финала липицкой культуры. Какие же археологические данные должны быть поставлены в связь с известиями Аммиана Марцеллина? С вторжением асдингов в 170—171 гг. связывают также и возникновение в конце II — начале III в. культуры карпатских курганов. С этой культурой уже были идентифицированы костобоки². Они — совсем не единственный этнос, которому в археологии отводится более одной культуры. Вспомним, к примеру, прохоровскую и сусловскую, оставленную савромато-сарматами, пражско-корчацкую и лукарайковецкую — славянами и т.д. Бурных событий последней четверти II в. в Восточных Карпатах, наверное, достаточно для объяснения трансформации культуры липицкой в культуру карпатских курганов.

Даже при беглом их сравнении обнаруживается совпадение основных элементов обеих. Соответствует не только география — по обе стороны Карпат, — но и топография их поселений (селища на южных или восточных склонах), а также конструкция и, по-видимому, интерьер составляющих их жилищ. Площадью от 10 до 40 квадратных метров, они представлены двумя основными типами. Наземные дома имели обмазанные глиной плетневые стены; такими они могли быть, как полагают, также и у заглубленных (до 2,5 м) в грунт. Они отапливались глинобитными печами или очагами, также глинобитными, обмазанными глиной каменными, наконец, просто ямными³. Итак, домостроительство обеих культур обладает

Черняховской культуры (историографический очерк) // *Stratum plus* Петербургский археологический вестник. — 1999. — №4.

¹ Вакуленко Л. В. Пам'ятки підгір'я Українських Карпат першої половини I тисячоліття н.е. — С 82.

² Там же, с. 74—75; Koval' I. V. Ук. соч. — S. 52.

³ Цыгилик В. М. Ук. соч. — С. 63; Вакуленко Л. В. Пам'ятки підгір'я Українських Карпат першої половини I тисячоліття н.е. — С. 12—15.

значительным единством. У всех этих жилищ больше общего между собой, чем, например, с вельбарскими и черняховскими, относящимися к типу Stallhaus. Последние тоже каркасно-столбовые, возведенные в той же Lehmholztechnik (стены глинобитные, на плетневой основе), но они обязательно двухкамерные. В некоторых жилищах культуры карпатских курганов были установлены печи-каменки, обязательные в раннеславянских пражских полуземлянках. Но эти полуземлянки никогда не дают, однако, фрагментов глиняной обмазки¹.

Согласно Л. В. Вакуленко, в культуре карпатских курганов полуземлянки появляются позднее наземных жилищ. Но это опровергнуто И. П. Русановой, — с учетом хронологии полуземлянок Глыбокой, одна из которых относится к III, а вторая — к V в. н.э., т.е. как к начальному, так и к финальному этапам². Но похоже, что со временем исчезают овальные и округлые землянки. Они составляют до 20 % липицких жилищ, но среди карпатских их уже нет. Зато в жилищах культуры карпатских курганов наравне с глинобитными печами есть каменки. Хронологические изменения не нарушают преемственности в рамках одной и той же культурной традиции. Это касается не только домостроительства, но и погребальной обрядности, а также производства керамики. «В. Н. Цыгилик осторожно высказывается о близости отдельных элементов липицкой керамики и керамики культуры карпатских курганов, — отмечалось В. И. Бидзилей и И. П. Русановой. — При сравнении керамики этих культур, действительно, наблюдается много общих черт (распространение конических чаш с ручками, ваз на пустой ножке, характер орнаментации в виде налепов и валиков и прочие чисто дакийские особенности». Как липицкие по своему происхождению, И. П. Русанова рассматривала некоторые ведущие типы не только гончарной, но и лепной керамики культуры карпатских курганов, в том

¹ Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. — С. 68—69.

² Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. — первой половине I тысячелетия н.э. Археология СССР. — М., 1993. — С. 172.

числе горшков¹. Напротив, по происхождению именно славянским Л. В. Вакуленко считает первый тип лепной посуды этой культуры — горшки средних размеров с отогнутыми наружу короткими венчиками и более или менее выделенными плечами и шейкой². Однако такими же пропорциями обладают не только сосуды из карпатского кургана и селища в Глубокой, но и, к примеру, груболепной горшок из могильника в Верхней Липице, кстати, одного из самых поздних во всей своей культуре.

Вопреки мнению их исследователей³, обряд карпатских курганов вряд ли сближает их с летописными славянами, в частности, с белыми хорватами. Для этого летописного племени были характерны плоские могильники. Курганный обряд захоронения в области расселения хорватов, — считал В. В. Седов, — очевидно, распространения не получил. Появление отдельных насыпей рассматривалось им как результат инфильтрации соседних воынян. Самые ранние славянские курганы в бывшем ареале культуры карпатских курганов появляются только в VII—VIII вв.⁴ Позднее В. В. Седов свои взгляды пересмотрел. Он стал утверждать, что у пражско-корчакских племен курганы появились благодаря влиянию карпатских⁵. Но позднейшие из них относятся к V в., а самые первые славянские — только к VI в. К тому же и расположены они под Шепетовкой, а совсем не в Карпатах. В подкрепление своей новой гипотезы В. В. Седов был вынужден даже ссылаться на то, чего просто нет. «Не исключено, — писал он, — что со временем где-то в Прикарпатском регионе обнаружится область более ранних курганов». Но пока обнаруживается лишь ошибочность утверждения о совпадении «во всех деталях» обрядности карпатских и корчакских курганов. Для последних характерна кремация на

¹ Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. — первой половине I тысячелетия н.э. — С. 104, 175, табл. 89: 13.

² Вакуленко Л. В. Пам'ятки підгір'я Українських Карпат першої половині I тисячоліття н.е. — Рис. 18: 5, 8.

³ Археология Украинской ССР. — С. 127.

⁴ Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. — С. 126.

⁵ Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. — С. 13.

стороне; кремация же на месте будущего кургана считается специфической чертой карпатских¹. Этим курганам не свойственны также подклешевые погребения, характерные для раннеславянских могильников Западной Украины². Наконец, В. В. Седов противоречил собственной гипотезе, объяснив все не внешним, карпатским, влиянием, а внутренними причинами. «Причины и условия зарождения курганной обрядности в среде славян пражско-корчакской группировки пока непонятны, — писал он. — Возможно, это было обусловлено какими-то изменениями в языческом мировоззрении»³.

Самые ранние славянские могильники, согласно И. П. Русановой, были именно грунтовые, а не курганные⁴. С карпатскими курганами они имеют, видимо, ничуть не больше общего, чем такие же грунтовые липицкие погребения. С другой стороны, например, наличие вторично обожженной керамики и в липицких грунтовых, карпатских курганных погребениях является одним из общих для них элементов. Карпатские и славянские курганы разделяет одно-два столетия. Вместе с тем отдельные курганные захоронения появляются уже в липицкой культуре⁵.

Очевидно, явная дакийская принадлежность липицкой культуры и мешает, главным образом, увидеть в ней генетическую основу карпатских курганов. Если согласиться, что в них похоронены даки-костобоки, то внутри их культуры просто не останется места также и для славянского элемента. На его наличии в ней, наравне с дакийским, по-прежнему настаивает Л. В. Вакуленко. Но монолитность культуры карпатских курганов, особенно очевидная, например, на фоне черняховской, не позволяет представить ее такой же полиэтнической. Разным этническим элементам черняховской общ-

¹ Вакуленко Л. В. Пам'ятки підгір'я Українських Карпат першої половини I тисячоліття н.е. — С. 35.

² Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв. Культура пражского типа. — М., 1976. — С. 42.

³ Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. — С. 15.

⁴ Русанова И. П. Ук. соч. — С. 42.

⁵ Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. — С. 35, 60.

ности соответствуют локальные варианты. Считается, «классические» черняховские древности типа Косанов на Волини возникли на вельбарской основе и были оставлены германцами. Поздним скифам и аланам принадлежали памятники типа Каборга в степном Причерноморье и т.д.¹ Сколько-нибудь похожая дифференциация карпатских курганов отсутствует.

Итак, полиэтничность карпатских курганов пришлось доказывать не на уровне локальных вариантов, а фактически на уровне отдельных находок. На памятниках этой культуры вместе с типичной гето-дакийской керамикой найдены стройные лепные горшки с отогнутым наружу коротким венчиком, выделенной шейкой и немного выпуклым корпусом. Они-то и были сопоставлены Л. В. Вакуленко с раннеславянскими².

Но известно, что этноатрибуция отдельных элементов материальной культуры корректных результатов не дает. Возражая В. Д. Барану, И. П. Русанова настаивала, что по формам нескольких сосудов нельзя делать вывод о генетическом родстве между до- и раннеславянской культурами³. В той же мере, как к черняховской, это относится к культуре карпатских курганов. В ней к тому же представлены псевдо-пражские керамические формы, возникшие задолго и независимо от самой пражской культуры. В пшеворском ареале сосуды, напоминающие по форме пражские, встречаются уже в эпоху гальштата. Целая серия таких сосудов была помещена среди находок, типичных для раннепшеворской фазы А1 (вторая половина I в. до н.э. — первая половина I в. н.э.)⁴. «В любом случае, — подчеркивалось К. Годловским, — трудно трактовать одну изолированную керамическую форму как имманентный элемент славянской культу-

¹ Магомедов В. Б. Этнические компоненты черняховской культуры // *Stratum plus* Петербургский археологический вестник. — 2000. — № 4.

² Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. — С. 68.

³ Русанова И. П. Ук. соч. — С. 205.

⁴ Dąbrowska T. *Wczesne fazy kultury przseworskiej*. — Warszawa, 1988. — Tabl. II: 7, 11, 12, 19, 28.

ры...»¹ (перевод мой.— С. Р.). Влияние на культуру карпатских курганов культуры пшеворской общеизвестно; возможно, его проявлением надо считать и появление «пражских» пропорций. Такая керамика была и в жилище № 21 Глубокой, отнесенном Л. В. Вакуленко к раннекарпатским. Но, как отметила И. П. Русанова, эти сосуды действительно пражские, типов 6 и 7, которые датируются гораздо позднее финала культуры карпатских курганов — только VII в. н.э.²

Но в V, а может быть уже и в конце IV в., носители обеих этих культур установили между собой контакт, археологически отлично засвидетельствованный, например, в Кодыне II. На окраине этого большого поселения культуры карпатских курганов на реке Прут в Буковине первоначально появляется несколько типичных славянских полуземлянок с печами-каменками и с керамикой раннепражской культуры. Однако часть славянских жилищ имела здесь плетнево-глинобитную, как у карпатских, конструкцию. Иногда полуземлянки отапливались простыми глинобитными очагами, тогда как в некоторых карпатских мазанках уже были сложены из дикого камня славянские «черные» печки. Самые ранние славянские комплексы Кодына включали гончарную карпатскую керамику, а поздние карпатские — лепную пражскую. Со временем культурные традиции карпатских курганов оказались вытесненными славянскими, что показывает направление процесса интеграции³. Видимо, славянизация местного населения происходила здесь в рамках его мирного сосуществования с пришельцами.

Впрочем, по И. О. Гавритухину, в то же самое время по соседству, ниже по течению Прута, располагалась враждебная славянам так называемая «восточнокарпатская» группировка. Именно эта группировка, по его мнению, вплоть до конца V в.

¹ Godłowski K. Z badań nad zagadnieniem rozprzestrzenienia słowian w V—VIII w. n. e. — Kraków, 1979. — S. 14.

² Русанова И. П. Ук. соч. — С. 35.

³ Русанова И. П., Тимошук Б. А. Кодын — славянские поселения V—VIII вв. на р. Прут. М., 1984. — С. 14, 36, 41—43.

препятствовала движению славян на юг и даже их нападениям на Византию¹. Но одной из основ, на которой перед появлением здесь славян складывается «восточнокарпатская» дакийская группировка румынской Молдовы, считается та же самая культура карпатских курганов². Итак, в разных районах отношения костобоков и славян могли развиваться в противоположных направлениях. Но исторически результат оказался одинаковым. И главное племя, и остальные *β*ωκοι в конце концов ославянились. По Ф. А. Брауну, «Между *β*ωκοι и Буковиной есть связь несомненная, созданная, однако, не органическим родством, а заимствованием... Первые пришедшие в этот край славяне застали здесь еще остатки боков...»³.

Остается, однако, еще один существенный вопрос. Почему провинциально-римская культура карпатских курганов уступила раннеславянской, которая по уровню своего развития ее, во всяком случае, не превосходила? Через столетия на той же территории Буковины развернулся процесс деславянизации. «Там, где руснаки соприкасаются с молдаванами, они усваивают молдавский язык, затем забывают родной и целыми селами переходят к молдавской этнической самоидентификации, — реконструирует О. Суляк процесс XIX в. — Как нельзя лучше суть этого явления передает молдавская пословица: «татул рус, мама рус, нумай Иван — молдован» (отец — русский, мать — русская, а Иван — молдаванин). Омомолдаванивание простирается не только на язык, но и на быт... Такая активность молдавского элемента и пассивность славянского тем более удивительна, что молдавское население по культуре не выше»⁴. Решающим фактором здесь

¹ Гавритухин И. О. Начало великого славянского расселения на юг и запад // Археологічні студії. Вип. 1. Київ, Чернівці, 2000. — С. 78, 80.

² Засыпкина Г. В. Даки II—III вв. к востоку от Карпат. Новые исследования погребальных памятников. Рецензия на монографию М. Ignat «Dacii liberi din Moldova. Contribuții arheologice. Necropole de la Podeni și Zvoristea», Iași, 1999 // Stratum plus. Петербургский археологический вестник. — 2000. — № 4.

³ Браун Ф. Ук. соч. — С. 149.

⁴ Суляк О. С. Руснаки Бессарабии: почему им нет места в учебниках истории? // <http://www.ukrstor.com/ukrstor/suliak>

оказался религиозный: «русской» верой в Карпатах сделалось униатство, а православие — «молдавской». Верность конфессии и делало руснаков молдаванами.

Но вряд ли в финале античности катализатором ассимиляции стала какая-нибудь идеология. Правда, лесные Карпаты славяне перешли в процессе своей впечатляющей экспансии. Но в отличие, например, от гуннов или болгар, организованных в орды, внутри которых оказался также подчиненный им, постепенно тюркизируемый сармато-аланский элемент, славяне V—VI вв. политическим единством, как известно, не обладали.

Нужды нет: политически разобщенное и даже зависимое население в процессе межэтнического взаимодействия тоже иногда выходит победителем. Так случилось, к примеру, при формировании народности долган. Ее основу составили якутские и объякученные тунгусские «ясачные» (даннические) роды, переселявшиеся на Таймыр в течение XIX в. Но «затундринские крестьяне» из русского Поморья пришли сюда еще в начале XVII в. и успели прочно освоить богатейшие промысловые угодья. Подчеркивается, что никакими производственными преимуществами позднейшие переселенцы не обладали, поскольку и русские, и нерусские предки долган имели одинаковый тип северного хозяйства (охота, оленеводство, рыболовство). Тогдашние светские и церковные власти по всей Сибири стремились к обращению «инородцев» в православие и к их дальнейшему обрусению. Но в начале XX в. потомки «затундринских крестьян» сами оказались окончательно долганизированными¹. Судьба костобоков, в типологически сходных культурно-хозяйственных условиях сложилась «с точностью до наоборот».

§ 2. ВЕНЕТЫ

Дакию, по словам Иордана, наподобие короны ограждают скалистые Альпы, т.е. Карпаты. «У левого их склона, спус-

---

¹ Долгих Б. О. Происхождение долган // Сибирский этнографический сборник.— 1963.— Т. 5.— С. 92—141.

кающегося к северу, начиная от места рождения реки Вистулы, на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются склавенами и антами» (lord., *Getica*, 34).

Вера в славянство венетов в ученой среде передается от поколения к поколению. От П. Шафарика и Л. Нидерле эта эстафета достигла наших современников, что позволило в 70-е гг. констатировать следующее: «Большинство ученых специалистов считает, что вене́ды — это этноним славян... Это положение в настоящее время уже почти не вызывает споров»¹. Данное положение казалось еще бесспорнее после 1945-го, когда соединившиеся наконец ученые славянских стран давали за место под солнцем для этих венетов-венедов настоящий бой «нахальству немцев»² (так в тексте. — *СР.*). В славянской истории был выделен тогда специальный «венедский период», соответствующий I—IV вв. н.э.³, а в археологии *Polski ludowej* — соответствующая «*kultura wenedzka*», официально называвшаяся именно так вплоть до недавнего времени⁴.

Эта «венедская» (пшеворская) культура в 1920—40-е гг. буквально отвоевывалась у немецкой археологической науки, в которой она традиционно считалась германской — вандальской, лугийской⁵. Ю. Костшевский тогда стал доказывать исконно славянскую принадлежность отошедших к Польше территорий Силезии и Померании. Согласно его новой точке

¹ Баран В. Д. Славяне в середине I тысячелетия нашей эры // Проблемы этногенеза славян. — Киев, 1974. — С. 7.

² Артамонов М. И. Вене́ды, невры и будины в славянском этногенезе // Вестник ЛГУ. — 1946. — № 2. — С. 71.

³ Tymieniecki K. Droga Gotów na południe // *Archeologia*. — 1949. — Т. 3. — S. 112—113.

⁴ Kostrzewski J., Chmielewski W., Jażdżewski K. *Pradzieje Polski*. — Wrocław, 1965. — S. 242—254; Jażdżewski K. *Pradzieje Europy środkowej*. — Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk? 1981. — S. 485.

⁵ Kossina G. Ук. соч. — S. 141; La Baume W. *Urgeschichte der Ostgermanen*. — Danzig, 1934. — S. 108.

зрения, праславянской в польских землях являлась уже лужицкая культура бронзового — начала железного века, а дальнейшее развитие автохтонного населения привело в I в. к сложению здесь «венедской» культуры. Наименование ее носителей, переданное Тацитом как *Iugios*, на самом деле звучала, по Ю. Костшевскому и Т. Лер-Сплавинскому, именно по-славянски: *łužane*, или даже *łużycane*¹. Советской археологией тезис об исконно славянской принадлежности «древней Лузании» был поддержан самым решительным образом: «... лугийские племена,— писал П. Н. Третьяков,— которые в буржуазной литературе обычно считаются германцами, в действительности являлись племенами, родственными венедам»². Впрочем, древними славянами тогда считались... даже Тацитовы *suebi*³. Сопоставление различных проявлений пшеворской культуры именно с венедами, в частности южнопшеворских памятников Словакии и Поднестровья — с *venadae* и *venadae sarmatae* Певтингеровых таблиц, продолжали встречаться и гораздо позднее⁴.

Кстати, славянство венедов было тем уникальным тезисом, который одинаково отстаивала как советская историческая наука, так и «антисоветская» эмигрантская. Так, у Я. Пастернака читаем: «... все славянские археологи единодушно считают венедов праславянами, предками западных славян»⁵. Таким образом, именно национальная обусловленность данной трактовки признавалась вполне откровенно.

Однако и немецкими учеными славянская атрибуция венетов/венедов, собственно, также никогда не отрицалась.

¹ Kostrzewski J. Germanie przedhistoryczny w Polsce // PA, 1946, T. 8. — S. 71—76; Lehr-Splawiński T. O starożytnych lugiach // Slavia antiqua, 1946, T. 1, 1948. — S. 266.

² Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. — М., 1953. — С. 105.

³ Удальцов А. Д. Ук. соч. — С. 65—89.

⁴ Щукин М. Б. Археологические данные о славянах II—IV веков. Перспективы ретроспективного метода // АСГЭ. — 1976. — Вып. 17. — С. 17—77.

⁵ Пастернак Я. Археологія України. — Торонто, 1961. — С. 432.

Даже очень не любимый нашей историографией «лидер германской националистической археологии» Г. Коссина считал Тацитовых венедов именно славянами¹.

Л. Шмидтом и М. Эбертом венеты Иордана, побежденные Германаарихом, отождествлялись с верхнеднепровскими славянами. Позднее о том же писали еще многие, к примеру, Э. Шварц². Даже в переводе Тацитова сочинения «*Germansia*», как эквивалент латинского *venethi*, содержится немецкое *die Wenden*, с последующим разъяснением: т.е. *die Slawen*³. Это совпадает с традиционным наименованием славян, сохранившимся в немецком языке до современности в форме *winden, wenden*. Существует аналогичное финское *venë, veneä, venäjä* с тем же значением, и, кроме того, также *Venädä* — «Россия». А Польшу, в частности, средневековые скандинавские источники именуют *Weonodland*⁴. Земли к востоку от Эльбы и Заале, населенные прежде славянскими племенами, и после их окончательного онемечивания долго продолжали именоваться *Vinedaland*⁵. Все это казалось вполне надежным основанием для истолкования, в качестве обозначений таких же славян, только древних, также и этнонимов, переданных авторами I—VI вв. в форме *venethi-venedioúeuédoi*. Поэтому вполне естественно, что для «расшифровки» последних привлекались данные именно славянского языкознания. И получилось следующее: «венд» → «ант» → «вят (ич)»; «*Wenetowie*» = «*ludzi wielkie, potężny*»⁶.

¹ Kossina G. Zu meine Ostgermanenkarte // *Mannus*, 1924, Bd. 16. — S. 161.

² Schmidt L. Geschichte der deutsche Stämme bis zum Ausgange der Völkerwanderung. Die Geschichte der Ostgermanen. — Berlin, 1910. — S. 99; Ebert M. Südrußland im Altertum. Bonn, 1921. — S. 361; Schwarz E. Ук. соч. — S. 88.

³ Tacitus Publius Cornelius. *Germania. Die Annalen*. — München, 1947. — S. 41, 61.

⁴ Blume E. Die germanischen Stämme und die Kulturen zwischen Oder und Passarge zur römischen Keiserzeit. — Würzburg, 1912. — S. 207.

⁵ Zeuss K. Ук. соч. — S. 67.

⁶ Мавродин В. В. Ук. соч. — 28; Tymieniecki K. *Wenetowie, nazwa i rzeczywistość historyczna* // *Slavia antiqua*, 1948, T. 1. — S. 251.

Как известно, соединить подобным же лингвистическим «мостиком» с достоверными славянами не только венедов, но и ставанов пытался еще М. В. Ломоносов. Самые авторитетные гарантии возможность подобной трансформации неизменно получала и в дальнейшем. Так, согласно П. Шафарику, первоначально писалось именно ΣΤΛΛ'ΥΑΝΟΙ, но потом буква «Л» была спутана с «А», а впоследствии выпала вообще¹. Согласно Г. Ловмянському, Птолемеевы Σταυανοί, — не что иное, как испорченное самоназвание славян, передать которое правильное было бы как Στλαβανοί, или даже Συλαβανοί². «Достройка» данного «мостика» привела к отождествлению, по крайней мере, территориальному, этих «ставанов» — «ставен» с Тацитовыми венетами³.

Психологическая мотивация славянской этнической интерпретации известий о ставанах и венетах, в общем, ясна; она была отчетливо обозначена, в частности, у К. Годловского. «В античных источниках I—IV вв. н.э., — писал он, — между Средним Дунаем и Балтикой упоминаются народы кельтского, германского, и балтского происхождения (галинды, судины); на этом фоне отсутствие данных о славянах выглядит чем-то невероятным»⁴. Видимо, априорной славянской этнической атрибуцией восточноевропейских венетов, упоминаемых у античных писателей, был обусловлен во многом также и сам суммарный подход к известиям последних. «Венедский» этап в истории славянства увязывается со средневековым, а сообщения греко- и латиноязычных авторов о венетах и ставанах — с известиями авторов византийских об антах и

¹ Шафарик П. И. Ук. соч. — С. 345.

² Łowmiański H. Początki Polski. — Warszawa, 1964, Т. 1. — S. 197.

³ Мачинский Д. А. К вопросу о территории обитания славян в I—VI веках // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. — 1976. — Вып. 17. — С. 90; Мачинский Д. А. Миграция славян в I тысячелетии н.э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии) // Формирование феодальных славянских народностей. — М., 1981. — С. 34.

⁴ Godłowski K. Z badań nad zagadnieniem rozprzestrzenienia słowian w V—VII w. n. e. — S. 7.

склавенах, потому что они, согласно, Иордану, происходят из одного корня и были известны его современникам под тремя именами¹. В связи с этим может показаться вполне оправданной и одна из недавних попыток такого «суммирования информации разных авторов», когда топографизировать венетов/венедов в Повисленье путем объединения известий Плиния, Тацита, Птолемея и Певтингеровых таблиц попытался В. В. Седов². Впрочем, раньше подобный «коктейль» был еще сложнее, ведь сюда добавляли даже Геродотовых *Ενετοί*³. Итак, «венедско-славянский» эпизод в истории нашей науки еще отнюдь не закончился. Ведь, в частности, представление именно о славянстве Тацитовых венетов послужило, наверное, одним из оснований для выдвигания «качественно новой концепции славянского этногенеза», которая, однако, вновь провозглашает старый постулат автохтонности славянства между Одером и Днепром⁴.

Между тем не усомниться в вере в славянство венетов невозможно, если учесть весьма объемную и объективную информацию. Начнем с того, что одним из «догматов» этой веры была именно славянская принадлежность, или, по крайней мере, полиэтничность, «венедской» пшеворской культуры, но с обязательностью наличия также и славянского компонента в ее составе⁵. Убедительное опровержение данных представлений является одной из заслуг покойного К. Годловского. Ему принадлежит вывод о том, что культура славян эпохи их великой экспансии в VI—VII вв. по самой своей структуре принципиально отлична от разви-

---

¹ Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. — Киев, 1990. — С. 5.

² Седов В. В. Современное состояние проблемы этногенеза славян // *Slavia antiqua*. — 1996. — Т. 37. — С. 35—36.

³ Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. — С. 99.

⁴ Козак Д. Н. Формування давньослов'янських пам'яток на території Волині і північної Галичини в першій чверті I тис. // *Археологія*. — 1996. — Вип. 2. — С. 54—56.

⁵ Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. — М., 1976. — С. 62.

вавшихся в сфере римских влияний, т.е. в данном случае, от той же пшеворской. По К. Годловскому, сколько-нибудь определенных свидетельств об обитании славян на территории Польши в первой половине I тыс. н.э. в соответствующих античных письменных источниках обнаружить невозможно¹. С другой стороны, археологические сведения о динамике развития, в том числе и об экспансии в южном и юго-восточном направлении пшеворской культуры находят свои убедительные параллели в античных известиях о германских племенах лугиев и вандалов². Культурное единство лугиев и вандалов рубежа нашей эры считается археологически доказанным³, а интерпретация в качестве вандалских пшеворских древностей, в том числе и территории Украины, теперь уже не выглядит чем-то необычным⁴.

Именно с пшеворской культурой уверенно связывается, по мнению Р. Хакманна, происхождение древнего германоязычного населения Средней, а частично также и Западной Германии⁵. Прежний же тезис о славянской принадлежности бывшей «*kultury winedskiej*» I—II вв. н.э. в Польше смог продолжить свое существование лишь в довольно причудливой форме. «Даже если принять во внимание, что внутри основного массива пшеворской культуры сохранились некоторые славянские группировки, — читаем мы у В. Д. Барана, — то все равно приходится признать, что не они определили облик материальной культуры этого периода»⁶. Получа-

¹ Godłowski K. Z badań nad zagadnieniem rozprzestrzenienia słowian w V—VIII w. n. e. — S. 7—16.

² Godłowski K. «*Suphores barbari*» und die Markomannenkriege im Lichte archäologischer Quellen. — S. 327—350.

³ Hachmann R., Kossack G., Kuchm H. Völker zwischen Germanen und Kelten. — Neumünster, 1962. — S. 56.

⁴ Koval' I. V. Ук. соч. — S. 31—56.

⁵ Hachmann R. Die Goten und Skandinavien. — Berlin, 1970. — S. 305.

⁶ Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. — С. 326.

ется, что эти загадочные славяне римского времени существовали в Повисленье среди пшеворских германцев не иначе, как *incognito*...

В изучении происхождения славян возникла весьма противоречивая ситуация. К примеру, российским археологом, убедительно обосновавшим неславянский характер досредневековых древностей Поднепровья, Подвинья и Понемонья, для раннеславянской культуры типа Прага-Корчак предполагаются именно пшеворские корни; пшеворская культура сопоставляется при этом с «венедами-сарматами» Певтингеровых таблиц¹. Но его польский коллега настаивает на обратном, утверждая, что своих истоков эта культура в Повисленье не имеет, и в свою очередь считает весьма вероятной славянскую атрибуцию как раз Колочина и Банцеровщины². Впрочем, украинские исследователи по-прежнему продолжают придерживаться представления о зарубинецкой культуре, как о некоем ядре славянского этногенеза. Однако, по их мнению, «скудные и неточные упоминания о венедах, содержащиеся в сочинениях Плиния Старшего, Тацита и Птолемея, не дают серьезных оснований для соотнесения их с носителями славянской зарубинецкой археологической культуры»³.

Таким образом, археологическое обоснование славянства восточноевропейских венетов представляется весьма проблематичным. Появление сопоставлений с ними древностей, славянский характер которых проблематичен еще более, выглядит поэтому совсем не случайным. Например, согласно М. Казанскому, Иордановы венеты — это не толь-

¹ Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. — С. 117; Седов В. В. Современное состояние проблемы этногенеза славян. — С. 26.

² Parczewski M. Najstarsza faza kultury wczesnosłowiańskiej w Polsce. — Kraków, 1988. — S. 90; Parczewski M. Die Anfänge der frühslawischen Kultur in Polen. — Wien, 1993. — S. 124.

³ Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. — С. 23.

ко киевская культура, но также днепро-двинская и штрихованной керамики¹. Впрочем, такое отождествление венетов по крайней мере с одной из несомненно древнебалтийских культур чем-то совершенно новым и неожиданным не является. Ведь о том, что у античных авторов на рубеже и в начале нашей эры венедами могли именоваться также и балты, писал уже П. Н. Третьяков². Правда, Р. Венкусом то же самое предположение, о наличии среди этих венедев не только славян, но и балтов, высказывалось еще ранее³. Впоследствии, кроме балтов, в число гипотетических венедев были включены также и финны, по-видимому, прибалтийские⁴.

Что это было не собственное их имя, а название славян у соседей, приверженцами тождества их с венедами подчеркивалось неизменно⁵; впрочем, также вслед за немецкими коллегами⁶, однако всегда без каких-либо ссылок на них. В немецкой же историографии допущение о непосредственном контакте двух этносов, венетского и славянского, встречалось вплоть до недавнего времени. «С ассимиляцией северных венетов славянами их имя, в понимании германских соседей, переходит на славян», —

¹ Kazanski M. Les arctois gentes et l'empire d'Hermanaric. — P. 122.

² Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности. — С. 17.

³ Wenskus R. Stammen — Bild und Verfassung. — Köln, Graz, 1961.

⁴ Мачинский Д. А. К вопросу о территории обитания славян в I—VI веках. — С. 89.

⁵ Мавродин В. В. Ук. соч. — С. 28; Мачинский Д. А., Тиханова М. А. Ук. соч. — С. 62—63; Седов В. В. Современное состояние проблемы этногенеза славян. — С. 37.

⁶ Much R. Deutsche Stammeskunde. — Leipzig, 1900. — S. 34; Much R. Die Germania des Tacitus. Heidelberg, 1937. — S. 415; Hirt H. Die Indogermanen. Ihre Verbreitung, ihre Heimat und ihre Kultur, Bd. I, Strassburg, 1905. — S. 127; Zeuss K. Ук. соч. — S. 68.

читаем мы в одном фундаментальном издании¹. Сторонниками славянства венетов, перенявшими данный тезис, было воспроизведено также и связанное с ним старинное положение немецкой науки о лужицкой культуре, как об археологическом соответствии этому индоевропейскому этнониму². Однако такое некритическое заимствование явно не согласовывается с тем, что хорошо известно как о славянах, так и о носителях лужицкой культуры. Последние немецкой наукой начала XX в. рассматривались отнюдь не в качестве славян, а как северное ответвление иллирийцев³. Это подтверждали данные языкознания, согласно которым, в частности, названия больших рек лужицкого ареала Эльбы, Одера, Вислы этимологизировались именно из иллирийского⁴. Однако позднее лингвистами была установлена самостоятельность венетского, представлявшего собой, наравне с иллирийской, германской и пр., отдельную ветвь «индогерманской» — индоевропейской языковой семьи⁵. Эти-то древние венеты и были уверенно сопоставлены с носителями лужицкой культуры еще в 1950-е гг.⁶. Позднее с теми же неславянскими, но древнеиндоевропейскими венетами лужицкая культура, по крайней мере,

---

¹ Welt der Slawen. Geschichte. Gesellschaft. Kultur. — München, 1986. — S. 22.

² Labuda G., 1980. Udział Wenetów w etnogenezie słowian // Etnogeneza i topogeneza słowian. Materiału z konferencji naukowej zorganizowanej przez Komisję Sławistyczną przy Oddziale PAN w Poznania w dniach 8—9 XII 1978. — Warszawa, Poznań, 1980. — S. 41.

³ Kossina G. Die illyrische, die germanische und die keltische Kultur der frühesten Eisenzeit im Verhältnis zu dem Eisenfunden von Waren bei Leipzig // Mannus, 1915, Bd. VII. — S. 113—114; La Baume W. Ук. соч. — S. 6.

⁴ Pokorný J. Urgeschichte der Kelten und Illyrier. — Halle, 1938. — S. 19.

⁵ Krahe H. Sprache und Vorzeit. — Heidelberg, 1954. — S. 44.

⁶ Milošević V. Zur Frage der «Lausitzer Wanderung» // Germania, 1952, Bd. 30. — S. 318—325.

западная часть ее массива, стала сопоставляться также и польской археологией¹.

Таким образом, археология не позволяет нам предполагать какую-то непосредственную связь славян с этими лужицкими венетами, наподобие отношений орденов немцев с балтскими пруссами, от которых сохранилось само имя, в форме Preusen. Ведь финал лужицкой культуры отделен от появления достоверных славян на территории Польши примерно тысячелетием. Этот промежуток заполнен, как известно, вселением сюда многих племен, притом явно неславянских, таких как бастарны, вандалы и готы, а также уходом их в дальние страны, за *limes romanus*. Поэтому, если верить Прокопиеву рассказу об уходе герулов на их северную родину, от Карпат и до варнов на Балтике простиралась огромная пустующая область (Procop., De Bell. Goth., II: 2, 14—15). Причем это было накануне славянского расселения на запад и как раз на месте будущей немецкой Vinedaland. Населенная уже славянами, она по-прежнему была для потомков древних германцев «страной венедов», а славяне стали, соответственно, Wenden — «вендами». Что подобное предположение допустимо, следует, наверное, также из того, что те же славяне, заселившие оставленное силлингами и лангобардами восточное пограничье немецких земель, у Адама Бременского называются *vandali* или *vinnili*².

Явной исторической параллелью термину Wenden, Winden в значении «славяне» является такое же старонемецкое Walcn, Walche в адрес на этот раз западных и юго-западных, романских соседей: например, Walhðland — «Италия». Но первоначально это было германское название не

¹ Pradzieje ziem polskich. T. 1. — Warszawa, Łódź, 1988.— S. 756.

² Bierbrauer V. Gepiden in der Wielbark-Kultur (1. — 4. Jahrhundert n. Chr.)? Eine Spurensuche // Studien zur Archäologie des Ostseeraumes. Von der Eisenzeit zum Mittelalter. — Kiel, 1998. — S. 410.

романизированных еще кельтов *Walchen*. Оно считается производным от имени одного из племен — *volcae* или *volcae tectosagae*, переселившихся в Среднюю Германию из Галлии, согласно Цезарю. Соответствующие славянские названия (волохъ, влах, *Włoczy*), безусловно, германские заимствования — как, между прочим, и финские — *vene*, *Venäjä*¹.

Кроме неудовлетворительности как лингвистических, так и археологических доказательств славянства венетов, методически оказался совершенно неудовлетворительным и сам «суммарный» подход, как таковой, к известиям древних авторов об энетах-генеттах-венетах-венетах. Напомним, о каких именно источниках идет речь (рис. 12).

Первыми на их страницы попали малоазийские генеты, упомянутые Гомером в Пафлагонии (Hom., II., III: 852). Полтысячелетия спустя о балканских, иллирийских энетах, Ἰλλυρίων 'Ενετοί, обитавших, как полагают, на северной границе Македонии², сообщается Геродотом (Herod., I, 196). По-видимому, с этими же энетами-иллирийцами было связано и Еврипидово сообщение об «Энете, городе в Эпире» (Eur., Hippolyt), а также Страбоново упоминание о городе Ουένδων или Ουενδῶ на западе Балканского полуострова, принадлежавшего иллиро-кельтскому племени иаподов (Strabo, IV: 6, 21, VII: 5, 4). Один из иаподских кланов, согласно Аппиану, назывался тоже Αὔενδεῖται (Illyr., IV: 16—18).

Наравне с балканскими у Геродота упоминаются также италийские венеты — Ενετοί на Адриатическом море (Herod., V: 9). Об этих же адриатических генеттах-энетах-венетах, обитавших в Северо-Восточной Италии на реке По, упоминали потом многие авторы: Страбон (Strabo, IV:

¹ Müllenhoff K. Ук. соч. — S. 100—104; Much R. Die Germania des Tacitus. — S. 415.

² Там же. — S. 414.

Рис. 12. Бастарны и венеты в конце
I тыс. до н.э. — начале I тыс. н.э.

4, 1; V: 1, 4—5), Полибий (Pol., II: 17), Плиний (Plin., NH, XXXVII: 43.) и др. На другом, уже Атлантическом побережье, в галльском Арморике с венетами столкнулся Цезарь, победивший их в морском сражении (Caesar, *Bella gallica*, III: 8). Этим же венетов, как одно из племен белгов на берегу океана, несколько раз упоминает потом и географ (Strabo, IV: 6, 9). К I в. н.э. относятся сведения о племени *venedi*, которое где-то в бассейне Балтийского моря впервые упоминается Плинием: «... эта страна тянется вдоль Вистулы и населена сарматами, венедами, скирами и гиррами» (Plin., NH, IV: 97). Несколько позднее о тех же прибалтийских венедах сообщил, на основании

Марина Тирского, также и Птолемей. Кроме самих Οὔενεῖαι, «великого народа Сарматии», им упомянуты еще и Венедские горы, а также Венедский залив Сарматского океана (Ptol., Geogr., III: 5,1, 5, 7—10, 28). Οὔενεῖκος Колρος, Венедский залив с впадающими в него реками, упоминается Маркианом Гераклеиским (Marc. Heracl., II: 38). Несмотря на очень возможное искажение их истинного местоположения, все же на самом берегу моря, омывающего Европу с севера, неких *venadi sarmatae* показывает и *Tabula peutingeriana* (segm. VIII: 1), восходящая, как полагают, к III или к середине II—IV в. н.э.¹ С прибалтийскими же венетами как будто связано сообщение об «индах», доставляющих янтарь, у Корнелия Непонта (Corn. Nep., fr. 7). С другой стороны, название *Lacus Venetus*, «Венетское», т.е. теперешнее Боденское, озеро, упомянутое Помпонием Мелой, от остальных известий античных авторов о венетах как будто изолировано (Mela, III: 24).

Отдельным блоком представлены, видимо, также латиноязычные источники о венетах на востоке Европы. Эти венеты, в отличие от всех упомянутых выше, были удалены на значительное расстояние от любого из морей. Самое раннее сообщение здесь — из Тацитовой «Германии», законченной к 98 г. н.э., где сообщается о венетах, расселившихся восточнее Вислы, между певкинами и феннами (Tac, Germ., 46). Тацитовой, по общему впечатлению, примерно соответствует упомянутая выше локализация венетов у Иордана. Комментируя современную ему ситуацию середины VI в. н.э., он говорит: «Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же они преимущественно называются склавенами и антами» (Iord., Getica, 34). Ко второй четверти IV в., исходя из Иордановой же относительной хронологии, обычно бывает приуроченным его сообщение о готско-

¹ Miller K. Die peutingersche Tafel. — Stuttgart, 1962; Łowmiański H. Ук. соч. — S. 181.

венетском конфликте: «После поражения герулов Германа-рих направил войско против венетов» (Iord., *Getica*, 116—120). Локализация событий не уточняется.

Несмотря на довольно широкую ее популярность, нельзя считать доказанной и локализацию *venadi* Певтингеровых таблиц в Северо-Западном Причерноморье— в Буджакской Украине или Южной Молдове (Tab. peut., segm. VIII: 1). В этих таблицах реальные координаты географических объектов искажены, так как здесь все расстояния по оси W—O чрезвычайно увеличены, а по оси N—S, наоборот, в такой же степени сокращены. В результате внутриконтинентальные народы оказались отодвинутыми к морским берегам. В свое время на это обстоятельство обратил внимание К. Мюлленгоф, отметивший невероятность размещения *Iugiones sarmatae*, т.е. *Iugiones*— лугиев, на балтийском берегу, рядом с *venadi sarmatae*. По его мнению, оба народа должны были быть гораздо южнее, а именно вблизи язигов западнее Карпат и бастарнов восточнее этих гор¹. Компенсируя сходным образом такое же искажение, мы должны будем и *venadi* изъять из числа придунайских народов, переместив их из низовий Агалингуса-Днестра на север, в его верховья.

Но считается, однако, что присутствие в середине III в. вблизи Дуная каких-то «венедов», а следовательно, и локализацию *venadi* в Певтингеровых таблицах косвенным образом подтверждает титул императора Волусиана: *Venedico Volusiano Augusto*². Однако в действительности никаких венедов этот соправитель незадачливого Требониана Галла не побеждал, и ссылка Э. А. Рикмана на Зосима ничего не дает. В Зосимовой «Новой истории» среди варваров, разорвавших имперские провинции на Дунае «во время бес-

¹ Müllenhoff K. Ук. соч. — S. 80.

² Рикман Э. М. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. — М., 1975. — С. 327.

печного правления Галла» (251—253 гг.) ни о каких венедах не упоминается (Zos., I: 23—28). Очевидно, что это всего-навсего титул-девиз, перекликающийся с амбициями Максимиана «Сарматского» покорить все северные страны «до самого Сарматского Океана» (у Волусиана — до Балтики и прибалтийских венеков) (Jul. Capit., Vita Maximini, V).

Итак, были упомянуты все сведения различных античных писателей о разных племенах и народах с названиями типа *Ενετοί*, *Venethi*, *Οὔενεδοί*, *Venedi*, *Venadi*. Проблема объяснения созвучия этих названий возникла еще в эпоху античности. Таким образом, «суммарный подход» к венетам не есть изобретение современной науки, ведь чуть ли не первым его попробовал применить еще сам Географ. Страбон попытался объединить венетов италийских с галльскими, предполагая основание последними колонии на Адриатике. Излагается им также и другая версия — о происхождении этих адриатических от генетов малоазийских, которые якобы эмигрировали в Италию вследствие Троянской войны (Strabo, IV: 4, 1; V: 1, 4—5). Впрочем, еще Геродоту был известен один из вариантов того же самого энетского народного предания, также рассказывавшего о выселении их предков из Азии и приходе на Адриатику. «А как они попали туда из Мидии, я не могу объяснить», — писал «отец истории» (Herod., V: 9), тем самым первым усомнившись в правомерности «суммарного подхода» к происхождению венетов.

Зато у Иордана подобные сомнения, по-видимому, отсутствовали, и поэтому анты и склавены, успешные конкуренты германцев, его соплеменников и современников, были объявлены готским историком прямыми наследниками бесславия древних венетов, побежденных и покорившихся Германариху (Iord., Getica, 116—120). Правда, это уже навлекло на Иордана подозрение, что он «...как бы спроецировал в IV в. события VI в.»¹. В самом деле, какое-либо подтверждение реальности этих событий отсутствует, и покорение

¹ Рикман Э. М. Ук. соч. — С. 372.

венетов Германарихом, в сущности, достоверно не более, чем фантастический Иорданов поход готов против фараона Египта... Кроме того, вопреки Иорданову утверждению о том, что у славян «теперь три имени: венеты, анты и склавены», фактически поставлена под сомнение даже сама реальность существования в VI в. н.э. отдельного славянского племени, соответствующего первому из названных у готского историка имен. Локализация этих «собственно венетов» была бы даже, согласно Е. Окуличу, «методически ошибочной»¹. «Попытка локализации этих венетов, согласно М. Парчевскому, привела бы нас в сферу фантазии». На фоне надежной идентификации носителей пражской культуры со склавенами, а пеньковской с антами это становится ясным особенно отчетливо². Обратим внимание: негерманскими Иордановыми современниками, в отличие от него, никакие венеты, как предки народа *Σλαυνοί* не упоминаются (Просор., *Bell. goth.*, 27), что, в общем, неудивительно, ведь этот древний этноним точно соответствует именно готскому *winīþa*³. Готское самоназвание *Gutans*, *Gutōs*, как известно, приобрело в «Гетике» явно фиктивную связь с относительно близким по звучанию древнефракийским *Gaetae*. Не была ли такой же искусственной также и связь между *winīþa*, т.е., по-готски, «славяне», с похожим архаическим этнонимом *venethi*, в VI в. н.э., возможно, тоже уже лишь только книжным? Итак, что происхождение антов и склавенов, номинальных Иордановых «венетов» VI в. н.э., от одноименных, но IV в., достаточных доказательств не имеет. Получается, однако, что последние лишаются не только потомков, но и предков. Ведь трудно оспорить вывод, уже

¹ Okulitz J. Einige Aspekte der Ethnogenese der Balten und Slawen im Lichte archäologischer und schhprachwissenschaftlicher Forschungen // *Questiones Medii Aevi*. 1984. — Т. 3. — С. 132—134.

² Parczewski M. Najstarsza faza kultury wczesnosłowiańskiej w Polsce. — Kraków, 1988. — С. 107.

³ Much R. Die Germania des Tacitus. — С. 414—415.

сделанный на этот счет Д. А. Мачинским: «Никаких прямых указаний на связь между *venethi* IV—VI у Иордана и *venedi-venethi*, упоминаемых у авторов I—II вв. ни у самого Иордана, ни у других древних авторов не имеется»¹.

Однако в противоположность этому дифференцированному предлагалось, по существу, восстановление древнего «суммарного» подхода. Ведь снова, как и у Страбона, у Т. Сулимирского имеется в виду миграция с п-ова Бретань на Адриатику. Согласно его гипотезе, и все остальные венеты — балканские, малоазийские, восточноевропейские между Одером и Вислой — происходят, в принципе, из одного корня. В середине II тыс. н.э. из Нижней Саксонии, где находилась прародина этого древнеиндоевропейского этноса, началась длительная многоэтапная экспансия, одним из результатов которой было венетское завоевание праславянской лужицкой культуры². Впрочем, по замечанию Г. Биркхана, «курьезное предположение, что венеты переселились на Адриатику из Бретани, находит отдельных приверженцев также и в современной науке»³. Им подчеркивается также, что одно и то же название — «венеты», известное в разное время и на разных удаленных друг от друга территориях, очевидно, обозначало племена совершенно разной этнической и культурной принадлежности, и поэтому его невозможно истолковать моногенетически: оно возникло в разных местах независимо. В самом деле, ведь еще у Полибия отмечается языковое отличие итальянских венетов от кельтских (Pol., II: 17). Название венетов в Галлии считается производным от кельтского *wen* — «любить» или от индоевропейского — «дружественные»⁴. В значе-

¹ Мачинский Д. А., Тиханова М. А. Ук. соч. — С. 62.

² Sulimirski T. Die Veneti — Venedae und deren Verhältnis zu den Slawen // Berichte über II Internationalen Kongreß für Slawische Archäologie. Bd. III. — Berlin, 1973. — S. 381—387, Abb. 1.

³ Birkhan H. Kelten. Versuch einer Gesamtdarstellung ihrer Kultur. — Wein, 1997. — S. 201.

⁴ Much R. Deutsche Stammeskunde. — S. 35.

нии «родственники», оно объясняется из древнегерманского *veni*— «друг», *venia*— «родня», «род», «племя»¹. Здесь имеется, однако, и другой вариант— от готского *vinja*— «пастбище»: венеты — «народ, обладающий многими хорошими пастбищами»². Безусловно, интересна также интерпретация Е. Колендо, сопоставляющего наименование восточноевропейских венетов с латинским *venetus*— «голубой» (или «небесный»). Наименования этих отдаленных племен связываются им также с именем итальянских венетов, еще в III в. завоеванных Римом. «Название венетов, — отмечает Е. Колендо, — было для римлян вполне понятным и удобным в произношении, в отличие от многих этнонимов Барбарикума»³. Кстати говоря, в соответствиях из народной латыни видят основу также и других названий североевропейских племен, например, для Птолемеевых карбонов — *carbones*⁴. С другой стороны, теперь напрочь отвергаются известные сопоставления имени античных венетов с праславянским *vetŭ*, церковнославянским «вятший», а также племенным «вятичи»⁵, что, впрочем, вполне понятно: древневенетский *Kentum*-язык, так или иначе, западноиндоевропейский⁶.

Таким образом, необходимость дифференцированного подхода к известиям древних авторов о венетах вполне очевидна. Ведь, к примеру, при желании на тех же основаниях, на которых балтийские венеты, Плиниевы и Птолемеевы, объединяются с континентальными Тацитовыми, с последними сопоставимы, в принципе, также и адриатические венеты на реке По — уж точно не славяне. Что приморские венеты

¹ Much R. Die Germania des Tacitus. — S. 414—415.

² Müllenhoff K. Ук. соч. — S. 514; Zeuss K. Ук. соч. — S. 67.

³ Kolendo J. Wenetowie w Europie środkowej i wschodniej. Lokalizacja i rzeczywistość etniczna // Przegląd historyczny, 1984, T. 75. Zeszyt 4. — S. 640.

⁴ Tyminieski K. Droga Gotów na południe. — S. 114.

⁵ Labuda G. Ук. соч. — S. 33.

⁶ Schwarz E. Ук. соч. — S. 33.

континентальным вовсе не идентичны, со всей убедительностью было обосновано Е. Колендо. Им подчеркнута обычность подобных дуплетов и даже триплетов в этнической номенклатуре Барбарикума. Дуплет из континентальных Тацитовых *venethi* и прибалтийских Плиниевых *venedi*, соответствующих Птолемеевым Οὔενεδοί, дифференцирован у Е. Колендо следующим образом: с первыми сопоставлены Σταυανοί Птолемея, а со вторыми — *aesti* Тацита. «Венедские горы», согласно Е. Колендо, это вовсе не Карпаты, а гораздо более скромная возвышенность — Самбийская, или Эльблонгская. Таким образом, по его мнению, статусом «великого народа» приморские венеды были обязаны не обширности, а скорее удачному расположению занятой ими территории. Это небольшое племя древних балтов обитало где-то восточнее устья Вислы — как раз у выхода «янтарного пути» к местам добычи желанного для римлян *glaesum*¹.

Итак, получается, что от прибалтийских, или балтских, венедов Плиния и Птолемея венеты Тацита независимы примерно так же, как и от кельтских венетов Галлии, генетов Пафлагонии и т.д. По наблюдению М. Б. Щукина, всеми Тацитовыми комментаторами, не связанными со славянской проблематикой, его венеты неизменно помещаются восточнее Вислы². Однако в распоряжении сторонников славянской атрибуции венетов Тацита остается как будто еще следующий аргумент: эти венеты, во-первых, территориально соответствуют упоминаемым несколько позднее Птолемеевым ставанам, и, во-вторых, самоназвание последних было на самом деле «славяне». Но при более внимательном рассмотрении истории вопроса обнаруживается: глубоко укоренившееся представление, что Птолемеевы Σταυανοί следу-

¹ Kolendo J. Wenetowie w Europie środkowej i wschodniej. Lokalizacja i rzeczywistość etniczna. — S. 637—651.

² Щукин М. Б. Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой // АСГЭ, 1972. Вып. 14. — С. 110.

ет, якобы, читать как Στλαβανοί¹, с точки зрения классического языкознания представляет собой грубую ошибку, при этом обнаруженную уже довольно давно. Согласно К. Мюлленгофу, прочтение Σταυανοί как Στλαβανοί недопустимо, потому что в греческом в озвончении (anlaut) тл никогда не пишется; сами греки писали Σκλαβοί, Σκλαβίνοι². Кстати, на своем смелом предположении замены, якобы, Л на А особенно не настаивал и сам П. Шафарик, которым предлагалось еще и прочтение Птолемея 'Σταυάνά как «ставяне», т.е. «обитатели озер» (staw— «озеро»). Что выдающийся славист, к сожалению, обращался с этнической номенклатурой Барбарикума очень вольно, свидетельствует также и его «перевод» Птолемея Σαυανοί как «северяне»³. Славянство этих «ставян» и «северян» с историко-лингвистической точки зрения оказывается еще более проблематичным, если мы припомним также, что и у самого Птолемея, и у Плиния, и у многих других древних авторов легко можно найти множество псевдославянских этнонимов. В самом деле, если «стабаной» опять читать как «стлаваной», то тогда древнепаннонских aravisci и oseriates мы должны сопоставить с раннесредневековыми славянскими этнонимами maravi / moravi и oseriane... Но ведь прочтение гидронимов римской Дакии на славянский лад, Patissus как «Потиссье», Pistra — «Быстрица», Tsierna— «Черная»⁴, вместе с соответствующими гипотезами, уже принадлежит только прошлому науки. Кстати, ставанов, в форме Στονίνοι, Птолемей еще раз назы-

¹ Havlik L. Einige Frage der Ehtnogenese der Slawen im Lichte der römischen und byzantischen Historiographie (I Hälfte des 1. Jahrhunderts) // Berichte üdth den II Internationalen Kongreß für slawische Archäologie. Bd. III. — Berlin, 1973. — S. 154; Мачинский Д. А. Миграция славян в I тысячелетии н.э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии). — С. 34.

² Müllenhoff K. Ук. соч. — С. 21.

³ Шафарик П. И. Ук. соч. — С. 105, 375.

⁴ Мавродин В. В. Ук. соч. — С. 22.

вают не только в Лигурии, но и в глубине Азии. Учитывая это их интересное положение, К. Цейсс пришел к следующему выводу: «Ставаны, соседи алаунов, или аланов, были аланским или сарматским народом, так как то же самое название, Σταυηνοί, Σταβαίи и Αοταβαηνοί, Птолемеем снова будет названо применительно к Ариане, Персиде и Гиркании»¹. Также и в современной лингвистике для объяснения Птолемея этнонима *Σταυανοι* предлагается санскритское *stāvāna*, древнеиранское авестийское *stavana* — «хвалимый», а также осетинское *stavun* — «хвалить»². Такая этническая интерпретация вместе с соответствующей ей географической, безусловно, интересны, однако в названных у Птолемея вместе с ними Γαλινδοί и Σουδοίи традиционно видят первое упоминание западных балтов судавов и галиндов³. Птолемеи *Σταυανοι* также могли принадлежать к древнебалтским племенам несмотря на свои сармато-иранские параллели. Ведь тех же Плиниевых *sarmatae*, соседей германцев и венедов на Нижней Висле, считать иранскими номадами вряд ли возможно (Plin., NH, IV: 95). Поэтому вполне естественно, что наравне со славянской и иранской издавна имеет хождение также и балтеко-прибалтийская этногеографическая атрибуция Птолемеевых ставанов. К. Мюлленгоф видел в них «восточных литовцев на другой стороне Среднего Немана между его верхним течением и Вилией, вплоть до болотистой части Белоруссии или до Березины»⁴. Позднее как аргумент в пользу подобной локализации указывалось даже наличие в Средней Беларуси названий типа Столбцы, Столовичи и т.д., но ассоциация их со ставанами, кажется, была

¹ Zeuss K. Ук. соч. — S. 271.

² Абаев В. И. Ук. соч. — С. 183; Трубачев О. Н. «Старая Скифия» Геродота и славяне // Вопросы языкознания. — 1979. — № 4. — С. 41.

³ Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. — М., 1987. — С. 410.

⁴ Müllenhoff K. Ук. соч. — S. 21.

явным курьезом¹. Территория ставанов, по К. Мюлленгофу, соответствует, в общем, ареалу штрихованной керамики, с чьими носителями они и были сопоставлены Д. А. Мачинским, исходящим, как видно, из похожей географической интерпретации Птолемеевых известий об этом племени².

Итак, хотя ставаны к числу «великих народов Сарматии», согласно Птолемею, и не относятся, им принято было отводить громадную территорию. Например, как у Е. Колендо: между Мазурским Поозерьем, где находились галинды и судины, и степным Причерноморьем, где были аланские кочевья³. Однако историками географии отмечается, что сетка долгот у Птолемея как бы растянута на восток и отличается от современной на 20°⁴. В результате у него наблюдается смещение тех или иных объектов, иногда очень значительное. Интересно в этой связи, что у Ю. Кулаковского, которым также учитывалась ошибка градусной сетки в «Γεωγραφική Ὑφήγησις» примерно на одну треть, ставаны отнесены к одной и той же территориальной группе не со степными аланами, а с балтийскими галиндами и судинами⁵.

Наверное, подобная локализация этого племени должна считаться более предпочтительной, но как тогда объяснить Птолемеёво утверждение «...и ставаны — до аланов» (Ptol., Geogr., III: 5, 9)? Видимо, автор «Географического руководства» испытывал нужду как-то заполнить лакуну между причер-

¹ Bagrow L. Ук. соч. — Р. 381.

² Мачинский Д. А. Миграция славян в I тысячелетии н.э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии). — С. 34.

³ Kolendo J. Świat antyczny i barbarzyńcy: Teksty, zabytki, refleksja nad przeszłością. Seria podręczników, tom 1. — Warszawa, 1998. — С. 54.

⁴ Бронштэн В. А. Клавдий Птолемей: II век н.э. — М., 1988. — С. 141.

⁵ Кулаковский Ю. Карта Европейской Сарматии по Птолемею. — Киев, 1899. — С. 13—22.

номорскими и прибалтийскими племенами, и решил эту задачу за счет самого южного из последних, т.е., как у Иордана, который, однако, «расселяет» далеко на лесной север причерноморских степняков-кочевников: «...берег Океана держат эсты, вполне мирный народ. К югу соседит с ними сильнейшее племя акациров, не ведающее злаков, но питающееся от скота и охоты» (Jord., *Getica*, 37). Таким образом, Птолемеевы Σταυανοι территориально сближаются скорее с Тацитовыми aestii, чем с его же venethi. О них автором «*De origine et situ Germanorum*» сообщается следующее: «...Здесь конец Свебии. Отнести ли певкинов, венедов и феннов к германцам или сарматам, не знаю, хотя певкины, которых некоторые называют бастарнами, речью, образом жизни, оседлостью и жилищами повторяют германцев. Из-за смешанных браков их облик становится все безобразнее и они приобретают черты сарматов. Венеты переняли многое из их нравов, ибо ради грабежа рыщут по лесам и горам, какие только не существуют между певкинами и феннами. Однако их, скорее, можно причислить к германцам, потому что они сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешими, притом с большой быстротой; все это отмежевывает их от сарматов, проводящих всю жизнь в повозке и на коне» (Tas., *Germ.*, 46).

Интерпретации этого Тацитова сообщения, в том числе локализации его венетов, посвящена уже довольно значительная литература. Традиционно авторы делятся здесь на сторонников широкой и узкой локализации. Так, в польской археологии, в частности, представлены обе точки зрения. Согласно Е. Колендо, Тацитово описание венетов — *figura retoryczna*. Они не могут быть локализованы сколько-нибудь точно, так как, подобно Птолемеевым ставанам, размещены на огромном пространстве, и, по-видимому, с той же целью — заполнить территориальную лакуну. Тацитовых певкинов, пишет Е. Колендо, следовало бы считать степными кочевниками, а фены — это, возможно, дьяковская культура, где для изготовления самых разнообразных орудий

широко применялась кость. Венетов же можно соотнести с какой-то частью зарубинецкой культуры¹. Согласно В. Новиковскому, локализация Тацитовых венетов выглядит гораздо определеннее, поскольку с певкинами им сопоставляются поянешти-лукашевские памятники, в том числе Верхнего Поднестровья, а с феннами — массив лесных древностей далеко вне границ римских влияний, и не только дьяковских, но и примыкающих к ним с запада, у истоков Днепра. С самими же венетами им сопоставляются постзарубинецкие древности типа Рахны-Почеп².

Параллельно с польской, несколько иная версия локализации и археологической идентификации Тацитовых венетов развивалась в российской, а также в украинской историографии. Основным ее отличием является, пожалуй, совсем другое представление о северо-восточном ориентире — Тацитовых феннах. Д. А. Мачинским они отодвигаются в Лапландию, однако, на наш взгляд, вряд ли обоснованно. «В последних исследователи Тацита с достаточным основанием усматривают соприкасавшихся с германцами на севере Скандинавии далеких предков саами-лопарей», — утверждает он, ссылаясь при этом только на Р. Муха³. Однако в действительности этим немецким исследователем совсем не приводятся обоснования тождества Тацитовых *fenni* именно с древними саамами финской Лапландии. Наоборот, им подчеркнуто специально, что лопари в древнескандинавских источниках именовались иначе, чем собственно финны (самоназвание *Suomi*, др.-герм. *Fennōz*, *Finnōz*): *Skridi-finnōz*, *Skridefinnas*,

¹ Kolendo J. Wenetowie w Europie środkowej i wschodniej. Lokalizacja i rzeczywistość etniczna. — S. 648—649.

² Nowakowski W. Ludy na północno-wschodnich skrajach Barbaricum. «Germania» Tacyta w świetle analizy źródeł archologicznych // *Meander*, 1990. — № 2—3. — S. 75—96; Nowakowski W. «His svebiae finis» — Concept of the Border of the Barbarous World at the East Baltic Coast in the Roman Period // *Barbaricum*, 1992, t. 2. — P. 218—230.

³ Мачинский Д. А. К вопросу о территории обитания славян в I—VI веках — С. 88, 100.

т.е. «Schneeschufinnen» «лыжные финны». Финнов, под именем Φίννοι, называет также Птолемей, у которого они не только близ Вислы рядом с готами, но и, действительно, на севере Σκανδια. Однако у Р. Муха эти сведения приводятся отнюдь не для локализации феннов Тацита, а с целью показать его отличие по этому пункту от Птолемея¹. Правда, отождествление Тацитовых феннов именно с саамами, чья древняя топонимия фиксируется на юге Эстонии, Псковщины и Новгородчины, действительно уже имеется в научном обороте², но не появилась ли данная гипотеза под влиянием Д. А. Мачинского? У него же самого в результате фактического отказа от одного из ориентиров локализации венетов по существу произошла девальвация Тацитовых известий об этом народе. Ведь Д. А. Мачинскому пришлось поделить его на венетов «реальных», обитавших вблизи прикарпатских бастарнов, и... остальных, — следовательно, нереальных, которые картографированы им между Припятью и Верхним Днестром лишь со знаком вопроса³.

Представление об этих так называемых «реальных» венетах в дальнейшем подверглось трансформации, и весьма своеобразной. «Согласно анализу Д. А. Мачинского, — пишет Д. Н. Козак, — определенная Тацитом территория проживания венедов совпадает с ареалом зубрицкой культуры, которая занимает регионы Западной Волыни и Западной Подолии. Совпадают данные о границе венедов и германцев — соответственно, ареалов зубрицкой и пшеворской культур. Значительный интерес вызывают данные письменных источников, которые свидетельствуют, по Д. А. Мачинскому, что венеды во второй половине I в. н.э. появились между Припятью и Днестром как новое,

¹ Much R. Die Germania des Tacitus. — S. 414—416.

² Анфертьев А. Н. Сведения Тацита о народах Северо-Восточной Европы: опыт интерпретации // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. науч.-практ. конф. — Псков, 1988. — С. 118—120.

³ Мачинский Д. А. К вопросу о территории обитания славян в I—VI веках. — С. 90, рис. 1.

только что прибывшее население, которое еще не полностью освоило территорию¹.

Итак, на первый взгляд может показаться, что наконец-то удалось преодолеть «археологическую неуловимость» Тацитовых венетов. Во всяком случае, их сопоставление с западноволынскими и верхнеднестровскими древностями так называемой зубрицкой группы второй половины I — конца II в. н.э. выглядит предпочтительнее размещения в зоне «археологической пустоты» по Нижней Припяти, Ужу и Тетереву, куда из южной части ареала культуры штрихованной керамики в Тацитово время будто бы проникло население с археологически не фиксируемым погребальным обрядом². Однако становится ясно, что, только формально основываясь на гипотезе Д. А. Мачинского, Д. Н. Козак, по существу, развил собственную, в корне отличную. Ведь Д. А. Мачинский, вместе с М. Бабешем и М. Б. Щукиным, продолжая еще довоенные исследования Г. Коссины, К. Такенберга, В. Ла Бауме и др., много сделал для установления идентичности носителей как по-янешти-лукашевской, так и классической зарубинецкой культуры именно древнегерманским бастарнам³. Притом, по замечанию М. Б. Щукина, эта бастарнская принадлеж-

¹ Козак Д. Н. Етнокультурна історія Волини (I ст. до н.е. — IV ст. н.е.). — С. 139.

² Мачинский Д. А. К вопросу о территории обитания славян в I—VI веках. — С. 95.

³ Kossina G. Die deutsche Vorgeschichte. — S.147, 154; Tackenberg K. Die Bastarnen // Volk und Rasse, 1929, Bd. IV. — S. 232—244; La Baume W. Ук. соч. — S. 86; Babeş M. Die Poienesti-Lukasevka-Kultur. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte im Raum östlich der Karpaten in den letzten Jahrhunderten vor Christi Geburt. — Bonn, 1993; Мачинский Д. А. Кельты на землях к востоку от Карпат // Археологический сборник Государственного Эрмитажа, 1973. Вып. 15. — С. 54—55; Щукин М. Б. Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой. — С. 109; Щукин М. Б. О трех путях археологического поиска предков раннеисторических славян. Перспективы третьего пути // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1987, Вып. 28. — С. 104, 109.

ность всей или почти всей зарубинецкой культуры приобрела со временем еще большую очевидность, чем это вытекало из предшествующих работ Д. А. Мачинского¹. Д. Н. Козак же исходит из того, что «зарубинецкая культура — стержень, вокруг которого развивалась древнеславянская общность на рубеже эры». Зубрицкие памятники он именует «западовенедскими» и особо подчеркивает их близость зарубинецким и позднзарубинецким, соответственно, «восточновенедским»². Однако, как оказалось на поверку, эта гипотеза о венетах лишь внешне согласуется с представлениями о них как Д. А. Мачинского, так и, по-видимому, самого Корнелия Тацита. В самом деле, согласно Д. Н. Козаку, так называемая зубрицкая группа начала окончательно оформляться в результате притока в пшеворскую среду на западе Волыни и Подолии вслед за липицкими с юга новых эмигрантов с севера. Какие-то еще неясные пока причины обусловили во второй половине I в. н.э. разрушение припятского варианта зарубинецкой культуры и массовое бегство его носителей на юг. «Наверное, — справедливо предполагает Д. Н. Козак, — зарубинецкие племена двигались с Полесья небольшими, разрозненными, вероятнее всего семейными группами, и не основывали отдельных поселений. Они останавливались на уже существующих пшеворских, вступая в тесный контакт с их обитателями»³. Таким образом, среди лесов тогдашней Волыни возникла ситуация, напоминая, по-видимому, сложившуюся в джунглях Северной Америки колониального периода, когда

¹ Щукин М. Б. Проблема бастарнов и этнического определения поянешти-лукашевской и зарубинецкой культур // Петербургский археологический вестник. — 1993. — № 6. — С. 94.

² Козак Д. Н. Взаємовідносини слов'ян і германців на території України в першій половині I тис. н.е. — С. 24—25.

³ Козак Д. Н. Етнокультурна історія Волини (I ст. до н.е. — IV ст. н.е.). — С. 32, 114.

части алгонкиноязычных делаваров точно так же пришлось бежать на территорию могущественной Лиги ирокезов. У них иноплеменники также селились не отдельно, а в уже существующих ирокезских общинах на правах их младших членов, которым приходилось работать на полях вместе с женщинами¹.

«К этому времени, — писал об этом также и Ф. Купер, — делаварам пришлось согласиться на то, чтобы их старинные враги ирокезы назвали их «женщинами»². Военное дело сделалось ирокезской привилегией». Считать подобных делаварам беженцев грозными венетами Тацита, рыскавшими «ради грабежа», наверное, затруднительно. Завоевание Подолии и Волыни было явно не их ролью, и очевидно, что гораздо более обоснованно протекавший здесь процесс характеризуется как уход зарубинецкого населения «под прикрытие щитов верхнеднепровской группировки бастарнов, представленной памятниками типа Колоколина-Чижикова-Звенигорода-Гринева»³. Итак, во-вторых, опять же, вопреки Д. Н. Козаку, эти смешанные пшеворско-липицкие памятники Верхнего Поднестровья, к которым позднее добавился зарубинецкий элемент, Д. А. Мачинским сопоставляются не со славянскими венетами, а с германскими бастарнами⁴. Получается, что так называемая зубрицкая группа памятников, вопреки «западновенедской» версии Д. Н. Козака, должна сопоставляться не с самими Тацитовыми венетами, а, скорее, с их юго-западными соседями-германцами.

Итак, поиски Тацитовых-венетов привели нас в страну бастарнов у подножия Карпатских гор. Между прочим, со-

¹ Аверкиева Ю. П. Ук. соч. — С. 230.

² Купер Д. Ф. Пионеры, или У истоков Саскуиханны. — М., 1981. — С. 87.

³ Щукин М. Б. О трех путях археологического поиска предков раннеисторических славян. Перспективы третьего пути. — С. 109.

⁴ Мачинский Д. А. К вопросу о территории обитания славян в I—VI веках. — С. 91.

гласно Ф. Брауну, их название в греческой передаче, *Καρπάτων*, связано с бастарнской формой *Har̥ṭara*. Так или иначе, название Карпат, по *Tabula peutingeriana*, это *Alpes Bastarnicae*, к востоку от которых отмечены сами *blastarni*, т.е. бастарны¹. Конечно, о тех же горах речь идет также и в «Естественной истории». Плиний, упомянув сарматских язигов на равнине, сообщает, что «горные хребты и ущелья до реки Патиссы (занимают) прогнанные ими даки. От реки Мара, или Дирии, отделяющей их от царства Ваннианского, говорит он далее, противоположные области занимают бастернии и затем другие германцы» (*Plin., NH., IV: 75*). Германская этническая атрибуция «бастерниев» у Плиния подтверждает предложенную М. Бабешем для поянешти-лукашевских памятников на правобережье Днестра². Но и восточнее Днестра, уже в пшеворском ареале, знаменитый римский ученый тоже знал германцев, только «других» («*Germani allieni*»). «Понятие "германцы" у Плиния достаточно конкретно и среди перечисленных им "германских народов" нет ни одного, чья принадлежность к германцам в современном значении этого термина могла бы быть поставлена под сомнение», — констатируют Д. А. Мачинский и М. А. Тиханова. Для этих Плиниевых «других германцев» соавторами была предложена вполне определенная локализация: севернее бастарнов на Днестре, восточнее Вислы и южнее Океана. Однако именно там вместо этих *germani* у них картографированы... Тацитовы *venethi*, притом тоже в полном соответствии с источником³.

Таким образом, совпадение локализации обоих древних этнонимов — отнюдь не новое открытие. Но данное соответствие требуется, наконец, обосновать, тем более что это особой сложности представлять не должно. Начать уже

¹ Браун Ф. Ук. соч. — С. 107, 173.

² Babeş M. Ук. соч. — S. 168—173.

³ Мачинский Д. А., Тиханова М. А. Ук. соч. — С. 66—67.

с практически хронологического совпадения между известиями Плиния и Тацита, ведь «Естественная история» и «Германия» были закончены ими, соответственно, в 77 и 98 гг. н.э. Соответствуют также и географические рамки: у обоих этих римских авторов говорится, в частности, о пространстве между Океаном, или Свебским морем, и Истром, или Дунабием, восточнее Вистулы, которую они одинаково считают текущей еще по землям германцев. Ориентир для локализации племен внутри хинтерланда также одинаков: область обитания бастерниев, или певкинов (ср.: Plin., IV: 75—100; Tac, Germ., 1—46). Различие заключается, собственно, в том, что у Плиния указан только юго-западный ориентир, *basternei*, а у Тацита — как юго-западный, так и юго-восточный, *peucini* и *fenni*. В этом отношении Плиний оказывается ближе к Страбону, чем к своему современнику Тациту. Страбон, также называя для бастарнских атмонов и сидонов только их юго-западных соседей, тирегетов, признается, однако, в своей неосведомленности относительно северных и северо-восточных пределов, даже сильно преувеличивая таковую, «ибо мы не знаем ни бастарнов, ни савроматов и вообще никого из живущих выше Понта» (Strabo, Geogr., VII: 2, 4; VII: 3, 15—17). По-видимому, как раз поэтому со Страбоновыми бастарнами сперва осторожно сопоставлялась не вся заруби-нецкая культура, а только ее южный вариант на Среднем Днепре¹. Может показаться, что Плинием дается для подобной осторожности еще больший повод: ведь он, в отличие от Географа, попытался компенсировать такую же свою неосведомленность относительно реальной этногеографии внутренних территорий некритическими заимствованиями из Геродота. Тем не менее, несмотря на то что его сведения о «других германцах» при желании тоже можно приурочить только к южной окраине их расселения, они

¹ Мачинский Д. А., Тиханова М. А. Ук. соч. — С. 75—76.

представляются вполне пригодными для сопоставления с Тацитовыми известиями о венетах.

Тацитовы венеты сопоставлялись даже непосредственно с самой зарубинецкой культурой¹. Ее германские корни стали очевиднее, когда фактически была, так сказать, разорвана «клешевая» линия генеалогии древних славян. Напомним, что в межвоенный и послевоенный период Ю. Костшевский выступал против древнегерманской этнической атрибуции *die Gesichturnenkultur*, которую отстаивали немецкие археологи. Эта *kultura um twarzewych* была связана им сперва с западными балтами, а потом и с поморским ответвлением праславян². Много позднее похожий подход снова встречается у В. В. Седова, которым данная культура разделяется на две: собственно поморскую, западнобалтскую, и раннеславянскую подклешевую. Этническая традиция последней могла, по его мнению, обусловить принадлежность также и зарубинецкой культуры³. Однако подобный раздел этой довольно монолитной общности (видимо, все же раннегерманской) был сочтен позднее неправомерным и объясняется как элемент не всегда корректной дискуссии с немецкими археологами⁴. Как немецкие археологи 1930-х, Ю. В. Кухаренко в 1960 г. указывает снова на именно поморские корни зарубинецкой культуры⁵. Правда, позднее с этой поморской генетической версией стала успешно конкурировать «яс-

¹ Kolendo J. Wenetowie w Europie środkowej i wschodniej. Lokalizacja i rzeczywistość etniczna. — S. 130.

² Z Polskiego Towarzystwa Prehistorycznego // Z otchłani wieków, 1928. Т. 3. — S. 11—12; Kostrzewski J. Germanie przedhistoryczny w Polsce // Polska archeologia, 1945. Т. 8. — S. 71.

³ Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. — М., 1979. — С. 76.

⁴ Malinowski T. W sprawie tzw. kultury grobów kloszowych // Zemie polskie w wczesnej epoce żelaza i ich powiązania z innymi terenami. — Przeczow, 1992.

⁵ Кухаренко Ю. В. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры // СА, 1960, № 1. — С. 109.

торфская», акцентированная на исторических связях зарубинецкой общности не с Померанией, а с Нижней Эльбой и Ютландией. Однако в любом случае весьма затруднительно полагать, что в свой финальный период, к которому и относятся Тацитовы сведения о венетах, зарубинецкая культура имела уже иное, не германское, этническое содержание. Одно из подтверждений обратного — Плиниевы известия о «других германцах».

Итак, представления о славянстве античных Οὔενετοι, Venethi сохранились до сих пор. Однако они являются, безусловно, лишь реликтом уже безвозвратно ушедшей эпохи, когда, по замечанию И. С. Пиоро, считалось прогрессивным всюду искать и «находить» древних славян¹.

---

¹ Пиоро И. С. Крымская Готия. — Киев, 1990. — С. 6.

ГЛАВА IV

РОДИНА — ОДНА

§ 1. НА ВОЛГЕ?

В постсоветскую эпоху быстро произошла, так сказать, «суверенизация» проблемы славянской прародины. Впрочем, В. Д. Баран и до того настаивал, что она была где-то на Львовщине, т.е. как раз в его родных местах¹. Для российской науки такой вариант оказался явно неприемлемым, ведь около рубежа тысячелетий в ней разгорелся, в частности, процесс замены Руси «Киевской» на «Древнюю». В связке с нею С. Е. Эрлих упоминает также и «услужливую теорию "волжской прародины" славян»².

Нет нужды напоминать о роли, сыгранной в судьбах русского этноса Волгой, рекой царской, торговой, разбойничьей. Стократно воспетая, она баюкала на своих волнах членов ватаги Стеньки Разина. Она же, как полагают некоторые современные ученые, послужила колыбелью самого славянства. Одной из особенностей раннесредневековой археологии новой России стала популярность в ней гипотезы о ранней славянизации Поволжья, включая и Среднее: Самарское, Ульяновское, а также Нижнее Прикамье. Речь идет об основной территории Волжской Болгарии, одного из могущественных тюркских государств сред-

---

¹ Щукин М. Б. Рождение славян // Stratum plus. Петербургский археологический вестник. — 1997.

² Эрлих С. Е. Поклонение волхвам (опыт динамического структурализма) // Stratum plus Петербургский археологический вестник. — 1997.

невековья. Данная гипотеза энергично поддерживается также и новейшими публикациями теперешнего признанного лидера славянской археологии России В. В. Седова¹. Впрочем, основные ее формулировки были опубликованы им еще в середине 1990-х гг. «Термин *сакалиба* (ас-сакалиба), — утверждал он потом снова и снова, — в арабских исторических сочинениях означает «славяне»².

Посмотрим, какие основания имелись для этой уверенности. В. В. Седовым отдано предпочтение одному из многих вариантов интерпретации известий Ахмеда Ибн-Фадлана. В 1939 г. в полной (Мешхедской) редакции была издана его «Ристале» («Записка»), отчет багдадскому халифу Аль-Муктадиру³. Ибн-Фадлан как секретарь багдадского посольства в 922 г. лично посетил Волжскую Болгарию, или, иначе, «страну Сакалиба». В. В. Седов ссылаясь, что все ее разнородное население ученый араб называет не титульным этнонимом «болгары», а вторым именем — «сакалиба».

«Царем сакалиба», отмечает он, назван и верховный правитель Болгарии Алмуш (Алмас), несмотря на то что это был, прежде всего, хан болгар. Наконец, В. В. Седовым отмечалось, что арабский термин «ас-сакалиба» происходит от греко-латинского названия славян, *sclavi*.

Имеются и другие мнения. М. З. Закиев цитирует хутбу, или проповедь, произнесенную лично Ибн-Фадланом в мечети г. Булгара перед многочисленными прихожанами из местных жителей: «О, Аллах! Сохрани (в благополучии) раба твоего Джаффара Ибн-Абдаллаха, повелителя (эмира) болгар, клиента повелителя правоверных». Хан Алмас, сын Шилки, перейдя в ислам, не только сам принял арабское

¹ Седов В. В. Славяне. Историко-археологическое исследование. — М., 2002. — С. 254—255; Седов В. В. Этногенез ранних славян // Вестник РАН, 2003. Т. 73, № 7. — С. 594—605.

² Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. — С. 195.

³ Ковалевский А. П. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Под ред. акад. И. Ю. Крачковского. — М., Л., 1939.

имя Джаффар (Джа'фар), но и своего отца переименовал на мусульманский манер, в Абдуллаха (Абдуллах)¹. Однако двуименным у А. Ибн-Фадлана оказался не только ее хан, но и сама орда. По наблюдению К. Л. Егорова, ас-сакалибами болгары именовались арабом Ибн-Фадланом, «в то время как сами себя болгары булгарами же и называли»². «Булгары» — самоназвание, а «ас-сакалиба» иноназвание, и соотносятся так же, как, например, *die Deutschen* и «немцы». Но когда Ибн-Фадлан переходит к известиям о далекой стране, предназначенным для багдадских читателей, он снова титулует Алмуш-хана по-арабски: «малик ас-сакалиба» — «царь сакалиба».

Но арабская историография знает еще одного «царя сакалиба», на этот раз на западе Европы. В таком титуловании германского императора Отгона нет ничего удивительного, ведь прославленный арабский автор X в. Абуль-Хасан Али Масуди к «сакалибам» причисляет также «сас-сов», или саксов. В. В. Мавродин в свое время подчеркивал: «Обычно в "сакалибах" арабских писателей усматривают славян, но такое категорическое утверждение было бы неправильным». Вслед за старопетербургскими авторами А. Гаркави и Ф. Вестбергом он считал «сакалиба» чисто географическим термином. Так арабы называли жителей Восточной Европы вообще, хотя это название и было производным от греко-византийского Σκλάβοι, или Σκλαβηνοί, «славяне». Но заимствованный греческий термин оказался созвучным арабскому «саклаб», «сакалиба» — вообще все «светловолосые», «русые», «рыжие», т.е. средне- и северо-европейцы³.

Мнение В. В. Мавродина, казалось бы, находит подтверждение в еще одном ориентальном этнониме. Такое же со-

¹ Закиев М. З. Татары: Проблемы истории и языка. — Казань, 1995. — С. 68.

² Егоров К. Л. Ас-сакалиба (славяне) у Ибн-Фадлана // http://www.oldru.narod.ru/Add/as_sacalib.htm

³ Мавродин В. В. Ук. соч. — С. 179.

бирательное наименование европейцев на Востоке в средневековую эпоху и новое время звучало как «ференги», или «ференджи». Так в Турции, Персии и Афганистане называли, прежде всего, англичан. Однако термин этот является производным от греко-византийского Φράνγοι — «франки», т.е. французы.

Но с этой «славянской» версией происхождения арабского этнонима «ас-сакалиба» (ед. ч. «саклаб») конкурирует иная. Согласно М. З. Закиеву, данное название — арабская калька тюркского самоназвания половцев, *къуман* или *кыпчак*, в которых *къу* означает то же самое: «белый, рыжий, светловолосый»¹. В этой связи обратим внимание на имя руководителя болгарского посольства в Багдад. Согласно А. Ибн-Фадлану, его звали Барис ас-Саклаби². Судя по его первому личному имени, этот ас-Саклаби («происходящий из рода Сакалиба») был вовсе не славянин, а тюрк. По-тюркски в оригинальных надписях оно зафиксировано как *Bāris*, *Bārs*, *Bars-beg*, и означает, как нами уже отмечалось, «Барс» или «Леопард».

Считать арабское слово «ас-сакалиба» производным именно от греческого мешает и одно известие Феофана Исповедника о событиях 669 г. «Абдерахман, сын Халеда, выступил в поход на Романию и в ней перезимовал и много областей разорил, — пишет он. — И славяне, перебежавшие к нему, числом пять тысяч, пришли с ним в Сирию и поселились в стране амапеев в селении Селевковоле» (Theothan., XVII). Греческий топоним Σελευκοβόλις сопоставляется с турецким современным Склебийе. В этом названии, по мнению Г. Г. Литаврина, угадывается, возможно, славянский корень. «В первой половине IX в. в арабской литературе утвердилось название для славян ас-сакалиба, — пишет он. — Но, может быть, до начала IX в., — предполагает далее Г. Г. Литаврин, — арабское название славян звучало не-

¹ Закиев М. З. Ук. соч. — С. 68.

² Ковалевский А. П. Ук. соч. — С. 486.

сколько иначе?»¹ Это и в самом деле вопрос. «По поводу значения слова «сакалиба» долгое время шел спор, — писал в свою очередь Л. Н. Гумилев. — Сначала их считали славянами, хотя по-арабски славяне — «славиа». Л. Н. Гумилев обратил также внимание, что Масуди, называя сакалибами «намчин» (немцев) и «турок» (венгров), упоминает наравне с ними также еще и «валинана», т.е. славянских волюнчан. Представители всех этих этносов, а также многих других, купленные на разных рынках, служили в Испании при кордовском дворе омейядских халифов в их невольничьей гвардии «сакалиба». «И вряд ли надо видеть в этом термине этноним, — писал он, — так же как в терминах «зинджи» (черные рабы из Восточной Африки) и «мамлюки» (в Египте — рабы из туркмен, половцев, черкесов и даже русских)². Впрочем, «Нахр-ас-сакалиба», т.е. «сакалибскую реку», до которой в 737 г. дошло арабское войско во главе с победоносным Мерваном, захватившее там множество невольников (целых 20 000 семейств этих самых сакалиба), Л. Н. Гумилев решительно отождествляет не с Доном, а именно с Волгой, как и В. В. Седов³. Впрочем, теперь Л. Н. Гумилева критикуют как раз по этому поводу. Дескать, от имени сословия, особенно низшего, такого, как «сакалиба», которые были, по Л. Н. Гумилеву, холопами, хотя и военными, — «не производятся *топонимы* (так в оригинале. — С. Р.) рек и морей»⁴. Но с этим согласиться невозможно. Не забудем, разумеется, о стране индейцев чиппева и кри в Северной Канаде, где до сих пор медленно несет свои воды Slave river, «Невольничья река», впадающая в Большое Невольничье озеро, Great Slaver lake, действительно огромное. Впрочем, и на русской реке Мологе в XIV—XV вв. процветал знаменитый своей ярмаркой

¹ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2. — С. 311.

² Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. — М., 2002. — С. 137.

³ Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. — М., 1995. — С. 195.

⁴ Егоров К. Л. Ук. соч.

Холопий городок, упомянутый, например, в «Описании Московии» А. Гваньини под облагороженным латинским именем *Gollopia*¹. Итак, переводить арабское название Волги, «Нахрас-сакалиба», как «Невольничья река», а не «Славянская», в принципе, не мешает ничто.

«От арабов еще менее можно требовать, чем от византийцев, чтобы они верно различали видовые названия от родовых и всегда употребляли точные этнографические термины, — вполне справедливо подчеркивалось Д. И. Иловайским. — Например, турки в арабских известиях являются иногда славянским племенем»². Но ведь иногда эти арабские авторы буквально цитируют своих информаторов. Так, Шамс-ад-Дин ад-Димашки (XIV в.), повествует, что в Багдаде он встретил совершающих хадж из далекой северной страны и спросил у них: «Что вы за народ?» Они отвечали: «Мы болгары, а болгары суть смесь турков с сакалибами». На этом основании делался вывод, что в волжско-болгарском народе «заключалось великое множество славян»³. Это, впрочем, современное представление: настоящая этническая ситуация в соседней с нею Болгарии была известна, конечно, гораздо точнее в средневековой Владимиро-Суздальской земле. В 1183 г. Всеволод Большое Гнездо, собираясь идти войной на Болгарию, писал Святославу Киевскому: «Половцев же призывать не хочу, ибо они с болгары язык и род един»⁴. Безусловно, князь знал тюркских соседей, как половцев, так и болгар, гораздо лучше ученого сирийца. Неправильно переводился, однако, не один ад-Димашки. «В русскоязычных исследованиях восточных географических источников средневековья, — отмечает М. З. Закиев, — этноним *сакалиба* даже не упоминается, а передается он словом «славяне»⁵. Т.е. с ним дело

¹ Гваньини А. Описание Московии. — М., 1997. — Прим. 41.

² Иловайский Д. И. Разыскания о начале Руси. — С. 518.

³ Митрополит Макарий. История Русской церкви. — М., 1994.

⁴ Татищев В. Н. История Российская. Т. 3. — С. 128.

⁵ Закиев М. З. Ук. соч. — С. 69.

обстоит точно так же, как и с Тацитовым *venethi*. Нам известно, что в переводах оно передается современным *die Wenden* — «славяне».

Однако кто же тогда эти «ас-сакалиба», о которых речь идет у ад-Димашки? За несколько столетий после принятия ислама они успели так интегрироваться с тюркскими болгарами, что в устах их ассимилированных потомков уместным стал термин «смесь». Однако в X в. «сакалиба» еще отличались от болгар. В. В. Седов также считает, что к «сакалиба» Ибн-Фадлан причислял к «сакалиба» еще баранджар, народ сиван во главе с князем Виригом, а также племя эскель со своим «царем»¹. Вряд ли все эти этносы надо считать тюркскими. Согласно М. З. Закиеву, аланы, буртасы, мишари также были в составе Ибн-Фадлановых сакалиба. Согласно Масуди, к ним принадлежали также и мадьяры. Болгары еще застали их орду в Заволжье и Приуралье, на территории легендарной *Hungaria magna*, разысканной монахом Юлианом накануне монгольского нашествия. Однако на дальний запад ушли отсюда отнюдь не все, что подтверждает, в частности, ранневенгерский Танкеевский могильник X в. Его материалы могут служить иллюстрацией постепенной болгаризации и последующей исламизации². Наконец, очевидно, что из числа сакалиба никак нельзя исключить также и различные группы финно-угров. Археологические находки, согласно Е. П. Казакову, говорят о длительном — пятисотлетнем — взаимодействии волжских болгар с волго-окскими финнами, которое началось еще в IX в.³ Итак, претендентов на принадлежность к этим «ас-сакалиба» Волжской Болгарии предостаточно и без славян.

¹ Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. — С. 195.

² Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. — М., 1981. — С. 80.

³ Казаков Е. П. Проблемы взаимодействия волжских болгар с волго-окскими финнами в IX—XII вв. // <http://museum.murom.ru/kazakov/htm>

Нет сомнений, пишет К. Л. Егоров, что славяне в ней никогда не составляли и не могли составить ни основного этнического массива, ни правящего слоя. В конце концов, можно было бы попытаться увидеть славян в оседлых лесных подданных царя ас-сакалибов, от которых это имя перешло также к подкочевавшим к ним со степного юга тюркским болгарам. «Но эта версия, — считает он, — пока встречает практически непреодолимое препятствие в виде полного отсутствия в данном регионе на интересующее время славянской археологии»¹. Примечательно, что в подтверждение тому этот автор ссылается на капитальный труд В. В. Седова, однако на тот, в котором о ранней славянизации Среднего Поволжья еще нет ни слова².

Но в конце своей длинной и чрезвычайно плодотворной творческой деятельности В. В. Седов уже придерживался мнения, что, наравне с Повисленьем, Полесьем или Поднепровьем, Среднее Поволжье также было частью первоначальной славянской ойкумены (рис. 13). Более того, он считал, что именно эта территория была источником славянизации других, от нее довольно отдаленных. «Сопоставление же всего комплекса элементов волынцевской культуры с именьковскими, — писал В. В. Седов, — свидетельствует о значительном сходстве их, о родственности этих культур. И это может быть объяснено только тем, что волынцевское население Днепровского Левобережья пришло из именьковского ареала Среднего Поволжья. Следовательно, ретроспективно носителей именьковской культуры нужно отнести к славянскому этносу»³. Рассмотрим эту гипотезу.

По В. В. Седову, к исходу на запад значительную часть оседлых «именьковцев» вынудило вселение на Среднюю Волгу воинственных орд тюркоязычных кочевников в конце

¹ Егоров К. Л. Образование Киевской Руси // <http://www.old.ru.narod.ru>

² Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв.

³ Седов В. В. Славяне в древности. — С. 315.

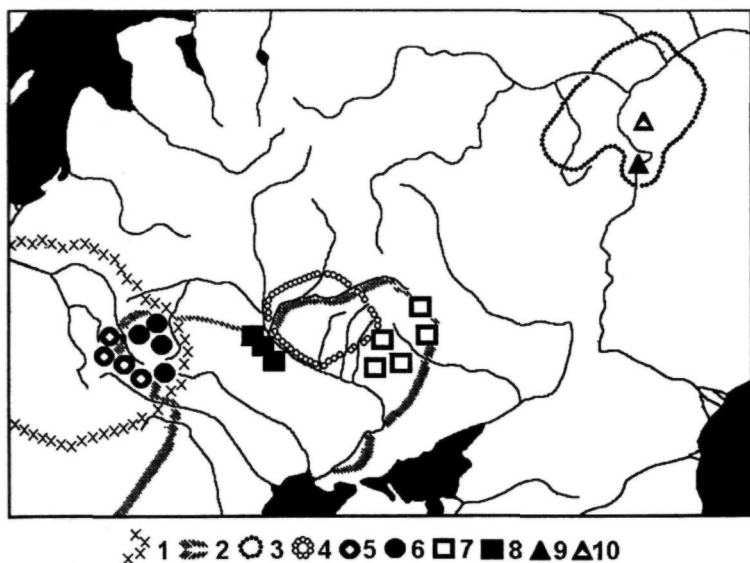

Рис. 13. Именковская и окружающие ее культуры

Условные обозначения:

- 1 — пшеворская культура; 2 — черняховская; 3 — именковская;
 4 — волынцевская; 5 — памятники черничинского типа; 6 — зубрицкого;
 7 — картамышевского; 8 — среднеднепровские зарбинецко-пшеворского;
 9 — славкинского; 10 — лбищенского

VII в.¹ Но оказалось, однако, что основная масса курганных могильников кочевнической новинковской культуры распространилась здесь только через несколько десятилетий после затухания жизни на именковских поселениях². Новейшие исследования Березовских курганов в Самарской обла-

¹ Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. — С. 194.

² Сташенков Д. А. Этнокультурная динамика на территории Самарского Поволжья во второй половине I тысячелетия н.э. // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. Международная науч. конф., посвященная 100-летию со дня рождения профессора Михаила Илларионовича Артамонова. Санкт-Петербург, 9—12 декабря 1988 г. СПб., 1998. — С. 101.

сти, максимально сузив интервал между обеими группами памятников, позволили также установить, что самые старшие новинковские комплексы появляются не ранее последней четверти VII в., тогда как именьковская культура, как таковая, прекратила свое существование на этой же территории не позже его середины¹. Д. А. Сташенков называет эти новинковские памятники «могильниками хазарского периода». Но это не самые ранние памятники тюркских кочевников в Самарском Поволжье. Там же, в именьковском ареале, известны, например, Владимирское и Новоселковское погребения. Несмотря на то что эти памятники датировались VI в., они «традиционно связывались с гуннами»². Считается, что явными гуннскими чертами обладает также Тураевский могильник в Татарстане. В. Ф. Генинг датировал его концом IV — первой половиной V в. н.э.³ О подкочевке самих гуннов непосредственно на именьковскую территорию свидетельствует находка в 1884 г. около с. Осоки бронзового гуннского котла. Еще два других гуннских котла были найдены столетие спустя, в 1980 г., у с. Татарское Сунчелеево. Священные для кочевников, такие сосуды по прямому назначению не использовались, и иноплеменникам, конечно, никогда не продавались. Они служили в степных ордах символами власти, и при этом каждый хан всегда держал такой котел при себе⁴.

¹ Скабовенко В. А., Сташенков Д. А. Березовский курган и его место в системе раннесредневековых древностей Самарского Поволжья // Восточноевропейский археологический журнал. 2001, № 1(8).

² Сташенков Д. А. Ук. соч. — С. 101.

³ Генинг В. Ф. Тураевский могильник V в. н.э. (захоронение военачальников) // Из истории Волго-Камья. — Казань, 1976. — С. 55—108; Gening W. F. Völkerwanderungszeitliche Kriegersgräber aus Turaewo im Uralvorland // Eurasia Antiqua, 1995, Bd. 1. — S. 321.

⁴ Буров Г. М. Именьковская культура в Ульяновском Поволжье // Древности Среднего Поволжья. — Куйбышев, 1985. — С. 122; Фахрутдинов Р. Г. История татарского народа и Татарстана. (Древность и средневековье). — Казань, 2000. — С. 112.

Итак, во-первых, приходится отказаться от предположения В. В. Седова о вытеснении именьковских земледельцев новинковскими кочевниками. Во-вторых, более вероятно, что им удавалось успешно сосуществовать друг с другом. Как уже было отмечено неоднократно, кочевое общество экономически может успешно функционировать лишь при условии тесного и постоянного контакта с оседлыми земледельцами. И нет ничего невероятного в том, что на Средней Волге еще в гуннскую эпоху уже существовал такой же кочевническо-земледельческий симбиоз, как и в Подунавье. Возможно, это подтверждается тем, что именьковские поселения, как показывают их раскопки, не были разгромлены или сожжены¹. Наконец, в-третьих, нет полной уверенности в хронологическом контакте между именьковскими древностями на Самарской Луке и волынцевскими на Левобережье Среднего Днепра. Ведущий исследователь волынцевских памятников, А. В. Сухобоков, сейчас относит их появление уже к концу VII или даже к рубежу VII—VIII вв.² Также около рубежа VII и VIII вв., согласно В. В. Седову, прекратила свое существование и именьковская культура³. Однако ее хронология до сих пор проблематична. Например, Г. М. Буров приурочил ее верхнюю хронологическую границу к последней трети VI в. Им отмечалось, что основные именьковские памятники с датирующими вещами укладываются в рамки V—VI вв.⁴ Что находки вещей этого времени особенно многочисленны, подчеркивает также и Г. И. Матвеева, но «классическую» именьковскую культуру она в настоящее время датирует все же несколько

¹ Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. — С. 194.

² Сухобоков О. В. Ранні етапи культури літописних сіверян (ще раз про пам'ятки волинцевського типу) // Восточноевропейский археологический журнал, 2000, № 3 (4).

³ Седов В. В. Славяне в древности. — С. 194.

⁴ Буров Г. М. Ук. соч. — С. 120.

шире: V—VII вв. Обратим внимание, однако, что практически ни одна из находок, по которым у Г. И. Матвеевой определяется верхняя хронологическая граница, не датируется узко лишь одним VII в.¹ Но это совсем не противоречит предполагаемому теперь времени исхода именьковского населения из Самарского Поволжья — еще в середине VII в. И нет необходимости направлять его исключительно в сторону Днепра. «Если бы это было так, то в Поднепровье появились бы не волынцевские, а именьковские древности», — пишет О. М. Приходнюк, несмотря на то что настаивает на наличии между ними генетической связи². На Волге средневековые авторы называют народ буртасов. По Е. П. Казакову, теперь имеются новые свидетельства связи турбасалинско-именьковских комплексов именно с буртасами³. Возможно, именьковцы ушли тогда с Самарской Луки не далеко на запад, а на север и северо-восток, в соседний Татарстан. Там, в бассейне реки Черемшан, посуда болгарского времени по формам и примесям в тесте напоминает именьковскую. П. Н. Старостиным отмечалось также, что на многих именьковских поселениях болгарские слои стратиграфически не отделяются от именьковских⁴. Ареал именьковской культуры, по замечанию В. В. Седова, почти полностью совпадает с территорией Волжской Болгарии⁵. Г. И. Матвеева, кроме такого совпадения, отмечает также сходство экономичес-

¹ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. — М., 2000. — С. 116—124.

² Приходнюк О. М. Ук. соч. — С. 76.

³ Казаков Е. П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). — Самара, 1998. — С. 97—150.

⁴ Старостин П. Н. Памятники именьковской культуры. САИ. Вып. Д1-32. — М., 1967. — С. 31, 32.

⁵ Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. — С. 194.

ких укладов, топографии поселений, некоторых форм лепной посуды, пряслиц и даже типов хозяйственных ям в болгарской и имениковской культурах¹.

Но аргументы такого же свойства используются ею для определения этноса последней. «О славянской принадлежности имениковских племен, — пишет Г. И. Матвеева, — свидетельствовал их погребальный обряд. Безурновые трупопожжения с бедным инвентарем характерны именно для славян. Со славянами имениковцев сближает отсутствие этноопределяющих украшений, столь распространенных у балтских и финно-угорских племен. Совпадает хозяйственный уклад славянских и имениковских племен... Несмотря на различие в деталях, есть общие черты в имениковской и пражско-корчакской керамике (примесь шамота, преобладание горшковидных форм сосудов с максимальным расширением в верхней половине сосуда, отсутствие орнамента)...»² Однако, во-первых, в противоположность имениковской, для раннеславянской культуры безурновые (и бескурганные) трупопожжения не характерны. Наоборот, как раз урновые и преобладают, к примеру, в курганных могильниках пражской культуры³. В имениковской нет ни урн, ни курганных насыпей⁴. Правда, Г. И. Матвеева пыталась рассматривать как имениковский даже Тураевский могильник, однако впоследствии и она к этой идее больше не возвращалась⁵. Во-вторых, имениковские этноопределяющие украшения все же имеются. Таковыми Е. П. Казаков обоснованно считает се-

¹ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. — С. 124.

² Там же. — С. 123.

³ Археология Украинской ССР. Т. 3. — С. 143.

⁴ Старостин П. Н. Имениковские могильники // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. — Куйбышев, 1986. — С. 90—104.

⁵ Матвеева Г. И. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тысячелетии н.э. // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. — Куйбышев, 1986. — С. 166.

ребряные и бронзовые пластины овальной или полуовальной формы с «клювовидным» выступом, датирующиеся VI—VII вв.¹ Поверхностные аналогии, использованные Г. И. Матвеевой, также не вызывают доверия. Известно, что использование шамота является универсальной традицией гончарства. Не удивляет поэтому, что он есть не только в раннеславянской посуде, но и, например, в горшке с расширением как раз в верхней трети из Салиховского кургана № 19 из Башкирии². В принципе нельзя рассматривать в качестве этнического признака, например, земледельческий уклад или «бедный» инвентарь. Одинаково бедными оказались, к примеру, разделенные примерно тысячью лет милоградские и раннеславянские курганы в Восточной Волыни. Такие же урны, накрытые плитками, есть еще и в пшеворской культуре, но это явно не что иное, как случайное сходство³. Налицо существенные различия в деталях.

Явно неудачно обосновав славянство именинской культуры, Г. И. Матвеева, однако, отвергла наличие преемственности с нею у волынцевской. «Имеющиеся черты сходства, видимо, обусловлены не генетическими, а какими-то иными связями...»⁴, — пишет она. Противоположного мнения придерживался В. В. Седов. «Специальное сравнительное сопоставление волынцевских и именинских древностей, — подчеркивает он, — выявляет идентичность почти во всех деталях»⁵. Но так ли это? Хотя комплексы волынцевской культуры

¹ Казаков Е. П. Об одной из групп украшений именинской культуры // Проблемы археологии Среднего Поволжья. — Казань, 1991. — С. 14—20.

² Васюткин С. М. К вопросу о происхождении и ранней дате именинской культуры в Среднем Поволжье // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии. 1988, Вып. 194. — С. 75—80.

³ Археалогія Беларусі. Т. 2. — Мінск, 1999. — С. 74.

⁴ Матвеева Г. И. О происхождении именинской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. — Куйбышев, 1981. — С. 58.

⁵ Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. — С. 192.

представлены также и на некоторых городищах, оказалось, однако, что их оборонительные сооружения с нею не связаны. Как полагает В. В. Седов, на волынцевских поселениях укрепления не строились вообще. Но в таком случае нужно было объяснить, куда же исчезло довольно развитое фортификационное искусство? Ведь в именьковской культуре при преобладании селищ довольно многочисленны также и городища, некоторые даже с кольцевыми валами. Именьковское I городище было защищено настоящей стеной двухметровой толщины, облицованной бревнами, пространство между которыми забутовано камнем. На Лбищенском и Переволокском городищах в оборонительной стене имелись полуовальные выступы — бастiónы. Городище Девичий городок имело, по-видимому, даже боевые башни. Четкие различия просматриваются в типах не только поселений, но и жилищ на них. С небольшими полуземляночными волынцевскими жилищами площадью 12—25 кв.м резко контрастирует, к примеру, «длинный» дом из Старо-Майнского именьковского городища (рис. 14: 4)¹. С другой стороны, на именьковских поселениях пока, по-видимому, неизвестны наземные жилища «юртообразного» типа, наподобие открытого на Битицком городище и связываемого именно с волынцевским его горизонтом (рис. 14: 6). Там же были исследованы также и остатки земляной печи-тандыра, наподобие широко известных в салтовской культуре². В именьковской они отсутствуют. Нет в ней также и типичных волынцевских глинобитных печек. Впрочем, разница в типах отопительных сооружений отмечалась уже неоднократно: «Правда, если в волынцевской культуре преобладали печи, то на именьковских поселениях господствовали очаги»³. Но здесь можно добавить, что некоторые из них имели особен-

¹ Богачев А. В. Большой дом Старо-Майнского городища // Археологические исследования в Лесостепном Поволжье. — Самара, 1991. — С. 159—171.

² Сухобоков О. В. Ук. соч.

³ Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. — С. 193.

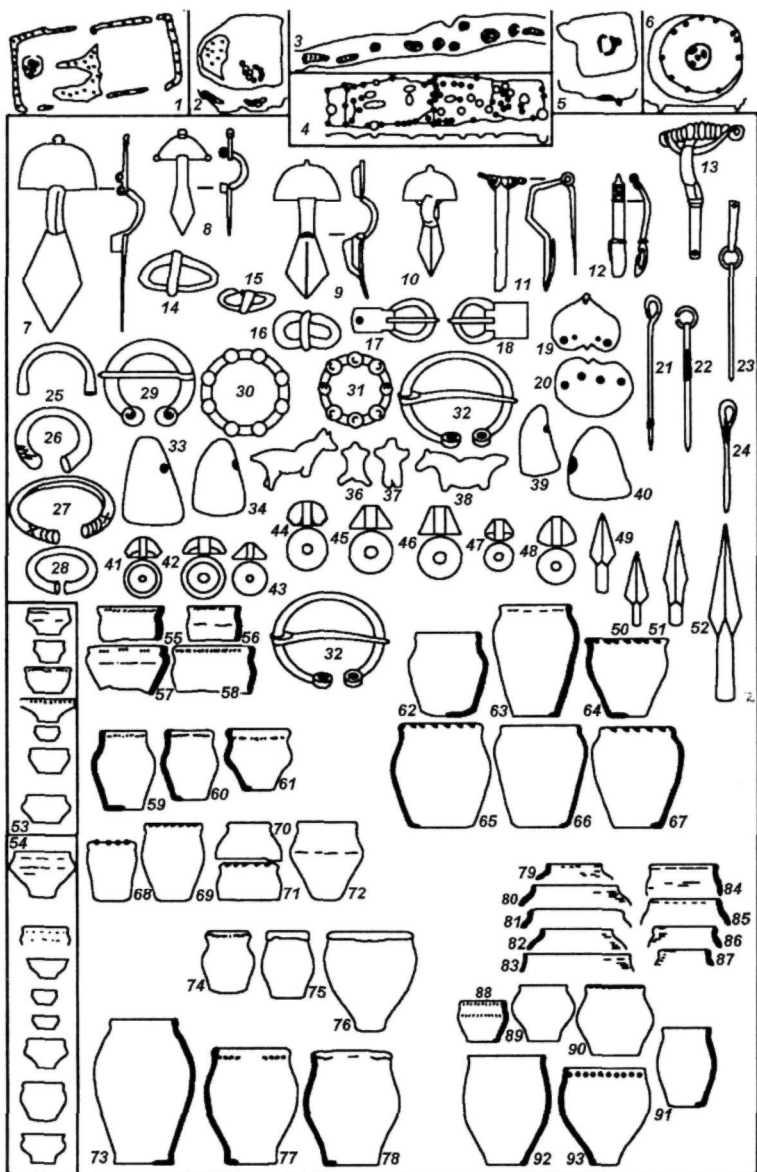

Рис. 14. *Именьковская древности и их аналоги*

1—Лепесовка; 2,11—Рипнев II; 3—Концецгорское городище; 4, 89—91—Старо-Майнское городище; 5—Маклашевское II городище 6—Битица; 7—Николаевка; 8—Черноречье; 9—Алексеевка; 10—Гиляч; 12, 53—Лбище; 13, 27—Борки; 14—Журань; 15, 26—Ульяновка I; 16,17, 30—Щербатьевское I селище; 18, 31—Бирск; 19—Коминтерновский II могильник; 20—Варнинское; 21, 22—Девичий городок; 23—Тайманово; 24—Язно; 25—Маклашеевское I городище; 28—Таксила (Индия); 29—«Частые» курганы; 32, 35, 36,49—52, 88, 92—93—Именьковское I городище; 33, 44—45, 74—76—Черепин; 34—Каменево II; 37—Кузнецки; 38—Съезжее; 39, 46—48, 79—87—Славкино; 40—Старо-Куйбышевское селище; 41—43, 55—58—Подберезцы; 54—Спецымеж; 59—67—Хотяновка; 62—67—Волынцево; 68—72—Картамышево II; 73, 77, 78—Бовшев II

ное устройство, имеющее аналоги не на западе, а далеко на востоке, в отдаленных районах Сибири. Так, глинобитный очаг в землянке № 5 на Маклашеевском II городище оказался обложенным сгоревшим деревом. Как полагает П. Н. Старостин, он был устроен в специальном деревянном ящике и напоминал очаги якутских жилищ урасу (рис. 14: 5)¹.

Однако эти различия сглаживаются, казалось бы, однотипностью керамики, и это едва ли не главный аргумент за именьковское происхождение волынцевских памятников (рис. 14: 62—67, 88—93). Правда, сперва эта связь выглядела как обратная: предполагалось, что не именьковское население пришло на Средний Днепр, а, наоборот, волынцевское на Среднюю Волгу. Ведь А. П. Смирнов, найдя аналогии в посуде Рождественского могильника в Татарстане среди волынцевской, предположил, что болгарская орда увлекла с собой далеко на восток, в Поволжье, также и «славянские элементы типа Воынцева»².

¹ Старостин П. Н. Памятники именьковской культуры. — С. 13; Табл. 7: 1.

² Смирнов А. П. Некоторые спорные вопросы этногенеза волжских болгар // Историко-археологический сборник. — М., 1962. — С. 167.

Впрочем, волынцевские сосуды привлекалась и для еще более рискованных аналогий. Например, раннесредневековый волынцевский горшок из «Konstantinow» был помещен К. Такенбергом среди вещей древних германцев в качестве одного из доказательств их продвижения на рубеже нашей эры с запада вплоть до Слободской Украины¹. Однако, как оказалось, в принципе вовсе не обязательно искать волынцевские формы исключительно с помощью миграций. Согласно А. В. Сухобокову, типичные волынцевские горшки с коническим туловом и вертикальным венчиком имеют прототипы в местной керамике Днепроовского Левобережья: почепской, киевской, колочинской и пенковской. Но им же подчеркивается отсутствие таковых для гончарных волынцевских сосудов среди именьковской посуды, как известно, исключительно лепной. Нет именьковских прототипов также и для своеобразной орнаментации круговой волынцевской керамики².

Конечно, известны случаи, когда распространение гончарной керамики существенно меняло культурный облик. Так, в кургане № 2 Мастюгинского могильника имелся прекрасный набор произведений гончарства, а также другой продукции древнегреческого художественного ремесла. Это позволило говорить о «высокой степени эллинизации» погребенного, явно не рядового представителя носителей местной среднедонской культуры скифской эпохи³. Использование более совершенных, чем собственные, изделий, приспособлений, сооружений наблюдается постоянно и повсеместно. Славянское население, обосновавшись в Греции, быстро оставило свои примитивные полуземлянки с каменками в уголке. Славянское поселение Кер-

¹ Tackenberg K. Zu den Wanderungen der Ostgermanen // Mannus, 1930, Bd. 22, Abb. 1: 8.

² Сухобоков О. В. Ук. соч.

³ Либеров П. Д. К вопросу о гелонах Геродота // История и культура античного мира. Сб. ст. / Ин-т археол. АН СССР. — М., 1977. — С. 100—104.

кыр на Пелопоннесе уже в VII в. состояло из двухкомнатных кирпичных домов на каменных фундаментах и под черепичными крышами. Но там же, в славянизированной Морее, в бывшей античной Олимпии было обнаружено поле погребений из пяти урновых трупосожжений в лепных горшках, по-видимому, пражского типа¹. В такой консервативности именно погребальной обрядности нет, впрочем, ничего удивительного. Это ее свойство издавна используется для установления преемственности археологических культур. К примеру, генетическая связь между двумя такими культурами выразила себя, согласно Ю. В. Кухаренко, даже в имитации типичного для поморской культуры каменного ящика (*das Steinkistegrab*) в погребении № 4 на Велемичском II могильнике культуры зарубинецкой просто из обломков глиняного горшка².

Разумеется, очень важно обнаружить такую вот интимную подробность, а не довольствоваться лишь общим сходством. В общем, именковские и волынцевские погребения похожи друг на друга не меньше, но и не больше, чем на любые другие из той огромной массы совершавшихся по обряду сожжения на стороне в II тыс. до н.э. — I тыс. н.э. на грунтовых могильниках в самых разных местах Евразии. Если присмотреться внимательнее к существенным деталям, то впечатление сходства исчезнет. Так, В. В. Седовым отмечалось в качестве единственного отличия, что именковские погребения «преимущественно безурновые», тогда как все волынцевские, за одним пока что исключением, наоборот, урновые³. Захоронения лошадиных черепов с ножными костями совершенно неизвестны на волынцевских кладбищах, однако, наоборот, характерны для именков-

---

¹ Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. — С. 157, 165.

² Кухаренко Ю. В. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. — С. 291.

³ Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. — С. 193.

ких. И такие же есть, к примеру, на ранневенгерском Больше-Тигинском могильнике в Нижнем Прикамье, что, возможно, помогает понять их появление в именьковской культуре¹. Итак, несмотря на простоту, если не сказать элементарность, как именьковского, так и волынцевского обрядов погребений, они все же демонстрируют отличия, с позиции преемственности необъяснимые. Урновый обряд погребения в бассейне Днепра практиковался не меньше тысячелетия, передаваясь от зарубинецкой культуры к киевской, и через нее к колочинской. Наверное, волынцевская тоже происходит от культуры с урновыми, а не ямными, как в именьковской, трупосожжениями. О. М. Приходнюк исходит из того, что переселение «именьковцев» в Среднее Поднепровье было настолько постепенным, что в ходе его их культура успевает трансформироваться². Но, как можно было убедиться, взаимные именьковско-волынцевские различия глубокие и резкие настолько, что их не объяснишь никакой постепенностью.

Но никакой местной традицией нельзя объяснить появление на бывшем Битицком городище печей типа тандыра или жилищ типа юрты. Среди волынского славянства предполагается «физическое присутствие» каких-то тюрко- и ираноязычных поселенцев³. Предки летописных северян Г. В. Вернадским предполагались гунно-болгарской орде Северного Кавказа. Происхождение Σέβερις/ Северь он связывал с тюркским: Sabir / Savir⁴. Но потом, как уже отмечалось выше, самоназвание славян Черниговщины было связано с иранским *sēi*, *sēw* (черный). Происхождение волынцевских памятников первоначально связывалось В. В. Седовым с ираноязычным салтовским, но уже славянизированным населением⁵. Впоследствии, однако,

¹ Степи Евразии в эпоху средневековья. — С. 238.

² Приходнюк О. М. Ук. соч. — С. 76.

³ Сухобоков О. В. Ук. соч.

⁴ Вернадский Г. В. Ук. соч.

⁵ Седов В. В. Балто-иранский контакт в Днепровском Левобережье // Советская археология. — 1977. — № 3. — С. 52—62.

он отверг собственные идеи. «Ныне, — писал он, — все эти положения и догадки имеют чисто историографический интерес». Однако вряд ли убедительнее новое его предположение, что «этноним север был принесен в Поднепровье из региона именьковской культуры, среди носителей которой, по всей вероятности, еще сохранялись островки иранского населения»¹. Как раз об обратном свидетельствуют новейшие исследования памятников так называемого царвокурганского круга. Согласно Д. А. Сташенкову, оставившие их сарматы окончательно уходят из этого региона еще до конца III в.² Прежняя гипотеза В. В. Седова убедительно объясняла, например, древнюю гидронимию Северской земли, свидетельствующую о пребывании в ней иранцев еще в скифскую эпоху³. Теперь многое остается без объяснения, и приходится прибегать к неуклюжим заимствованиям из прежней стройной гипотезы. Вслед за В. В. Седовым Ю. Ю. Шевченко тоже говорит о происхождении культуры летописной «северы» от именьковской, из «суварских территорий Волжской Болгарии». Но иранское влияние, которое там ощущается лишь на восточной окраине, было явно слабее, чем в волынцевском ареале. Правда, где-то на Средней Волге должны помещаться Иордановы *Rogas* и *Navego* (Iord., *Getica*, 116). Г. В. Вернадский попытался прочитать первое как «рухс-ас» (светлые асы), а второе сравнивать с иранским *nava/paeuaeg* («новый»); тут имеют место, наверное, лишь созвучия⁴. Поэтому средневолжских суваров пришлось «отправить» не прямо на запад, к Днепру, а сначала далеко на юг, где они «вели войны на Кавказе и заимствовали некоторые иранские культурные элементы, прежде всего, у аланов (пролощенная орна-

¹ Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. — С. 192.

² Сташенков Д. А. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I—V веках н.э. — М., 2005. — С. 47.

³ Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. — С. 138.

⁴ Вернадский Г. В. Ук. соч.

ментация на посуде)»¹. Но это аланское влияние из салтовского ареала шло в соседний волынцевский, конечно, напрямую, а не кружным путем через Среднее Поволжье и Северный Кавказ.

Итак, нет нужды искать как славянское, так и иранское начало волынцевской культуры где-то в ареале именьковской. Если не использовать и дальше только поверхностное их сравнение, то между обеими сразу отчетливо проявляются существенные несовпадения по всем основным признакам: территории, типу поселений, жилищ, отопительных устройств, керамике, погребениям. Наверное, дальнейшее развитие именьковских культурных традиций по-прежнему протекало на Средней Волге и Нижней Каме. С другой стороны, происхождение волынцевской культуры также, скорее всего, связано с ее собственной территорией. Таким образом, археологические источники подтверждают письменные, в которых «северь» и «ас-сакалиба» всегда упоминаются совершенно независимо.

Имеется, однако, еще одна проблема. Для некоторых славянство именьковцев априорно. Согласно В. В. Седову, оно было автоматическим результатом их происхождения, черняховского и пшеворского. Существенные славянские составляющие в обеих этих общностях предполагались им издавна². Однако, как было показано выше, сама структура обеих этих культур принципиально отличалась от таковой у культуры раннеславянской, воспроизводя на самом деле именно древнегерманскую модель. Безоговорочное отождествление пшеворской культуры с «венедскими славянами» является теперь несомненным анахронизмом. Если велико-

¹ Шевченко Ю. Ю. Культурний імпульс і історична доля: від болгар-савірів до східнослов'янської сівери середньовічного Чернігова // Проблеми історичного і географічного краєзнавства Чернігівщини. Вип. II. — Чернігів, 1993. — С. 8—13.

² Седов В. В. Формирование славянского населения Среднего Поднепровья // Советская археология. — 1972. — № 4.

лепная культура Sântana de Mureș — Черняхов явно многовариантна и, очевидно, была полиэтнична, то культура пшеворская понимается теперь в качестве «довольно единой культурной общности»¹. Однако такое единство противоречит вновь и вновь предполагаемой полиэтничности этой культуры. Видимо, «полиэтничность» здесь — некий псевдоним славянской принадлежности. Точно так же, как В. Д. Бараном для пшеворской, славянское *incognito* предполагалось В. В. Седовым и для черняховской культуры. «В составе вельбарских переселенцев, — писал он, — были и славяне, и германцы. ...В условиях территориального смешения и формирования единой культуры отдельные германские элементы могли быть восприняты славянами и, наоборот, славянские черты перенесены германцами»². Но ведь таким новым методом (с точностью до наоборот), предлагавшимся им вместо прежнего ретроспективного, может быть аннулирована едва ли не вся этноархеология... Однако она, наверное, все же располагает возможностями для корректной атрибуции, и, надеюсь, мы еще не раз будем иметь возможность в этом убедиться.

Очевидно, что пшеворско-зарубинецко-липицкое по происхождению население Подолии и Волыни после рубежа эры уже по той простой причине, что оно само им не обладало, вряд ли могло сообщить некое славянское начало кому бы то ни было: как черняховской культуре, так и именьковской, или же именьковской посредством черняховской. В. В. Седовым исходным регионом миграции в Поволжье предполагается Волынь и Подолия, как та часть черняховской территории, где существенная роль принадлежала пшеворским и зарубинецким элементам³. Также и

¹ Godłowski K. «Superiores barbari» und die Markomannenkriege im Lichte archäologischer Quellen. — S. 329.

² Седов В. В. Славяне. Историко-археологическое исследование. — С. 171.

³ Седов В. В. Славяне в древности. — С. 315.

по Г. И. Матвеевой, на рубеже IV—V вв. н.э. оттуда прибывают черняховские переселенцы, основатели «классической именьковской культуры». И в самом деле, «классическая» именьковская посуда, например, со Старо-Майнского, а также с самого Именьковского городища вполне сравнима с черняховской¹. Здесь есть аналоги нескольких типов, согласно классификации В. Д. Барана. Например, высокие округлобокие горшки аналогичны найденным в Бовшеве II и Черепине, тип I, подтип А (рис. 14: 73). Подтип Б включает небольшие приземистые горшки, наподобие найденного на Старо-Майнском городище (рис. 14: 74, 90). Там же представлены и стройные горшки с относительно узким горлом, но широким дном, наподобие выделенных В. Д. Бараном в отдельный тип (рис. 14: 75, 91). Имеются также и биконические кухонные сосуды с наибольшим расширением посредине тулова или выше, как у горшков типа II из Рипнева (рис. 14: 74, 89). Согласно В. Д. Барану, корчаги с широким горлом и узким дном типа V сходны с раннеславянскими пражскими. Но такими же пропорциями, как у найденного, например, в Черепине, обладают также и некоторые крупные сосуды с Именьковского городища² (рис. 14: 76, 93). Итак, создается впечатление большого типологического сходства, которое, к тому же, можно еще и усилить за счет волынцевской посуды. Ведь в коллекциях, например, из Битицы или Волынцева, тоже можно найти аналоги сосудам из тех же типов I, II и V, по В. Д. Барану³ (рис. 14: 62—67). Однако значение таких совпадений вряд ли стоит преувеличивать. Первоначально Л. Окулич предполагалось, например, что тип круглодонного сосуда, так характерный для культуры западнобалтских курганов, мог проникнуть в нее

¹ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Табл. 6.

² Баран В. Д. Черняхівська культура. — С. 80—81.

³ Ср., например: Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. — Рис. 22: 4, 5, 15—17, 22—25.

исключительно из культуры милоградской¹. Однако, как потом выяснилось, круглодонные сосуды практически одинаковой формы — и чаше-, и яйцевидные — появляются независимо друг от друга в самых разных, явно неродственных комплексах железного века — не только в культуре курганов западнобалтских и милоградской, но и в ананьинской на Волге, в карасукской и подчевашевской в Сибири и т.д.² Можно полагать, что совпадения пропорций черняховской, именьковской и волынцевской посуды есть следствие подобного конвергентного, но самостоятельного развития.

Помимо керамики в подтверждение черняховско-именьковских связей Г. И. Матвеева ссылается на образцы металлической бижутерии и поясной гарнитуры³. Вообще для именьковских украшений теперь предполагаются прежде всего именно черняховские прототипы. Уделим этому должное внимание. Такие незамысловатые вещи, как булавки с кольцевидными навершиями, близки, согласно Е. П. Казакову, именно черняховским⁴. Но ведь они распространены чрезвычайно широко и найдены, например, на днепровско-двинском городище Язно, а также на колочинском селище Тайманово⁵

¹ Kunicka-Okulicz L. Uwagi o procesie kształtowania się kultury kurhanów zachodniobałtyjskich we wczesnej epoce żelaza // *Archeologia Polski*, 1966. T 11, Z. 2. — S. 433; Okulicz L. *Kultura kurhanów zachodniobałtyjskich we wczesnej epoce żelaza*. — Wrocław, 1970. — S. 81—82.

² Рассадин С. Е. Западнобалтские курганы и милоградская культура // *Vakara baltai: etnogenezė ir etninė istorija*. — Vilnius, 1993. — С. 125—138.

³ Матвеева Г. И. Происхождение именьковской культуры // <http://www.uis.ssu.samasra.ru/~arch.htm>

⁴ Казаков Е. П. Новые материалы II—III четверти I тысячелетия новой эры в Закамье // *Культуры Восточной Европы I тысячелетия*. — Куйбышев, 1986. — С. 124; рис. 1: 21, 33, 34.

⁵ Поболь Л. Д. О новых археологических памятниках БССР VI—IX вв. // *Славяните и средиземноморският свят VI—XI век*. Международен симпозиум по славянска археология. София,

(рис. 14: 21—24). Зато прогнутые двучленные фибулы I серии, вариант 4-й которых датируется концом IV — началом V в., были названы А. К. Амброзом «этнографической особенностью» как раз черняховской культуры¹. Одна из них, а именно фибула «Амброз 16/2, серия 1, вариант 4» обнаружена и в очажной яме № 13 на Лбищенском городище (рис. 14: 12)². Публикуя ее аналог из Рипнева II, В. Д. Баран специально подчеркнул, что такие же, как и в черняховской культуре, фибулы «в одно и то же или в близкое время использовались разноэтничным населением Европы»³. Действительно, фибулы одного со лбищенским варианта найдены не только в волынском Рипневе, но и в восточных могильниках, Бирском на реке Белой и Борковском на Оке⁴ (рис. 14: 11, 13). Как и на имениковском Маклашеевском II городище, в Борках были найдены также браслеты с утолщенно-коническими концами (рис. 14: 25, 27)⁵. Интересно, что на Лбищенском городище в одной и той же очажной яме вместе обнаружены и такая же прогнутая фибула четвертого варианта, и такой браслет с расширенными концами, украшенными гравировкой. Но для него Г. И. Матвеевой указан только один аналог на киевском поселении Ульяновка I (рис. 14: 26)⁶.

23—29 апреля 1970. — София, 1970. — Рис. 11: 44; Шадыро В. И. Ранний железный век Северной Белоруссии. — Минск, 1985. — Рис. 38: 21.

¹ Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР. САИ, Вып. Д1-30. — М., 1966. — С. 61—62.

² Матвеева Г. И. Раскопки городища Лбище // Археол. открытия 1982 г. — М., 1984, 368. — С. 159.

³ Баран В. Д. Черняхівська культура. — С. 144; табл. 35: 12.

⁴ Kazanski M. Les arctois gentes es «l'empire» d'Hermanaric. — Р. 117; fig. 1: 24, 27.

⁵ Старостин П. Н. Памятники имениковской культуры. Табл. 17: 27; Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. — М., 1987. — С. 94, табл. 40: 1, 15.

⁶ Терпиловский Р. В. Ранние славяне Подесенья III—V вв. — Киев: Наукова думка. — 1984. — Табл. 10: 1.

Однако такой тип браслетов с утолщенно-коническими, или «поршневидными», концами (*die Kolberarmring*), происшедший с Востока, благодаря сарматам получил широчайшее распространение— от Северной Индии до Западной Европы¹ (рис. 14: 28). Конечно, не только в Ульяновке и Роище имеются аналоги удлинненно-овальных железных пряжек. Именьковские очень напоминает, например, найденная в знаменитом королевском кургане Журань около города Брно² (рис. 14: 14—16). Получается, что рискованно связывать лбищенский браслет только с киевской культурой, а лбищенскую фибулу— только с черняховской. На широком фоне своих аналогов эти находки вряд ли отражают прямые и непосредственные связи. Возможно, окольные пути попадания в именковскую культуру оригиналов и копий черняховских украшений помогут объяснить аналоги двупластинчатой фибулы, бронзовой или серебряной, из Алексеевки (рис. 14: 9)³. Она явно принадлежит к тому же типу, что и такая же крупная гладкая фибула с одной головкой из черняховского могильника Николаевка, датируемая IV— началом V в. (рис. 14: 7)⁴. Но такие же обнаружены и в готских могильниках Юго-Западного Крыма, например, в Заморском или Черноречье (рис. 14: 8)⁵. Считается, что, кроме Крыма, также и в других обитаемых готами областях, на Дунае,

¹ Skripkin A. S. Östliche und westliche Neurungen in der materiellen Kultur der Sarmaten der osteuropäischen Steppen in der ersten Jahrhunderten n. Chr. // Kooperation — Kontakt Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. Und 4. Jahrhundert nach Christus. Herausgegeben von C Von Carnap-Bornheim. Internationales Kolloquium des Vorgeschichtlichen Seminars der Philipps-Universität Marburg, 12. — 16-Februar 1998. Neumünster, 2003, Taf. 2: 1—4.

² Poulik J. Žuraň in der Geschichte Mitteleuropas // Slovenská archeológia, 1995, Ft. XLIII, Č. 1, Abb. 47: 1.

³ Буров Г. М. Ук. соч. — С. 241, рис. 29: 4.

⁴ Рикман Э. А. Ук. соч. — С. 241, рис. 29: 4

⁵ Амброз А. К. Ук. соч. — Рис. 13: 10—14.

Апенниннах и Пиренеях представлен один и тот же парадный женский убор. Он состоял из двух крупных фибул, гладких двупластинчатых или рельефных пальчатых, и одной, но крупной, рельефной пряжки. Вне готского ареала этот комплекс представлен лишь отдельными элементами¹. В самом деле, в V в. на Волыни еще обитали готы и, несмотря на то что в Качине обнаружено не их погребение, а клад, там тоже представлена пара гладких двупластинчатых фибул и одна рельефная пряжка². Но вне готского ареала двупластинчатые фибулы находят лишь по отдельности, как, например, в склепе № 5 аланского могильника IV—V вв. Гиляч на Северном Кавказе (рис. 14: 10)³. Одна двупластинчатая фибула была также и в погребении на ул. им. Зенцова в Уфе. По А. К. Амброзу, она несколько отличается от однотипных черняховских IV в. и, возможно, была несколько позднее изготовлена где-то на Кавказе, или здесь же, в местной бахмутинской среде⁴. Влияние бахмутинской культуры на соседнюю с ней с запада четко проявилось в комплексе украшений культуры именьковской. Он включает, например, кольцевые подвески с выпуклинами типа Ахмыловского бахмутинского могильника (рис. 14: 30, 31). В него входят

¹ Амброз А. К. Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма // Краткие сообщ. Ин-та археологии АН СССР. — 1968. — Вып. 113. — С. 10.

² Кухаренко Ю. В. О качинской находке V в. // Древности эпохи великого переселения народов V—VIII веков. — М., 1982. — С. 234—244.

³ Kazanski M., Mastykova A. Les Elements Germaniques dans la Civilisation de la Population du Caucase du Nord à l'époque des grandes Migrations // Kooperation — Kontakt Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und 4. Jahrhundert nach Christus. Herausgegeben von C. Von Camap-Bornheim. Internationales Kolloquium des Vorgeschichtlichen Seminars der Philipps-Universität Marburg, 12.—16-Februar 1998. — Neumünster, 2003. — Fig. 5: 29.

⁴ Амброз А. К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV—VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. — М., 1980. — С. 6, рис. 3: 1.

также и маленькие пряжки с прямоугольными обоями. Такие пряжки из Бирского могильника служили, согласно А. К. Амброзу, застежками для обуви (рис. 14: 17, 18)¹. Итак, в чем же заключается особая, якобы черняховская, специфика лбищенско-именьковского комплекса украшений? Она, скорее, отсутствует, потому что в IV—VI вв. на Средней Волге использовались такие же украшения, как на Нижней Оке или на Белой. На всех этих территориях найдено примерно одинаковое, очень небольшое количество украшений одних и тех же черняховских типов. Эти находки, согласно М. Казанскому, маркируют черняховские торговые связи на востоке². Что они, наверняка, не были этническими, а воспроектировали такие же коммерческие отношения предшествующего периода, показывают, например, роскошные находки в Андреевском кургане I—III вв. на реке Суре в соседней Мордовии. Там обнаружены бронзовые римская чаша и галло-римский котелок, а также фибула типа AVCISSA³. Возможно, эти связи простирались и дальше, если учесть находку такой же фибулы AVCISSA в одном из курганов близ города Томска на юго-западе Сибири⁴.

Но, кроме украшений, западные аналоги предлагаются также и для именковских жилищ. Как известно, связи черняховской культуры с германским миром вплоть до Скандинавии прослежены по географии так называемых «длинных» домов⁵. В. В. Седовым в одну категорию с гер-

¹ Амброз А. К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV—VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. — М., 1980. — Сб. Рис. 7: 21, 22; 11: 14; Старостин П. Н. Памятники именковской культуры. — Рис. 17: 20; рис. 19: 20.

² Kazanski M. Les arctoi gentes es «l'empire» d'Hermanaric. — P. 117.

³ Кропоткин В. В. Римские импорты из Андреевского кургана в Мордовской АССР. Краткие сообщ. Ин-та археологии АН СССР, 1970. — Вып. 119. — С. 32—37.

⁴ Отчет императорской Археологической комиссии за 1895 год. — СПб., 1897. — С. 41—42.

⁵ Магомедов Б. В. Ук. соч. — С. 2.

манско-черняховскими объединена также весьма длинная — 22х4,6 м — жилая постройка на Старо-Майнском городище в Ульяновском Поволжье¹. Однако вряд ли она была выстроена по тому же германскому проекту, что и, к примеру, дома южноволынского поселения Лепесовка (рис. 14: 1). Стены лепесовских домов сделаны из плетня или кольев, обмазанных глиной. Глинобитным, тщательно утрамбованным и заглаженным был и пол в жилой половине этих двухкамерных прямоугольных в плане построек. Другая половина служила хлевом или подсобным помещением, а в обитаемой обязательно размещался один очаг, а также ткацкий станок. М. А. Тиханова в лепесовском жилище вполне обоснованно видела именно *das Stallhaus*. Глинобитные, на каркасно-плетневой основе дома строились в римскую эпоху и в Бранденбурге, и в Померании, и в Ютландии². Древняя *Lehmholztechnik* не забыта в Германии и поныне. Лепесовка датируется рубежом II и III—IV вв. н.э., тогда как старо-майнский «длинный» дом более поздний: V—VI вв. Не имея хозяйственных помещений, он перегородками делился на три жилых, каждое со своим отдельным очагом. Глиняная обмазка стен и пола при его сооружении не применялась, а прокаленная материковая глина встречена лишь в очагах (рис. 14: 4)³. Однако и для такого дома известны этнографические аналоги, но не германские, а финно-угорские. «Древнейшей формой, — пишет А. В. Збруева о домостроительстве удмуртов, — является одноэтажный длинный кенос, внутреннее пространство которого разделено перегородками или пологом

¹ Седов В. В. Славяне. Историко-археологическое исследование. — С. 174, 255.

² Тиханова М. А. Раскопки поселения у с. Лепесовки (К вопросу о происхождении черняховской культуры) // *Aktes du VIIIe Congrès International des sciences prehistoriques et protohistoriques*, Beograd 9—5septembre 1971. Tome premier. — Beograd, 1973. — С. 1059—1063.

³ Богачев А. В. Ук. соч. — С. 159—171.

на отдельные части, по числу брачных пар в семье». Такой же каркасно-столбовой, без глиняной обмазки кенос 40 x 4—6 м, только древний, был исследован на ананьинском Конецгорском городище (рис. 14: 3)¹. Старо-Майнское городище находится в лесной части Среднего Поволжья, т.е. в бывшем ареале ананьинской культуры. Между прочим, ананьинский могильник в урочище Гулькин Бугор расположен в том же Старо-Майнском районе. Но почему бы и каким-нибудь германцам не достигнуть Волги, если другие из их числа однажды высадились даже в самой Африке? Исследователем Старо-Майнского городища так и предполагается, что какая-то группа германского населения дошла сюда и занесла свою домостроительную традицию². Однако, вопреки А. В. Богачеву, происхождение старомайнского «длинного» дома явно менее вероятно, чем местное финно-угорское. С одной стороны, черняховская *Lehmholztechnik* здесь не применялась, с другой, в отличие от лепесовского *Stallhaus*, старомайнский кенос имел принципиально иное значение: это было жилище не отдельной малой, а еще большей патриархальной семьи, жившей под одной крышей, но в своих особых комнатах с собственными очагами.

Из черняховских жилищ как прототипы для средневожских рассматривались не одни только «длинные дома». Полуземлянки и землянки на черняховском поселении Рипнев II в верхнем течении Западного Буга — довольно скромные по размерам, от 10 до 24 кв.м. В. Д. Баран специально отмечает, что на полу у всех рипневских жилищ лежит пласт обожженной глиняной обмазки, рухнувшей, по его предположению, с их кровли (рис. 14: 2)³. Эти рипневские жилища и рассматривались Г. И. Матвеевой как исходный

¹ Збруева А. В. Население берегов Камы в далеком прошлом // По следам древних культур. — М., 1954. — С. 106—129.

² Богачев А. В. Ук. соч. — С. 164.

³ Баран В. Д. Черняхівська культура. — С. 38 сл.

образец для открытых на средневолжском городище Лбище. Но вряд ли это верно. Самой Г. И. Матвеевой подчеркивалось, что лбищенские жилища, как и рипневские, тоже были сожжены¹. Однако ни о чем таком, что напоминало бы обгоревшую глиняную обмазку, исследователями Лбищенского городища не упоминается². Возможно, жилища на Рипневе II более поздние, чем на Лбище. Дата Лбища, по Г. И. Матвеевой, III—IV вв., тогда как рипневский черняховский слой отнесен В. Д. Бараном к V в. н.э. Позднее исследовательница снова стала ссылаться уже не на пшеворские или черняховские, а на зарубинецкие аналоги лбищенских материалов. «Основная масса горшков и мисок городища Лбища,— утверждает она,— находит аналогии в «классической» зарубинецкой культуре, в частности, в верхнеднепровском ее варианте. Несмотря на то что городище Лбище относится к IV в., его керамический комплекс весьма архаичен». То же самое подчеркивается здесь и в отношении жилищ³. Весь комплекс Лбища А. В. Распоповым было предложено рассматривать как связующее звено между зарубинецкой и именьковской культурами. Кстати, как прототипы лбищенских им указаны не черняховские, а зарубинецкие жилища. Но ведь их тоже разделяет хронологический разрыв. Стремясь его как-то заполнить, Г. И. Матвеева, наоборот, этот разрыв усугубила, предполагая, что боковые выступы именьковских жилищ не зарубинецкого, а милоградского происхождения (рис. 14: 5)⁴. Эта деталь домостроительства должна была долго сохраняться латентно, по-

¹ Матвеева Г. И. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тысячелетии н.э. — С. 161.

² Распопов А. В. Исследование городища Лбище на Самарской Луке в 1981 году // Древности Среднего Поволжья. — Куйбышев, 1985. — С. 100—111.

³ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. — С. 103.

⁴ Матвеева Г. И. О происхождении именьковской культуры. — С. 60.

скольку в самих зарубинецких жилищах таких выступов нет. Милоградская хронология никак не соприкасается с именьковской. Но позднеименьковским синхронно одно из раннеславянских поселений VI—VII вв. на востоке Германии. Жилища № 4 и № 19 Дессау-Мозигау имели такие же, как и в милоградских, боковые выступы¹. Но такая деталь не была специфически славянской. Тогда же, в VI—VIII вв., в другой части Евразии на Среднем Иртыше угро-самодийцами создана подчевашевская культура. На ее Узловском городище в одной полуземлянке в углу тоже был прямоугольный выступ². Антропо- и зооморфная пластика для зарубинецкой культуры не характерна, так же как и подобные выступы. Но Г. И. Матвеевой к элементам западного происхождения причислены также и именьковские статуэтки (рис. 14: 35—36). «С милоградским влиянием на предков-зарубинцев, — пишет она, — связано появление в именьковской культуре многочисленных вылепленных из глины фигурок животных»³. Однако похожие найдены гораздо ближе, например, на дьяковских памятниках в Верхнем Поволжье (рис. 14: 37)⁴. Аналоги именьковских глиняных фигурок П. Н. Старостиным указаны, в том числе, среди находок из Подчевашевских курганов Сибири. Изготовление таких фигурок было широко распространено у

¹ Brachmarin H.— J. Die Funde der Gruppe des Prager Tzps in der DDR und ihre Stellung im Rahmen der frühslawischen Besiedlung dieses Gebietes // *Slavia antiqua*, 1983, Т. 29., Abb. 3—4.

² Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. — М., 1987. — С. 185; Табл. 76: 10.

³ Матвеева Г. И. О происхождении именьковской культуры. — С. 67.

⁴ Дубынин А. Ф. Результаты работ Можайской экспедиции // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии. 1963. Вып. 94, рис. 15; Смирнов К. А. О назначении керамических фигурок с дьяковских городищ // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии. 1975. Вып. 142. — С. 106—108.

различных групп земледельческо-скотоводческого населения, пишет он¹. Однако это не значит, что умение изготовления таких фигурок пришло в именковскую среду непременно откуда-то издалека. В Самарском Поволжье из разрушенных погребений могильника IV тыс. до н.э. у села Съезжее также происходят фигурки лошадей, так что их изготовление является в именковском ареале очень древней автохтонной традицией² (рис. 14: 38).

Происхождение именковской культуры Г. И. Матвеева пыталась проиллюстрировать различными категориями украшений, имеющих по ее мнению, уже не субстратный, а непосредственно зарубинецкий «этнический характер». Это, например, «кольцевые» застёжки³. Речь идет о подковообразных фибулах или сюльгамах (рис. 14: 32). Их финно-угорское происхождение Г. И. Матвеевой оспорено потому, что пьяноборские сюльгамы относятся лишь к I в. н.э., а зарубинецкие из могильников Велемичи I и Чаплин — ко II—I вв. до н.э. Зарубинецкие она считает вообще самыми ранними в Восточной Европе⁴. Однако это неверно. Л. Д. Поболь, например, ссылаясь, что сам тип подковообразных фибул заимствован зарубинецким населением из скифского мира. Прототипы чаплинских сюльгам указаны им в воронежских «Частых» курганах IV—III вв. до н.э. (рис. 14: 29)⁵. Оттуда они могли распространиться, конечно, не только в зарубинецкой среде Полесья и Поднепровья, но и в Поволжье.

¹ Старостин П. Н. Памятники именковской культуры. — С. 21.

² Васильев И. Б., Матвеева Г. И. Могильник у с. Съезжее на р. Самаре // Советская археология. — 1979. — № 4. — С. 169, рис. 3: 6.

³ Матвеева Г. И. О происхождении именковской культуры. — С. 70.

⁴ Матвеева Г. И. Материальная культура именковцев // <http://www.uis.ssu.samarsa.ru/~arch.htm> // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. — С.95—97.

⁵ Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры). — Минск, 1971. — С. 105, 161.

В Самарском Заволжье именковским предшествуют памятники славкинского типа, для которых тоже предполагается дальнейшее западное происхождение, но не зарубинецкое, а пшеворское. Г. И. Матвеева попыталась его конкретизировать, назвав их прототипом поселение I—III вв. н.э. Подберезцы на Львовщине. Но из славкинской керамики полностью тождественны найденным в Подберезцах оказались, видимо, одни конические пряслица (рис. 14: 41—49). Их Г. И. Матвеева пыталась использовать не только как этнокультурный, но и как хронологический определитель. Ведь никаких датирующих вещей ни на одном из трех известных славкинских памятников найти не удалось. «Судя по тому, что конические пряслица имеют широкое распространение во II—IV вв., а также учитывая большое сходство с пшеворскими древностями I—III вв., — пишет она, — с известной долей вероятности можно датировать памятники славкинского типа II—III вв.»¹ Однако хронология конических пряслиц была гораздо шире. Здесь нет нужды приводить их подробную сводку. Отметим, что они в большом количестве и в различных вариантах изготавливались еще в скифское время, например, на великом Вельском городище, возникшем на рубеже VIII и VII вв. н.э.² Материалом служила не только глина, но также свинец, как у конических пряслиц типа 5 из Степной Скифии, датированных IV в. до н.э.³ II—V вв. н.э. датируется тип 2 грузиков дьякова типа в виде усеченного конуса, которые практически идентичны соответствующему типу пряслиц, как славкинских, так и пшеворских⁴. Но Д. Н. Козаком даже не делается попытка как-то датировать пшеворские пряслица любой из известных форм. Зато комплексы жилищ 7, 9 и 22 в Подбе-

¹ Матвеева Г. И. Хронология именковской культуры // <http://www.uis.ssu.samasra.ru/~arch.htm>

² Шрамко Б. А. Вельское городище скифской эпохи (город Гелон). — Киев, 1987. — Рис. 14: 16—18, 25: 10.

³ Гаврилюк Н. А. Прядение у степных скифов // Скифы Северного Причерноморья. — Киев, 1987. — С. 121—122, рис. 1: 8—11.

⁴ Дьяковская культура. — М., 1974. — С. 64—65.

резцах отнесены им к заключительной фазе этого поселения также и потому, что в первом из них была обнаружена бронзовая фибула, датирующаяся второй половиной II—III в.¹ Это как раз время славкинских памятников, по Г. И. Матвеевой. Для ребристых мисок со Лбища, как уже отмечалось, ей удалось подыскать довольно много пшеворских аналогий в Спицымеже. Ребристые сосуды были одной из ведущих форм в указанных поздних комплексах поселения Подберезцы. На славкинских памятниках таковых практически нет, и поэтому близость этих синхронных, по мнению Г. И. Матвеевой, керамических серий на поверку далеко не полная (рис. 14: 53—54, 55—58, 76—86). Но семь конических пряслиц выявлены также и в позднечерняховских комплексах Рипнева II, датирующихся, как уже говорилось, вплоть до V в. н.э. Итак, датировка славкинских памятников с помощью конических пряслиц ненадежна. Не обязательно, чтобы эти памятники представляли со лбищенскими последовательные ступени развития. Не исключено, что на самом деле между ними имеется хронологический разрыв. Но также нельзя исключить, что они синхронны. Ведь к славкинским Е. П. Казаковым было отнесено селище Полянки, датированное им III—IV вв. Здесь отмечаются находки лощеных остросереберных сосудов и глиняных крышек, связанных, согласно Е. П. Казакову, с черняховской культурой. С ней связываются также и массивные глиняные конусы с продольным отверстием, имевшие, по его мнению, культовое назначение². Однако такие же есть не только в черняховском Поднепровье, но и на полпути от него, в позднекиевских комплексах, притом их одинаково считают оттяжками ткацких станков (рис. 14: 33—34, 39, 40)³. Итак,

¹ Козак Д. Н. Пшеворська культура у Верхньому Подністрів'ї і Західному Побужжі. — С. 25, 40—41, рис. 40: 11—16.

² Казаков Е. П. Новые материалы II—III четверти I тысячелетия новой эры в Закамье. — С. 120—124.

³ Баран В. Д. Черняхівська культура. — С. 103, табл. 26; Терпиловский Р. В. Ук. соч. — Рис. 15: 1—3; Обломский А. М.

получается, что обе группы переселенцев с запада, лбищенских и славкинских, могли прибыть на Среднюю Волгу одновременно. Как предполагает В. В. Седов, эти группы принадлежали к единому этносу и были родственны по языку¹.

Для предполагаемых дальних миграций надо было указать какой-нибудь мотив. Поэтому Г. И. Матвеева и ссылается, видимо, на некий «кризис пшеворской культуры» в I в. н.э.² Однако исследователи археологии Северо-Западной Украины его не фиксируют вовсе. Наоборот, здесь тогда явно происходило дальнейшее успешное развитие пшеворской культуры. Оно выразилось, в частности, в появлении новых пшеворских поселений по Горыни, Икве и Стыри, на плодородных почвах Волынской возвышенности³. Для миграции, которая в конечном счете привела к возникновению на Средней Волге нескольких селищ славкинского типа, Е. В. Максимовым были указаны совсем другие истоки и причины, по-видимому, гораздо более реальные. Двигаясь на восток, пшеворские переселенцы не могли миновать Поднепровья. Их появление там засвидетельствовано пшеворско-зарубинецкими могильниками: Вишенки, Пуховка, Таценки, Хотяновка и др. (рис. 14: 59—61). Судьба среднеднепровского населения сложились совсем не так благополучно, как у волыно-подольского. Если там кризис был мнимым, то в Среднем Поднепровье — самым настоящим, и разразился он как раз в I в. н.э. Как уже отмечалось, тогда происходит разрушительное нашествие в регион степных кочевников, по нашему мнению, сарматов-аланов. Эта сарматская агрессия, по Е. В. Максиму, повлекла за собой целую серию миграций, в том числе и в восточном направлении. Очевид-

---

Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I—V вв. н.э. — Москва — Сумы. 1992. — Рис. 32: 14.

¹ Седов В. В. Славяне в древности. — С. 315.

² Матвеева Г. И. Хронология именковской культуры.

³ Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. — С. 24.

но, что среди этих вынужденных переселенцев могли оказаться не только зарубинецкие, но и пшеворские жители Среднеднепровского Правобережья¹.

На наш взгляд, вопреки Г. И. Матвеевой и В. В. Седову, памятники как лбищенского, так и славкинского типа должны корреспондироваться не с волыно-подольскими, а с гораздо более восточными пшеворскими местонахождениями. Известно, что для зубрицких памятников характерно соединение пшеворских особенностей с зарубинецкими. «Мало кто знает, что нечто подобное, правда, в меньших масштабах, происходит и на крайнем востоке позднезарубинецкой территории», — сообщают А. М. Обломский и Р. В. Терпиловский. Ими в верховьях Северского Донца открыта картамышевская группа раннеримского времени, в сложении которой участвовали, помимо основных, зарубинецких, также и пшеворские элементы (рис. 14: 68—72). Предполагается, что данная группа средневропейского населения, проникавшая в I—II вв. так далеко на восток, не могла быть особенно многочисленной. Однако эти памятники маркируют, по его мнению, «какой-то путь, хорошо известный центрально-европейским варварам, по которому их племена могли проникать в глубину Днепровского Левобережья»². И, по-видимому, гораздо восточнее. Это направление миграции пшеворских «варваров» было отслежено Е. В. Максимовым. Сперва они, как уже сказано, достигают Среднего Днепра. Небольшие размеры могильников и отдельные захоронения указывают на кратковременность пребывания здесь населения, «находившегося, по-видимому, в движении». Его результатом было появление картамышевских памятников на

---

¹ Максимов Е. В. О контактах населения Центральной Европы с зарубинецкими племенами Среднего Поднепровья // *Stratum plus* Петербургский археологический вестник. — 2000. — № 4.

² Обломский А. М., Терпиловский Р. В. О связях населения Центральной Европы и востока Днепровского Левобережья в латинское и раннеримское время // *Kultura przeworska*. — Lublin. — 1994. — С. 163—164.

Днепро-Донецком водоразделе. Но это тоже лишь промежуточный этап. Особенностью пшеворско-зарубинецкой миграции I—II вв. был ее пространственный размах. Она достигает Средней Волги, где в результате появляются селища славкинского типа¹. Зарубинецким элементам в лбищенских комплексах можно найти лучшее объяснение, чем у Г. И. Матвеевой. Больше нет необходимости настаивать на их хронологически нереальной связи с Чаплиным на Верхнем Днепре. Лбищенская керамика зарубинецкого облика неплохо корреспондируется с картамышевской. Для славкинской керамики Г. И. Матвеевой отмечаются те же пшеворские особенности, что А. М. Обломским и Р. В. Терпиловским для картамышевской, а Е. В. Максимовым — для предшествующей ей среднеднепровской.

Итак, процесс сложения именковской культуры можно представить иначе, вне какой бы то ни было связи со Средним Поднепровьем или Волынским Полесьем. В Самарском Поволжье неавтохтонными по происхождению явно были славкинские и лбищенские памятники. Обратим внимание на их малочисленность в сравнении с шестьюстами именковскими. Славкинские памятники уступают числом даже картамышевским. Это всего три селища: Славкино I, Славкино II, а также Крепость Кондурча на реке Кондурче в левобережье Средней Волги. Памятников второго типа, правда, вдвое больше: по городищу с примыкающим селищем у Лбища и Переволочного, и отдельное селища Карлинское III, Новый Путь² и Полянки. Впрочем, само Лбище просуществовало недолго, внезапно погибнув в результате захвата и пожара. В одной из построек этого городища был найден, например, явно непогребенный человеческий череп³. Видимо, к памят-

¹ Максимов Е. В. О контактах населения Центральной Европы с зарубинецкими племенами Среднего Поднепровья.

² История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. — С. 95—105.

³ Распопов А. В. Ук. соч. — С. 105.

никам этого же типа добавляется еще полдесятка селищ, расположенных у деревень Сиделькино и Тимяшево. Очень интересным представляется вывод Д. А. Сташенкова о соотношении именьковских и этих доименьковских древностей в Самарском Поволжье. Прекращение существования здесь памятников типа Лбища и Тимяшева произошло, по его мнению, в результате массового проникновения «кочевников гуннского круга» на рубеже IV—V вв., тогда как сама именьковская культура как таковая появляется не ранее V в. «Важно отметить, — пишет Д. А. Сташенков, — что по материалам Самарского Поволжья не прослеживается непосредственная связь предыменьковского или раннеименьковского времени (Лбище, Сиделькино, Тимяшево) и собственно памятников именьковского круга»¹. Данный тезис сам по себе аннулирует значительную часть аргументов в пользу западного происхождения собственно именьковского населения. Ведь Г. И. Матвеева, в частности, исходит из того, что названные предыменьковские памятники были оставлены его непосредственными генетическими предшественниками.

Предполагалось, что в первых веках нашей эры Самарское Поволжье было слабо заселено, и поэтому зарубинецко-пшеворские элементы будто бы сохранили здесь свою «этническую чистоту и однородность»². Однако более углубленные исследования, в частности, микроскопический анализ лбищенской керамики, это предположение фактически опровергли. Н. П. Салугиной предполагается, что в сложении культурного облика населения, оставившего городище Лбище, принимали участие несколько групп населения, глубоко различных в культурном отношении. Этими группами были, во-первых, местная городецкая, проявлявшая себя в лоскутно-комковом способе лепки

¹ Сташенков Д. А. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I—V веках н.э. — С. 46.

² Матвеева Г. И. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тысячелетии н.э. — С. 160.

начина по объемной форме, и, во-вторых, пришлая зарубинецкая, с которой Н. П. Салугиной связываются на Лбище спирально-жгутовые полые начини¹. Этот новый результат подтверждается давно известными сведениями, например, о костяных наконечниках стрел, в именинковой культуре весьма многочисленных (рис. 14: 50—52)². Объяснить их появление наследием зарубинецкой культуры невозможно, поскольку в ней ничего похожего нет. Зато разнообразные костяные наконечники издревле были широко представлены в автохтонной городецкой культуре³. «Самарская Лука являлась пределом зарубинецко-пшеворского продвижения на восток, — пишет Е. В. Максимов. — Судьба этих западных пришельцев была обычной, они постепенно растворились в местном угро-финском субстрате, хотя особенности их культуры сохранялись здесь еще достаточно долго...»⁴

Хотя интересная проблема происхождения именинковой культуры и располагается явно вне рамок славянского этногенеза, сошлемся на один важнейший источник, которым приверженцы идеи ранней славянизации Среднего Поволжья почему-то пренебрегают. А ведь Иорданова «*Getica*» относится к VI в., т.е. как раз ко времени расцвета именинковой культуры. Повествуя об *Arctoi gentes*, отдаленных «северных» племенах также и вдоль Волги, готский историк ее ареал обойти не мог. У него названы *Merens*, *Mordens*, *Imniscaris* и *Rogas*. Согласно Е. Ч. Скржинской, этот перечень племен в итинерарии, который послужил источником для Иордана, свидетель-

¹ Салугина Н. П. Технология изготовления керамики на городище Лбище (по результатам микроскопического анализа) // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. — Куйбышев, 1986. — С. 105—117.

² Старостин П. Н. Памятники именинковой культуры. — Табл. 16.

³ Трубникова Н. В. Племена городецкой культуры // Труды ГИМ. 1953. Вып. 22. — С. 92, рис. 40.

⁴ Максимов Е. В. О контактах населения Центральной Европы с зарубинецкими племенами Среднего Поднепровья.

ствуется о направлении этого торгового пути: вниз по всей Волге. Во-вторых, считает она, упоминаемыми при этом Иорданом названиями доказывающегося существование в VI в. соответствующих этнических групп. Иордановы *Merens* соответствуют летописной мере, *Mordens* — мордве, а *Imniscaris* — мещере¹. Как археологические соответствия им названы дьяковская, городецкая и азелинская культуры². Далее, начиная с Иордановых *Rogas*, локализация, к сожалению, оказалась уже менее надежной. «Наиболее вероятно, — предполагал Б. А. Рыбаков, — что под «рогами» Иордана надо понимать «ургов» Страбона. На самой восточной окраине восточноевропейских степей, за сарматами (восточнее их), лежит страна ургов...»³ Однако на самом деле эти *Oūrōi* помещены у Страбона на противоположной — самой западной — окраине южнорусских степей и даже на Дунае: «Все пространство... между Борисфеном и Истром, занимают... язиги-сарматы, так называемые царские, и урги; все они по большей части кочевники, но немногие занимаются и земледелием; эти последние, говорят, живут также по Истру, нередко на обоих берегах его» (Strabo, VII: 17). Однако в именковском ареале, обнимающем также и нижнее течение Суры, в нее впадает река Урга. М. Н. Погребовой и Д. С. Раевским ее название приводилось в связи с вопросом локализации древнего народа, а именно *Iúrkaí*, которых упоминает Геродот⁴. Согласно В. Томашеку, от угорского *ôgor* — «высокий» — происходит не только это *Iúrkaí*, но еще и *Iúrai*, или *Jugra*, а также *Oüyyroi*, *Ongry*, т.е. мадьяры, венгры, угры⁵. В

¹ Иордан. Ук. соч. — С. 266.

² Kazanski M. Les aretoi gentes es «l'empire» d'Hermanaric. — P. 80, 95.

³ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. — М., 1988. — С. 34.

⁴ Погребова М. Н., Раевский Д. С. К вопросу об «отложившихся скифах» (Herod., IV, 22) // Вестник древней истории. — 1989. — № 1. — С. 49.

⁵ Tomaschek W. Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden // Sitzungsberichte der Kaiserliche Akademie der Wissenschaften in Wien. Philologisch — historische Classe. Bd. 67, 1888. — S. 44.

этой связи нельзя не заметить, что, например, согласно М. М. Казанскому, именно с уграми как раз и корреспондируются Иордановы Rogas. И именно их Б. А. Рыбаков поместил как раз в ареале именьковской культуры¹.

Это еще не означает, конечно, что таким вот образом и решается окончательно вопрос о ее этнической принадлежности, но здесь важно, что она, во всяком случае, вряд ли может быть славянской также и по Иордановым данным. Ведь во всей этой его диафесе, от *Golthescytha* до *Coldas*, у Иордана нет ни малейшего намека на какое-нибудь родство с хорошо известными ему племенами *Antes* и *Sclaveni*.

В. В. Седов надеялся, что этнос именьковского населения «может быть определен анализом его последующей истории»². Но метод археологической ретроспекции в данном случае явно не сработал. Условия корректного применения этого метода были в свое время оговорены самим же В. В. Седовым. «Археологу, — писал он, — прежде всего необходимо приложить максимум усилий для этнического определения той или иной археологической культуры по данным своей науки, и только потом допустимы сопоставления полученных результатов с выводами; других наук»³. Но когда В. В. Седов обратился к именьковской тематике, преимущество перед археологическими явно получили источники письменные. Отказ от прежней гипотезы о происхождении волынцевской культуры и летописных северян в пользу их средневолжского именьковского происхождения явно произошел потому, что ее автору не удалось устоять перед арабскими рассказами о «реке Сакалиба» и обитающем на ней одноименном народе, кото-

¹ Kazanski M. Les arctoi gentes es «l'empire» d'Hermanaric. Р. 76; Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. — С. 30, 35, рис. 3.

² Седов В. В. Славяне в древности. — М., 1994. — С. 315.

³ Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. — С. 39.

рый В. В. Седовым безоговорочно принимается за славян. Кстати, в истории этноатрибуции именниковской культуры уже наблюдается одна характерная черта. Если ранее многие авторы настаивали на именно славянской ее принадлежности, то теперь речь идет уже о полиэтничности¹. Точно так же дело обстояло и с пшеворской, и с зарубинецкой, и еще со многими культурами, оказавшимися, на поверку, вовсе неславянскими. Итак, настоящая родина славянства явно была где-то много западнее Волги.

§ 2. Или НА ПРИПЯТИ?

Именниковская культура на Средней Волге возникла вследствие того, что сарматы увели туда часть «зарубинцев» из Полесья, — предполагалось М. Б. Щукиным². По крайней мере, эта экстравагантная гипотеза соединяет оба наиболее популярных теперь варианта территориальной локализации славянской прародины. Но если средневожский вариант появился буквально в настоящее время, то припятский — в середине прошлого века. «*Samo serce slowiańcszczyzny*» — так поэтически была названа тогда территория между Вислой, Карпатами и Припятью К. Тыминиским³. Лингвистическое обоснование такого расположения «славянской прародины» было предложено русским славистом Ф. П. Филиным. Он, исходя из отсутствия в праславянском языке специальных обозначений соответствующих ландшафтов, пришел к следующему выводу: «Прародина славян... находилась в стороне от морей, гор и степей, в лесной полосе умеренной зоны, богатой озерами и болотами»⁴. Было решено, что она

¹ Сташенков Д. А. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I–V веках н.э. — С. 46.

² Щукин М. Б. На рубеже эр. — СПб., 1994. — С. 237.

³ Tyminieski K. Droga Gotów na południe // Archeologia, 1949, T. 3. — S. 113–116.

⁴ Филин Ф. П., 1962. Образование языка восточных славян. — М., Л., 1999. — С. 122.

располагалась где-то между Лесными Карпатами и Средним Днепром: т.е. как раз в Припятском Полесье.

Безусловно, заманчиво было объявить ту или иную археологическую культуру славянской (ранне-, пра-, наконец, просто протославянской) на столь очевидном, казалось бы, основании ее территориального соответствия этой самой «славянской прародине». Разные исследователи изучавшиеся ими разновременные культуры датировали очень различно, но одинаково интерпретировали их как славянские, пользуясь при этом одним и тем же только что названным аргументом. Среди них оказалась и культура полесского неолита четвертого— второго тысячелетий до н.э.¹, и восточнотшинецкая XVI—XI вв. до н.э.², и скифоидная лесостепная VII—III вв. до н.э.³, и милоградская VI в. до н.э. — I в. н.э.⁴, и зарубинецкая II в. до н.э. — I в. н.э.⁵. Основываясь на этом соответствии, Б. А. Рыбаков попытался разработать целую концепцию этногенеза. «Основа концепции, — писал он, — элементарно проста: существуют три добротные, тщательно составленные разными исследователями археологические карты, имеющие, по мнению ряда ученых, то или иное отношение к славянскому этногенезу. Это — в хронологическом порядке — карты тшинецко-комаровской культуры XV—XII вв. до н.э., раннепшеворской и зарубинецкой культур (II в. до н.э.— II в. н.э.) и карта славянской культуры VI—VII вв. н.э. типа Прага-Корчак. ...Тождество трех карт, конечные хронологические точки которых отстоят друг от друга более чем на две тысячи лет, — важная путеводная нить в поисках

¹ Исаенко В. Ф. Неолит Припятского Полесья. — Минск, 1976. — С. 119.

² Березанская С. С. Средний период бронзового века в Северной Украине. — Киев, 1978. — С. 192.

³ Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. — М., 1979. — С. 96.

⁴ Мельниковская О. Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. — М., 1967. — С. 179.

⁵ Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. — М., Л., 1966. — С. 195.

того конкретного географического пространства, на котором развивалась история славянства». Этим пространством у него оказалась, конечно, «славянская прародина», по Ф. П. Филину¹. Такая концепция сторонников, однако, не приобрела, да и не могла приобрести. Ведь совершенно не ясно, например, на каком основании часть культуры пшеворской объединена именно с зарубинецкой? Вполне очевидно, что Б. А. Рыбакову пришлось сделать это ради того, чтобы получить некое территориальное соответствие двум другим необходимым ему ареалам: тшинецко-комаровскому и пражскому. Совсем не решенным остался у Б. А. Рыбакова весьма существенный для всей его концепции вопрос последовательной увязки всех этих культур друг с другом. Согласно М. Б. Щукину, связи между ними оказались слишком слабыми, и держались они на априорно принятой автохтонности этих культур².

Как и любая другая наука, археология также старается избежать произвольных трактовок, но это, к сожалению, удается ей не всегда. Например, тот же Б. А. Рыбаков, а также Е. А. Петровская оперировали одним и тем же аргументом — принадлежностью Киевщины к праславянской территории, но получили разные результаты, сочтя наиболее вероятным кандидатом на праславянскую принадлежность местные варианты различных культур, скифоидной лесостепной и милоградской³. Помимо милоградской, примерно таким же приблизительным территориальным соответствием гипотетической «славянской прародине» обладают и зарубинецкая культура, также частично ей синхронная. Получается, что выбрать одну из них в качестве «славянской» тоже можно было совершенно произвольно.

¹ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. — М., 1981. — С. 220.

² Щукин М. Б. Рождение славян. — С. 110.

³ Петровская Е. А. Находки скифского времени у с. Казаровичи Киевской обл. // Археологические исследования на Украине в 1968 г. — Киев, 1971. — С. 286—288; Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. — С. 196.

Многие археологи выбрали зарубинецкую: по замечанию В. В. Седова, совершенно априорно¹.

Однако сам же Ф. П. Филин категорически возражал против использования в археологии приема наложения ареалов древних культур на реконструируемые лингвистикой территории. По его мнению, этот прием не в состоянии дать корректные результаты². Однако свои претензии высказали также и археологи. Согласно И. П. Русановой, локализация славянской прародины, по Ф. П. Филину, в стороне от морей, гор и степей, в умеренной зоне Восточной Европы, очень расплывчата. Этим критериям, по ее мнению, вполне соответствовали и польские ландшафты на Висле³. Но, отстаивая свою локализацию для «*serca slowiańcszczyzny*» вне висло-одерского междуречья, Ф. П. Филин воспользовался так называемым «буковым» аргументом. Славянское название бука не оригинальное, а заимствованное из языка древних германцев. Оказалось, однако, что ориентироваться на теперешнюю восточную границу распространения этой древесной породы вплоть до линии Königsberg — Одесса в данном случае было невозможно, так как в древности она была иной, достигая лишь Эльбы⁴. «Из зоотерминологии для определения прародины славян, — писал В. В. Седов, — важны, пожалуй, только названия проходных рыб — лосося и угря. Поскольку эти термины восходят к праславянскому языку, нужно допустить, что славянский регион древнейшей поры находился в пределах обитания этих рыб, т.е. в бассейнах рек, впадающих в Балтийское море»⁵. Оказалось, что этот аргумент, предъявленный вместо «букового», к сожалению, еще менее надежен. *Salmo salar* (лосось) некогда

¹ Седов В. В. Гидронимика и археология средней полосы Восточной Европы // Тезисы докладов, посвященных итогам полевых исследований. — М., 1963. — С. 30.

² Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. — С. 25.

³ Русанова И. П. Ук. соч. — С. 215.

⁴ Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. — М., 1993. — С. 55.

⁵ Русанова И. П. Ук. соч. — С. 22.

в изобилии водился не только в балтийском, но и в черноморском бассейне. Черноморский лосось заходил даже в Березину-Днепровскую. Там же обитала также и громадная популяция *anguilla anguilla*: угрей в прошлом вылавливали из Днепра не только около Киева, но и у Могилева¹. Таким образом, ихтиология местонахождению «славянской прародины» в бассейне Черного моря, в частности, в бассейне Припяти, в принципе, не препятствует.

Здесь имеется весьма существенная проблема отсутствия в Припятском Полесье археологических памятников, которые могли бы претендовать на роль генетического предшественника местных раннеславянских древностей типа Корчак. Территория гипотетической «славянской прародины» поэтому получает наименование «зоны археологической трудноуловимости», «археологической пустоты» и просто «белого пятна»².

Однако все дело в том, что как белорусское, так и волынское Полесье предславянского времени вовсе не было неким вообще необитаемым «белым пятном». Считается, что еще в фазе В2—С1, т.е. в конце II в., сюда проникли отдельные группы «exploratores», «разведчиков», а в фазе С1а—С1b (начало III в. н.э.) здесь обосновывается уже целая группировка носителей вельбарской культуры, выходцев из Нижнего Повисленья. Одна их часть утвердилась в районе плодородных почв Центрального Полесья около нынешнего Столина³.

¹ Берг Л. С. Рыбы пресных вод СССР и сопредельных стран. Ч. 1. — М., 1948. — С. 241; Жуков П. И. Рыбы Белоруссии. — Минск, 1965. — С. 105.

² Мачинский Д. А. К вопросу о территории обитания славян в I—VI веках. — С. 95; Мачинский Д. А. Территория «Славянской прародины» в системе географического и историко-культурного членения Евразии в VIII в. до н.э. — XI в. н.э. // Славяне. Этногенез и этническая история. — П., 1989. — С. 121.

³ Кухаренко Ю. В. Могильник Брест-Тришин. М., 1980; Козак Д. Н. Етнокультурна история Волини (I ст. до н.э. — IV ст. н.э.). — Київ, 1991. — С. 18; Bierbrauer V, 1994. Archäologie und Geschichte der Goten vom 1. — 7 —Jahrhundert. Versuch einer Bilanz. — S. 99.

Дальнейшие археологические исследования на территории предполагаемой «славянской прародины» приводят к открытию новых и новых вельбарских памятников и объектов. Вельбарское жилище, например, было открыто при исследовании раннеславянского поселения Струга I¹. Вполне ясный теперь этнический характер вельбарской культуры не позволяет сомневаться в том, что «славянская прародина» вплоть до самого начала средневековья частично была заселена германскими готами. Готское присутствие в ней было, по-видимому, довольно прочным. Так, согласно М. М. Казанскому, в Волинском Полесье королевство остготов-гевтунгов продолжало функционировать и после гуннского нашествия².

Однако это готское присутствие было связано прежде всего с западной частью так называемой «прародины», распространяясь в первую очередь на Украинскую Волинь и белорусское Побужье. С другой стороны, памятники киевской культуры связаны, по-видимому, с Восточным Полесьем. Здесь крайними юго-восточными из известных ее пунктов являются селища Симоновичи на Нижней Птичи и Савенки в бассейне Тетерева³. «Таким образом, — пишет А. А. Егорейченко, — в фазах C—D Припятское Полесье характеризуется в западной его части слабым присутствием вельбарской культуры, в восточной — киевской. Между ними располагалась зона, не фиксирующая следов присутствия обеих культур. К северу от Припяти, по левым притокам, лежала сильно залесенная и частично заболоченная территория, которая на протяжении

¹ Вергей В. С. Раннеславянское поселение Струга I на Нижней Горыни // *Archeoslavica*. — 1993. — № 2; Белявец В. Вынікі даследвання 2000 г. на могілніку вельбарскай культуры каля в. Пятровічы (уручышча Белая Гара) // *Гістарычна-археалагічны зборнік*. — 2002. — № 17.

² Казанский М. М. Остготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные.

³ Дубицкая Н. Н. Раннеславянское селище Симоновичи на р. Птичь // *Старажытнасці Бабруйшчыны*. — Бабруйск, 1998. — С. 5—17; Терпиловский Р. В. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н.э. — *Lublin*, 2004. — С. 95

столетий оставалась практически не освоенной». По его мнению, запустение этой территории началось еще в раннеримское время и затянулось вплоть до эпохи великого переселения народов¹. В таком случае, соответствие Полесья статусу «славянской прародины» выглядит далеко не полным.

Однако в последние годы здесь постепенно выявляются еще и памятники примерно одновозрастные, некой третьей категории. Например, это находящиеся в Белорусском Побужье грунтовые могильники рубежа первых веков н.э. Радость и Тростяница. На них была получена весьма своеобразная, в том числе ребристая, посуда, орнаментированная как штриховкой, так и пальцевыми вдавливаниями, насечками, или зацепками, — по венчику и тулову. С ними сопоставляются находки фрагментированной керамики со штриховкой в различных пунктах Белорусского Полесья. Для этих материалов указываются различные аналогии, в том числе также в культуре штрихованной керамики². Против этого возражает А. М. Медведев, по мнению которого эти находки штрихованной керамики в Восточной Польше и Юго-Западной Беларуси к собственно культуре штрихованной керамики отношения не имеют. Сходный обряд погребения (преобладание ямных безурновых трупосожжений без каменных конструкций) зафиксирован на могильниках Красносельский и Гриневичи Велькие. В погребальном инвентаре могильников Плитница и Белосток им отмечаются находки ребристых сосудов со штрихованной поверхностью, но с особенностями орнаментации, например пальцевыми вдавливаниями под краем венчи-

¹ Егорейченко А. А. Белорусское Полесье в первой половине I тыс. н.э. // Славянский мир Полесья в древности и средневековье. Материалы междунар. науч. конф. 19—20 окт. 2004 г. — Гомель, 2004. — С. 80—81.

² Белявец В. Беларускае Заходняе Палесся ў перыяд правінцыйнарымскіх уплываў — стан і перспектывы даследванняў // Wspólnota dziedzictwa kulturowego ziem Białorusi i Polski. — Warszawa, 2004. — S. 278—303; Белявец В. Грунтавы могілнік у Трасцяныцы // Гістарычна-археалагічны зборнік. — 2004. — № 19. — С. 87—114.

ка, которые для культуры штрихованной керамики не характерны. По мнению А. М. Медведева, появление подобных памятников объясняется инфильтрацией западнобалтского населения. С ним, таким образом, «вельбарцам» пришлось, наверное, повстречаться снова, на этот раз уже в Полесье. Ведь Иордан пишет, что после ухода гепидов, которые вместе с готами относятся к носителям этой же культуры, остров Гепедойос в устье Вислы заняли видиварии, которые «собрались из разных родов как бы в одно убежище и образовали (отдельное) племя» (Iord., *Getica*, 96). *Vidivaril*, согласно Л. Шмидту, были смешанным племенем из оставшихся на своей родине гепидов и западнобалтских эстиев¹. Вернемся, однако, в наше Полесье.

М. Б. Щукиным было предположено, что предшественники «классических» пражских памятников могут быть обнаружены как раз там². Казалось бы, подтверждение данному предположению тотчас же удалось получить во время раскопок, проведенных А. А. Егорейченко на поселении Остров около Пинска. По его мнению, полученные материалы позволяют ставить вопрос о начале формирования здесь пражской культуры во второй половине IV и не позднее начала V в. н.э.³ Впоследствии эта же датировка была подтверждена И. О. Гавритухиным⁴. Однако в отличие от автора раскопок им используются металлические находки из поверхностных сборов, лишенные точной «привязки». А. А. Егорейченко же опирается в первую очередь на находки датирующих вещей, которые связаны, по его мнению, с комплексом пражского жилища 3. Кстати, сам он пишет о находке в этом жилище округлобокого горшка, поверхность которого покры-

¹ Schmidt L. Die Geschichte der Ostgermanen. — S. 530.

² Щукин М. Б. О трех путях археологического поиска предков раннеисторических славян. Перспективы третьего пути. — С. 115.

³ Егорейченко А. А. Поселение у д. Остров Пинского р-на Брестской области // *Archeoslavica*, 1991, № 1. — С. 61—82.

⁴ Гавритухин И. О. Хронология пражской культуры Белорусского Полесья // *Гістарычна-археалагічны зборнік*, 2003, № 18. — С. 133.

та слабой бессистемной штриховкой, нанесенной, по-видимому, не специально, а «образовавшейся в результате заглаживания». Полностью реконструированный горшок из жилища 1, согласно А. А. Егорейченко, находит точное соответствие среди принадлежащих, по И. П. Русановой, к типу I пражской культуры. Однако М. Б. Щукин, ссылаясь именно на эту публикацию автора раскопок, пишет уже об обнаружении в этих полуземлянках керамики «предпражского» облика, покрытой «киевскими расчесами». «Находка на этом поселении в урочище «Марфинец» фибулы поздне римского времени, — продолжает он, — позволяет подозревать датировку не позже конца IV в. н.э.»¹. Поэтому стоит, по-видимому, приглядеться внимательнее прежде всего к этой, а также и к другим датирующим вещам из этого урочища. Они относятся ко многим эпохам, от мезолита и до позднего средневековья. Культурный слой (очевидно, очень сильно разрушенный), имел здесь «мощность» всего 0,1—0,3 см. Пражская керамика, которую попытался датировать автор раскопок, залегала в трех котлованах жилищ глубиной всего 5—25 см. Считать их надежно закрытыми комплексами, разумеется, невозможно. Тем более что две из трех датирующих находок, на которых основывается А. А. Егорейченко, были обнаружены даже не в заполнении жилища 3, а просто, по его словам, подобраны на поверхности черного пятна, оконтуривавшего постройку. Это фрагмент глазчатой бусины синего «глухого» стекла I в. до н.э. — I в. н.э. (по Е. М. Алексеевой), а также железный наконечник дротика. Его «точные аналогии», по замечанию автора, неизвестны, однако эта находка все же была отнесена как раз ко второй половине IV — первой половине V в. н.э. При этом А. А. Егорейченко признает случайное попадание «в пределы жилища» (?), по крайней мере, одной из этих своих находок, делая, однако, выбор в пользу наконечника. Однако ясно, что связь его с этим жилищем далеко не безусловна. Датировка этого дротика лишь приблизительно, и нельзя исклю-

---

¹ Щукин М. Б. Рождение славян. — С. 110—147.

чить, что он соответствует, как и упомянутая бусина, не пражской, а, например, зарубинецкой керамике, также представленной в поверхностных сборах на поселении Остров. Но здесь имеется еще и 14-гранная бусина синего стекла, для которой указаны аналоги II—IV вв. н.э. Указано также, что она была обнаружена в нижней части заполнения жилища 3. Учитывая, однако, совсем незначительную глубину этого заполнения, нельзя исключить, что находка и этой бусины тоже имеет случайный характер. Если даже допустить непереотложенный характер этой находки, ее прямая связь с пражской керамикой все равно останется сомнительной. Конечно, раннеславянские поселенцы в Острове могли снова использовать подобранную там бусину II—IV вв., но когда именно? В отличие от жилищной западины 3 на Острове, захоронение в кургане 34 средневекового могильника Избище является, несомненно, закрытым комплексом. Однако в составе ожерелья у погребенной в этом кургане имела печеночно-красная, достоверно римского времени бусина в форме параллелепипеда (определение Т. С. Скрипченко. Благодарим ее за разрешение использовать неопубликованные данные). Вторичное использование украшений, и не только их — не такая уж редкость; известно оно и в Полесье¹. У печки в одном из жилищ на древнерусском поселении Зимнее-4 был обнаружен даже сосуд раннебронзового века. «Это не могло быть механической примесью, — пишут авторы раскопок, — вероятно, сосуд был найден людьми X в. н.э. и принесен в жилище как украшение или реликвия»².

Итак, оказалось, что типичным пражским сосудам из Острова все эти вещи с их «предпражскими» датами, конечно, соответствовать не могут. В результате получает-

¹ Рассадзін С. Я. Да пытання аб сувязях старажытнага насельніцтва Беларусі са скіфскімі землямі ў VIII—III стст. да н.э. // Весці НАН Беларусь. Серыя грамадск. навук, 1992, № 2. — С 72.

² Гавритухин И. О., Федотова Е. Н. Раскопки на поселении Зимнее-4 в 1991—1992 гг. // Археологічні дослідження на Україні 1992 року. — Київ, 1993. — С. 43.

ся, что этому памятнику не удалось оправдать возлагавшихся на него больших надежд. Ведь благодаря ему ускорился процесс продвижения в вопросе локализации славянской прародины от мультирегионализма к монорегионализму. «Наиболее известная раннеславянская культура — пражская, — пишет Р. В. Терпиловский, — складывается, вероятно, на основе родственных киевским памятников, находящихся в бассейнах Припяти и Тетерева. Их пока известно крайне мало (Остров и др. в р-не Пинска), и предстоит сделать еще очень многое для их поисков. Лучше известны «протопражские» памятники более западных регионов — на Верхнем и Среднем Днестре и в верховьях Прута. Однако архаичность облика раннесредневековых славянских древностей, их ярко выраженный «лесной» характер указывают, на наш взгляд, что центр их формирования находился в удалении от черняховской периферии»¹. Таким образом он, фактически, отказывается от высказанного им несколько выше мнения о формировании пражских древностей не только в Полесье, но также и на базе периферийно-черняховских древностей типа Черепина². Мы уже ссылались выше на результаты многолетних исследований памятников Рипнев-Черепин В. Д. Бараном. Им были использованы, пожалуй, все возможные аргументы за локализацию «славянской прародины» в Прикарпатье — на Днестре, Пруте, а также в верхнем течении Западного Буга. Одним из основных приводившихся доказательств был смешанный, черняховско-пражский характер материальной культуры этих поселений. Встреченное на них сочетание черняховской гончарной с лепной пражской керамикой в котлованах одних и тех же жилищ рассматривается как наглядное свидетельство перерастания культуры позднеримского времени в раннесредневековую³. Одна-

¹ Терпиловский Р. В. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н.э. — С. 95.

² Там же. — С. 68.

³ Баран В. Д. Черняхівська культура. — С. 163—177.

ко М. Б. Щукин, например, обратил внимание, что славянская посуда представлена в этих полуземлянках полными склеивающимися формами, тогда как черняховская — отдельными фрагментами, целых сосудов не образующими. «Складывается впечатление, — пишет он, — что квадратные славянские полуземлянки с печами-каменками были вырыты в культурном слое сильно разрушенных селищ позднечерняховской культуры. Котлованы покинутых ранними славянами полуземлянок заполнились затем культурным слоем предшествующих черняховских поселений с фрагментами соответствующей посуды, что и создает ощущение единых славяно-черняховских переходных комплексов»¹. Однако на поселении Рашков-3, где отсутствует черняховский слой, черняховская гончарная керамика в заполнении раннеславянских жилищ также встречается. Однако это рассматривается уже не как подтверждение некой генетической связи, а, скорее, как свидетельство возникновения этих жилищ уже в V в., когда последние черняховские элементы еще сохранялись². Аналогия с соседней культурой карпатских курганов напрашивается сама собой. По-видимому, территория древностей Рашков—Рипнев—Черепин также представляла собой не очаг славяногенеза, а была одним из районов такой же очень ранней славянизации местного романизованного — в данном случае черняховского — населения. Этот эпизод у И. О. Гавритухина реконструируется так: «Небольшие славянские группы появляются на Левобережье Среднего Поднепровья, когда здесь господствуют носители Черняховской культуры, «подселяясь» к поселениям последних. В гуннское время славянское присутствие уже довольно ощутимо, славяне появляются и на Днестровском Правобережье. Процесс смешения традиций все больше приобретает «славянскую» направленность. Во второй половине V в.

¹ Щукин М. Б. Рождение славян. — С. 110—147.

² Терпиловский Р. В. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н.э. — С. 67.

славяне уже прочно осваивают Среднее Поднестровье и заселяют верховья Прута»¹.

Заманчиво, разумеется, видеть а этих славянах выходцев из расположенного несколько севернее и северо-восточнее Припятского Полесья. Однако, по нашему мнению, оно также не может быть местом славяногенеза уже по самым естественным причинам. Дело в однородном, монотонном лесоболотном полесском ландшафте. Л. Н. Гумилев, изучив огромное множество вариантов начала этногенеза, пришел к обоснованному выводу, что в подобных ландшафтах новые этносы вообще никогда не возникают. «Подлинными месторазвитиями, — писал он, — являются территории сочетания двух и более ландшафтов»². Поэтому эту полесскую страницу придется перевернуть и отправиться дальше в поисках более подходящих для славяногенеза условий.

---

¹ Гавритухин И. О. Начало великого славянского расселения на юг и запад. — С. 77.

² Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. — СПб., 2002. — С. 217.

ГЛАВА V

СЛАВЯНОГЕНЕЗ

§ 1. НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ПРЯМЫХ

«Исследования древностей зарубинецкой культуры, — писал П. Д. Поболь о себе самом, — производились с позиций диалектического материализма. Все явления рассматривались во взаимосвязи и взаимозависимости»¹. Несмотря на это заявление, практически все древности Белорусского Поднепровья, принимавшиеся им за славянские, на проверку таковыми не оказались. Таким образом, этот «диалектический», «синтетический», «комплексный» и т.д. подход оказался непродуктивным. Впрочем, гораздо ярче его несостоятельность обнаружилась в вопросе о происхождении полинезийцев. Свою южноамериканскую гипотезу Т. Хейердал многие десятилетия страстно отстаивал именно по комплексному методу, а именно — с привлечением аргументов не только из области истории, археологии, лингвистики, но даже спорта (знаменитый рейс «Кон-Тики»). Но все его разнообразные доказательства были в одночасье окончательно и бесповоротно опрокинуты одной-единственной наукой — популяционной генетикой — с помощью ее специфического метода сопоставления последовательностей митохондриальной ДНК. «Мне, — пишет Б. Сайкс, — необходимо было удостовериться в том, что 247, характерный вариант полинезийской митохондриальной ДНК, не слишком часто

---

¹ Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии (свод археологических памятников раннего этапа зарубинецкой культуры — с середины III в. до н.э. по начало II в. н.э.). — Минск, 1974. — С. 361.

встречается у американцев (т.е. у коренных американцев — индейцев.— *C.P.*). Такой вариант у них не встретился. Ни единого раза. Тур Хейердал ошибся»¹.

К чести славянской археологии, она, по крайней мере, иногда отдавала предпочтение не «диалектическому», «комплексному» или «синтетическому», а именно определенному, корректному методу. У советских археологов приобрела большую популярность коллективная западногерманская монография, посвященная народам между галлами и германцами на Рейне². «Ее авторам — двум историкам и лингвисту, — писал В. В. Седов с явным одобрением, — независимо друг от друга на основе археологических, исторических и топонимических материалов удалось обнаружить неизвестную дотоле особую группу индоевропейских племен, в языковом отношении близкую германцам, кельтам и италикам»³. Итак, в принципе понятно, что каждая из наук, обращающихся к тому или иному конкретному случаю этногенеза, должна предложить свое независимое решение. Его правильность подтвердится в случае совпадения с таковым же, полученным самостоятельно другой наукой. Две отдельные прямые должны дать искомую точку их пересечения.

Конечно, возможности той или иной науки выглядят далеко не одинаковыми. В частности, вновь и вновь отмечается пресловутая «безгласность» археологических материалов⁴. Однако она моментально заканчивается как раз в точке пересечения с известиями исторических источников. Классический пример тому приводился А. В. Арциховским. «Археологам известны две удивительным образом совпадающие карты, — писал он. — На одной из них изображаются

¹ Сайкс Б. Семь дочерей Евы / Пер. с англ. Е. Я. Мигуновой. — М., 2003. — С. 93, 108.

² Nachmann R. и др. Ук. соч.

³ Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. — С. 17—18.

⁴ Щукин М. Б., Еременко В. Е. К проблеме кимбров, тевтонов и кельтоскифов: три загадки // АСГЭ. 1999. Вып. 34. — С. 135.

ареалы курганных женских украшений, на другой — летописных племен»¹. Взаимное подтверждение вызвало к жизни такие «комплексные» историко-археологические понятия, как «длинные курганы кривичей», или «новгородские сопки». Роль «Повести временных лет», в общем, не уникальна — такова же была роль «Илиады» в открытии Трои. «Таким образом, хронологическая и территориальная сопоставимость исторических актов с пеньковскими древностями, — утверждает исследователь последних, имея в виду Иордановы известия об Antes и Прокопиевы об Автаи, — привела к выводу об их эквивалентности»². Кстати, как раз данный случай пересечения исторического и археологического информационных рядов оказался для рассматриваемой темы особенно важным.

По образному выражению Л. Н. Гумилева, археологическая культура этноса представляет собой «кристаллизованный след его исторической судьбы»³. Уступая истории, «безгласная» археология обладает по сравнению с ней явным преимуществом в виде практически безграничной возможности увеличения своей источниковой базы. В самом деле, если, к примеру, декрет в честь Протогена был поистине находкой столетия, то археологические сенсации случаются, по крайней мере, несколько раз в течение одного десятилетия. А по сравнению с лингвистическими данными, которым зачастую не хватает ни территориальной, ни хронологической определенности, данные археологические обязательно обладают точной пространственно-временной привязкой⁴. Однако лингвистика, изучающая славянский глоттогенез, вовсе не спешит признавать первенство за археологией. Скорее, даже наоборот. «Этногенез и культура древнейших славян» — такое весьма красноречивое название имел итоговый труд

¹ Арциховский А. В. В защиту летописей и курганов // Сов. археология. 1937. Т. 4. — С. 53.

² Приходнюк О. М. Ук. соч. — С. 77.

³ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. — С. 25.

⁴ Терпиловский Р. В. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н.э. — С. 11.

признанного лидера одного из ее направлений¹. Впрочем, О. Н. Трубачев всегда исходил из того, что праславянский язык представлял собой, собственно говоря, один из древнеиндоевропейских диалектов. Сутью своей концепции он считал предполагаемое древнее обитание их в Центральной Европе, а также не менее древнее знакомство их со Средним Дунаем. Но как обосновать наличие около рубежа энеолита и бронзы также еще и праславянских древностей где-то в Венгрии? Лингвистическая «прямая» у О. Н. Трубачева явно не пересекалась с археологической. «...С точки зрения археологии и истории, эту гипотезу в целом было бы очень сложно подтвердить объективными свидетельствами», — замечает М. Б. Щукин². Однако сам автор концепции явно отнесся к археологическим данным, руководствуясь принципом «тем хуже для фактов». «Возвращаясь к своей основной, «дунайской» теме, — заявлял О. Н. Трубачев, — отмечу, что она иногда квалифицируется как «вызов» археологии... Ну, что же, в каждой новой работе, концепции есть элемент вызова, хотя я в данном случае меньше всего думал о вызове археологии»³. К археологии он вообще относился скептически, иронизируя, в частности, по поводу орнамента на сосудах, который, на его взгляд, вообще может не означать ничего, кроме моды, которая-де и в древности охватывала самые разные племена и народы. Но в данном случае дело не ограничилось одним только «сопротивлением археологических материалов».

Не находя также подтверждения в источниках исторических, эта гипотеза вынудила своего автора... отказать в доверии Прокопию Кесарийскому, рассказывающему о своих современниках, славянах VI в., как о грабителях, бездомных

---

¹ Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. — М., 2002.

² Щукин М. Б. Рождение славян. — С. 110—147.

³ Трубачев О. Н. Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики // Вопросы языкознания. — 1982. — № 4. — С. 10—26.

бродягах, лесовиках и т.д. «Трубачеву, — пишет С. А. Иванов, — нужно дезавуировать письменные источники, чтобы они не мешали «удревнять» славян до III тыс. до н.э.»¹ Итак, его гипотеза находилась в таком же неразрешимом противоречии также и с известиями письменных источников.

Одной из волн славянских переселенцев из Центральной Европы А. Г. Кузьмин считал также и зарубинецкую культуру. Соответственно, ее безопасный тыл был на северо-западе, откуда пришли эти переселенцы, а фронт, наоборот, на юге. Поверив доказательствам киевского энтузиаста А. С. Бугая, что один из их отрезков был сооружен около рубежа нашей эры, А. Г. Кузьмин заключил, что и все гигантские Змиевы валы, в том числе на границе лесостепи, были сооружены именно тогда для защиты зарубинецких поселений Киевщины. «Примечательно, — писал он, — что поселения зарубинецкой культуры не были укрепленными. Очевидно, с северными и западными соседями зарубинцы жили мирно. От степи же, где в это время кочевали сарматы, отгородились недоступными для конницы валами. ...Зарубинецкая культура, надежно прикрытая с юга, пала во II веке н.э. в результате нового нашествия с северо-запада»². Все здесь совершенно неверно. Зарубинецкое население Среднего Поднепровья проживало на хорошо укрепленных городищах типа той же Пилипенковой горы, которые погибли, однако, из-за нападения степняков, о чем красноречиво свидетельствуют наконечники стрел сарматского типа, торчащие в их обожженных валах³. А большой вал, оказывается, был датирован А. С. Бугаем 150—20 гг. до н.э. в результате простой лабораторной ошибки. «К сожалению, неверные определения проб угля, попав на страницы целого ряда периодических изданий, дезинформировали читателя», — сетует знаток

¹ Иванов С.А. Ук. соч. — С. 9.

² Кузьмин А. Г. Проблема происхождения славян // <http://www.portal-slovo.ru> // С. 14—15.

³ Максимов Е. В. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. — Киев, 1972. — С. 62 сл.

Змиевых валов М. П. Кучера. Кроме того, этот вал около деревень Ракович, Мотыжина и Наливайковки расположен в междуречье Ирпеня и Тетерева, т.е. не в лесостепной южной, а как раз в полесской северо-западной части Киевщины¹. Не более доказательны также и все остальные аргументы, которые А. Г. Кузьмин сумел привлечь из области археологии. В самом деле, трудно увязать в одну цепочку культуру колоколовидных кубков в Средней Европе III— начала II тысячелетия до н.э. и чернолесскую X— VIII вв. до н.э. на Среднем Днепре, настаивая при этом именно на славянстве их обеих, в то время как фракийская принадлежность Чернолесья уже обоснована не в пример убедительнее².

Итак, следствием попытки реконструировать славянский этногенез на основе гипотезы О. Н. Трубачева становится междисциплинарный конфликт. Но она не менее остро, чем с археологией или историей, конфликтует также с параллельной концепцией славянского, точнее, балто-славянского глоттогенеза³. Суть этой концепции афористично и доступно излагается М. Б. Щукиным. «Отношения балтских и славянских языков, — пишет он, — рассматриваются теперь лингвистами не как отношения двух братьев, происходящих от единого индоевропейского предка, и даже не как отношения

¹ Кучера М. П. История исследования Змиевых валов Среднего Поднепровья <http://www.kurgan.kiev.ua/vala>

² Березанская С. С. Об этнической принадлежности чернолесской культуры // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. — Киев, 1988. Т. 1. — С. 12—18.

³ Иванов В. В., Топоров В. Н. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков. — М., 1958; Топоров В. Н. К проблеме балто-славянских языковых отношений // Актуальные проблемы славяноведения. — М., 1961; Топоров В. Н. Вступительные замечания. (Категория времени и пространства и балтийское языкознание) // Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом. Предварительные материалы. — М., 1978; Лер-Сплавинский Т. О северо-восточных окраинах праславянского языка. Вопросы языкознания. — 1964. — № 1. — С. 136; Хабургаев Г. А. Становление русского языка. — М., 1980. — С. 45—51.

старшего, балтского, брата к младшему славянскому, а, скорее, как отношения отца к сыну». Вслед за этим им делается важное уточнение: «Языковеды не могут знать точно, когда произошло рождение славянского сына от отца-балта или из материнской балтской утробы»¹. Действительно, дело обстоит именно так вследствие фундаментального свойства глоттогенеза обладать лишь относительной, но никак не абсолютной хронологией. Но вполне ясно, однако, что эти лингвисты распад предполагаемой ими балто-славянской общности склонны относить не к глубокой древности, а, скорее, к поздней античности. Таким образом, археологическое выражение этой общности надо искать среди массивов памятников первых столетий после Рождества Христова, т.е. поздне- и постзарубинецкого времени».

«Вопрос о древнейших отношениях балтийских и славянских языков, — подчеркивали В. В. Иванов и В. Н. Топоров, — является исключительно лингвистическим, и его решение может быть достигнуто только лингвистическими средствами ...а не путем изучения предметов материальной культуры, черепков и керамики, которые сами не являются средствами коммуникации и отражают линии связи между коллективами лишь в преобразованном и искаженном виде. Только после того, как с помощью лингвистических методов реконструируется формальная система отношений, ей может быть дана содержательная интерпретация (т.е. соотнесенность во временном и пространственном плане) при использовании данных других дисциплин»². Полностью признавая суверенитет их лингвистической «прямой», мы исходим из того, что наши «черепки и керамика» тоже создают равноценную ей археологическую. И обе эти «прямые», очевидно, успешно пересекаются. В самом деле, если исходить из предполагаемого В. В. Ивановым и В. Н. Топоровым длительного существования балто-славянской общности, то, соответственно, должна быть и принадлежащая к первой

¹ Щукин М. Б. Рождение славян. — С. 110—147.

² Иванов В. В., Топоров В. Н. Ук. соч. — С. 4 сл.

половине I тысячелетия н.э. археологическая культура, от которой происходит, с одной стороны, достоверно славянская, а с другой — достоверно балтская. Разумеется, речь должна идти не о балтах как таковых или о балтах восточных или западных, а именно о балтах днепровских, которые успели исчезнуть с исторической сцены намного раньше, чем те же пруссы или ятвяги¹. Такая археологическая общность обнаруживается в Днепровском Левобережье, в виде массива памятников киевской культуры III—V вв. н.э. С одной стороны, в ней имеются памятники типа Роищи, Хитцы, и т.д., представляющие собой переходное звено между киевской и пеньковской раннеславянской культурами². С другой — генетическая связь между киевской и колочинской культурами в Подесенье также считается несомненной. Связующим звеном здесь выступают памятники типа Форостович³. Этническая же атрибуция колочинских древностей далеко не так однозначна и колеблется от безоговорочно балтийской, по И. П. Русановой и В. В. Седову⁴ до безоговорочно славянской, по П. Н. Третьякову и Л. Д. Поболь⁵. Имеется и весьма уклончивое определение, оставляющее окончательную этническую атрибуцию Колочина на потом⁶. Но и теперь уже ясно, однако, что в раннюю древнерусскую, наподобие того, как пражские древности естественно эволюционируют в лука-райковецкие, коло-

¹ Седов В. В. Голядь // *Iš baltų kultūros istorijos*. — Vilnius, 2000. — С. 75—84.

² Приходнюк О. М. Ук. соч. — С. 14—15; Терпиловский Р. В., Абашина Н. С. Памятники киевской культуры. — Киев, 1992. — С. 97.

³ Приходнюк О. М. Ук. соч. — С. 72; Терпиловский Р. В. Ранние славяне Подесенья III—V вв. — С. 78.

⁴ Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. — М., 1970. — С. 48—62; Русанова И. П. Ук. соч. — С. 56—84.

⁵ Поболь Л. Д. Археологические памятники Белоруссии. Железный век. — Минск, 1981. — С. 48—49; Третьяков П. Н. По следам древних славянских племен. — С. 65 сл.

⁶ Археалогія Беларусі. — С. 359.

минская культура отнюдь не преобразуется. Как справедливо отмечается В. В. Седовым, для одной и той же области бассейна Десны «в действительности колочинские древности не похожи на роменские и не приобретают какие-либо черты, характерные для последних»¹. Поэтому, на наш взгляд, ее и надо, вслед за В. В. Седовым, связывать с исчезнувшей в ходе славянской колонизации группой днепровских балтов, хотя бы потому, чтобы объяснить наличие мощного балтийского гидронимического массива, занимающего все Верхнее Поднепровье. Согласно В. Н. Топорову и О. Н. Трубачеву, он является свидетельством тому, что, во всяком случае, в начале I тысячелетия н.э. балтийский этнический элемент преобладал². Правда, по мнению Г. Бирнбаума, эта же гидронимика должна рассматриваться еще как балто-славянская³. Так или иначе, но в современных говорах Брянщины и прилегающей к ней части Гомельщины представлены одинаковые балтизмы, например: жлуктить, пелька, скрылек, соответствующие литовским *žiuktas, pelke, skrilis*⁴. Некоторые особенности брянских говоров, по мнению лингвистов, восходят к языку летописной голяди XI—XII вв.⁵

¹ Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. — С. 34.

² Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. — М., 1962. — С. 236.

³ Birnbaum H. O możliwości odtworzenia pierwotnego stanu języka prasłowiańskiego za pomocą rekonstrukcji wewnętrznej i metody porównawczej (kilka uwag o stosunku różnych podejść) // *American contributions to the 7th International Congress of Slavistic*. — Los Angeles. 1973. — S. 57.

⁴ Батожек Н. Балтизмы в брянских говорах // *Prace slawistyczne*. 1990. Т. 81. S. 27—39.

⁵ Лакомцева М. Н. К реконструкции фонологических систем языков голяди и днепро-двинских балтов. I. // Балто-славянские исследования 1980. — М., 1981. — С. 52—81; Лакомцева М. Н. К реконструкции фонологических систем языков голяди и днепро-двинских балтов. II. // Балто-славянские исследования 1981. — М., 1982. — С. 88—96.

Итак, уже надо бы ставить вопрос о причинах и механизме выделения предков славян из состава единой балто-славянской общности, или, точнее, отделения от единого древнебалтийского массива той его части, из которой потом развилось славянство. Однако для обстоятельного решения такого сложного вопроса не мешало бы рассмотреть, как именно и какие складывались для этого предпосылки. И здесь одной из главных ролей не может лишиться та же самая зарубинецкая культура. Видеть в ней некое ядро славянского этногенеза мы отказываемся. На наш взгляд, она, скорее, сыграла роль его детонатора.

§ 2. БАСТАРНЫ

В противоположность скирам (от германского *skira* — блестящие, светлые, несмешанные), имя потомков браков германских мужчин с иноплеменницами — *Bastarnae* или *Basternae* — означало людей со смешанной кровью. По мнению Г. Коссины, они получили название «бастарды» из-за сильного смешения с населением территорий теперешних Польши и Западной Украины, где проходил их путь на юго-восток¹. Однако, с другой стороны, как это отмечалось тем же Г. Коссиной, это было первое германское племя, с которым познакомился античный мир. И действительно, как таковые *Γερμανοί* под их собственным именем впервые были упомянуты Посидонием Амапейским лишь в 90 г. до н.э. А *Γαλατοί* ольвийским декретом в честь Протогена были зафиксированы минимум на полтора столетия раньше, ведь этот знаменитый памятник античной эпиграфики надо датировать третьей четвертью III в. до н.э.² «...Перебежчики

¹ Much R. Die Germania des Tacitus. — S. 416; Kossina G. Germanische Kultur im 1. Jahrtausend. — S. 10—11.

² Марченко К. К. К проблеме греко-варварских контактов в Северо-Западном Причерноморье V—IV вв. до н.э. (сельские поселения Нижнего Побужья) // *Stratum plus* Петербургский археологический вестник. — 1999. — № 3.

извещали,— говорится в декрете,— что галаты и скиры составили союз и собрали большие силы, которые и явятся зимою, а сверх того, еще фисаматы, скифы и савдараты ищут укрепленного места, точно так же боясь жестокости галатов, и тогда вследствие этого многие впали в отчаяние и приготовились покинуть город...»¹ Далеко не все считают этих декретных галатов иноназванием бастарнов. Однако примем во внимание, что как раз именно такого мнения придерживается, например, кельтолог Г. Биркхан². Но даже если в этом случае партнерами скиров были не бастарны, то первенство среди германцев в ознакомлении античного мира с самими собой все равно остается за ними. Ведь вскоре— в следующей, последней четверти того же III в. до н.э. и там же, в Северо-Западном Причерноморье, бастарны объявляются уже под своим собственным именем. Около 216 г. присутствие «бастарнов-пришельцев» поблизости от своего отчества отмечает Деметрий из Каллатиса, современной Мангалии в румынской Добрудже (Ps-Scimn., 797).

Впрочем, бастарнов издавна пытаются лишить этого первенства. В СССР, к примеру, их древнегерманская принадлежность объявлялась, просто-напросто, одной из выдумок буржуазной историографии. «И есть все основания полагать, — писал П. Н. Третьяков, — что бастарны являлись по происхождению одним из дако-фракийских племен, испытавших на себе сильное кельтское воздействие»³. А. Д. Удальцов, также говоря о сильной кельтизации, считал их иллирийцами, ставшими, однако, на путь славянизации: «Очевидно, ко II в. н.э. процесс скрещения бастарнов с родственными им племенами ското-словенской группы уже привел к их почти полному уподоблению»⁴. Борьба с космополитизмом уже давным-давно кончилась, а советской историографией все еще предпринимались попытки не допустить признания германской принадлеж-

¹ IPE, 12, 32 B. 20.

² Birkhan H. Ук. соч. — S. 142.

³ Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. — С 104.

⁴ Удальцов А. Д. Ук. соч. — С. 41—50.

ности как самих исторических бастарнов, так и оставленных ими археологических памятников¹. Однако результаты исследования последних красноречиво говорили сами за себя, причем поянешти-лукашевские обнаружили такую значительную близость к зарубинецким, что одно время предлагалось рассматривать их в качестве относящихся к двум локальным вариантам одной и той же культуры². «Можно утверждать одно, — пишет М. Бабеш, — носители поянешти-лукашевской и зарубинецкой культур могут быть идентифицированы с бастарнами, а их комплекс можно обозначить как бастарнскую культуру или культурную общность, что соответствует сообщениям письменных источников»³. Германская палеоэтнография позволила по-новому взглянуть на некоторые хорошо известные находки. Так, например, находки в округе зарубинецкого селища Лески на Черниговщине бронзовых гривенок объяснялись связями «зарубинцев» с кельтско-латенскими областями⁴. Однако выяснилось, что к кельтам эти *Kronenhaisringe* никакого отношения не имеют. Их находки концентрируются на торфяниках Ютландии и Северной Германии. Согласно М. Б. Щукину, это были не предназначенные для торговли сакральные предметы, которые бросали в болота в виде жертвы их могущественному духу *Sumpfroorgeist* древние германцы⁵. В их числе в Лесках были также и

¹ Романовская М. А. Об этнической принадлежности населения, оставившего памятники типа Лукашевка // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. — М., 1969. — С. 81—95.

² Мачинский Д. А., Тиханова М. А. Ук. соч. — С. 75.

³ Babeş M. Germanische latènezeitliche Einwanderungen im Raume östlich der Karpaten (zum heutigen Stand der Forschung über die Poienesti-Lukaševka-Kulturgruppe // Aktes du VIIIe Congrès International des sciences prehistoriques et protohistoriques, Beograd 9—5 septembre 1971. Tome troisième. — Beograd, 1973. — S. 213.

⁴ Попко О. О. Знахідки бронзових латенських короноподібних прикрас в Менському районі, Чернігівської області // Археологія. 1965. Т. 19. — С. 172—175.

⁵ Szczukin M., Val'kova T., Shevchenko Y. Neu Finds of the «Kronenhaisringen» of the Chernigov region (Ukraine) and Some

зарубинецкие бастарны. Между прочим, еще Г. Коссиной отмечалось, что в их этнониме имеется типично германское окончание — *erni*: *Bast-erni*¹. Так какое же отношение они могут иметь к славяногенезу?

Одна из тайн его заключается как раз в том, что на «входе» во II в. до н.э. — I в. н.э. мы имеем древнегерманскую зарубинецкую культуру бастарнов, а на «выходе», начиная с IV в. н.э. — раннеславянскую пеньковскую культуру антов. Впрочем, это особенно удивлять не должно, поскольку подобные культурные и этнолингвистические трансформации случались неоднократно. Сошлемся на тех же летописных северян, или «северъ». Как уже было сказано выше, их предки, подобно бастарнам, вовсе не были славянами — это иранцы с этнонимом на *sēw*. Неславянскими, как и зарубинецкие, были салтовские традиции, к которым восходит волынцевская культура ранних северян. Однако сама она, как и предшествующая ей в том же Днепровском Левобережье пеньковская, безусловно, уже славянская. Итак, обратимся к истории бастарнов — культуры, народа и людей, которая довольно основательно запечатлена источниками, как вещественными, так и письменными.

Из античных писателей по знанию реальной восточноевропейской этнографии с Геродотом может сравниться, пожалуй, только Страбон. Считается даже, что размещение восточноевропейских племен и народов по Страбоновой «Географии» «укладывается на действительную физико-географическую карту более легко и естественно, чем знаменитая этнокарта Геродота»². На датировку своих сведений о народах к северу

Problems of Their Interpretation // *Acta Archaeologica*. — 1993. — Vol. 63.

¹ Kossina G. *Germanische Kultur im 1. Jahrtausend*. 2 Auflage. — Leipzig, 1939. — S. 10.

² Мачинский Д. А. Некоторые проблемы этнографии восточноевропейских степей во II в. до н.э. — I в. н.э. // *Археологический сборник Гос. Эрмитажа*. 1974. Вып. 16. — С. 122.

от Понта Эвксинского «отец географии» указывает сам. Он говорит, что это «Митридат, прозванный Евпатором, и его полководцы познакомили нас со странами, лежащими за рекой Тирасом до Меотийского озера...» (Strabo, I: 2, 1). Следовательно, Страбоновы сведения о племенах между Истром и Танаисом относятся к концу второго и к первому столетиям до нашей эры, т.е. как раз ко времени расцвета зарубинецкой культуры.

Итак, что об обитателях известных ему земель к северу от Черного моря говорится у Страбона? «Вся страна, расположенная над упомянутым побережьем (Эвксинского Понта) между Борисфеном и Истром состоит, во-первых, из пустыни гетов, во-вторых, из области тирегетов, за которой идет область язигских сарматов и страны ургов, по большей части кочевников, хотя немногие занимаются и земледелием» (Strabo, VII: 3, 17). Здесь у Страбона, в порядке с запада на восток, перечислены народы приморского степного пояса. Все степняки, кроме тирегетов, кочевники. Севернее них располагается еще один пояс племен, по всей видимости, оседлых. «В глубине страны обитают бастарны, граничащие с тирегетами и германцами; бастарны также, быть может, германская народность и делятся на несколько племен. Действительно, одни из них называются атмонами, другие сидонами; те, что владеют Певкой, островом на Истре, носят название певкинов, а самые северные, обитающие на равнинах между Танаисом и Борисфеном,— роксоланов» (Strabo, VII: 3, 17). Страбонова локализация бастранов настолько отчетлива, что ее интерпретация не должна вызвать затруднений. Собственно, не ясна лишь северная граница их обитания. На юге бастарны вряд ли могли заходить в степь, занятую кочевьями воинственных язигских сарматов. Кочевья роксоланов начинались восточнее, очевидно, от восточного берега Днепра в среднем и нижнем его течении. На западе ориентиром могут служить Карпатские горы. Название *Καρπάτων* греческой передаче связано, согласно Ф. Брауну, именно с бастарнской формой

НагѢара¹. Действительно, певкины-бастарны отнюдь не должны ассоциироваться исключительно с островом Певкой и Придунавьем. *Alpes Bastarnae* Певтингеровых таблиц — это, несомненно, Лесные Карпаты². Певкины, согласно Птолемию, обитали «выше» (т.е. севернее или северо-восточнее) Дакии; у Птолемея же на восточном склоне Карпат помещена «Гора Певка» (*Rol.*, III: 5, 5, 7). Получается, что Страбоновы *Ρευκίνοι* должны ассоциироваться, прежде всего, с поянешти-лукашевской культурой Прикарпаття в Северо-Восточной Румынии и Северной Молдове. Со своей основной территории певкины доходили и до Нижнего Дуная. Поянешти-лукашевские материалы из «долины Вуйку» на правом его берегу считают свидетельством наличия здесь поселения бастарнов во II в. до н.э.³

Итак, выясняется, что Страбоновым известиям о сородичах этих певкинов может соответствовать лишь население Полесья и Поднепровья конца II—I в. до н.э. Большой конкретизации его известия не поддаются, и нельзя сказать, что полесский вариант зарубинецкой культуры — это именно атмоны, а среднеднепровский — сидоны. Зато можно понять этимологию одного из этих этнонимов, исходя из самого происхождения зарубинецкой культуры. Считается, что импульсы, которые привели к ее возникновению, исходили из ясторфского ареала в Шлезвиг-Гольштейне и Мекленбург-Предпомерании на западном побережье Балтийского моря⁴. Там же, на Нижнем Оudere, у Птолемея локализованы *Σειδίνοι*, или *Σιδεῖνοι* (*Rol.*, II: 11, 14). Согласно Э. Шварцу, название это происходит от древнегерманского *siða* — берег⁵. К. Цейссом этноним Страбоновых *Ατρονοι* сравнивается с *Αλμρονοι* / *Ολμρονοι* — германским именем певкинов, означающим «ост-

¹ Браун Ф. Ук. соч.

² Müller K. Ук. соч.

³ Irimia M., Conovici N. Așezarea getică fortificată de la Sata Nouă — «Valea lui Voicu» (com. Olțina, jud. Constanța) // *Thracodacica*. 1989. Т. 10. — С. 152.

⁴ Щукин М. Б., Еременко В. Е. Ук. соч. — С. 141.

⁵ Schwarz E. Ук. соч. — С. 50—51.

ров»¹. Получается, что, несмотря на их обитание уже на берегах Припяти или Днепра, память о Балтике сохранилась и в этнонимах Страбоновых Σιδωνοί—Αττινοί.

Но и Ρωξολάνοι также причисляются Страбоном к бастарнам, что выглядит, на первый взгляд, как недоразумение. Наверное, дело здесь в том, что безусловно неродственные, но соседние бастарнам роксоланы входили в возглавляемый ими союз². Об этом, видимо, было известно Страбону, который, следовательно, ничего не напутал: у него роксоланы-«скифы» являлись «бастарнами» не в этническом, а в политическом смысле. Что Страбон вряд ли ошибался, свидетельствует прочность уз, объединявших оба эти народа. Союз между ними сохранялся и в I в. н.э. в другой военно-политической обстановке и на другой территории. При наместничестве Плавтия Сильвана (56—66 гг. н.э.) бастарны и роксоланы готовили совместное нападение на Мезию; в 86 г. они же захватили большую часть этой римской провинции³.

Сообщение Страбона о роксоланах любопытно, в частности, в отношении инкорпорирования в среду бастарнов контингентов чужеплеменников. Возможно, в этом плане Bastamae, alkimotatos genos, были сходны с не менее воинственными североамериканскими ирокезами-онейда. Онейда, согласно миссионерским свидетельствам XVII в., на две трети состояли из принятых в племя чужаков, «ставших по темпераменту и склонностям ирокезами»⁴. Точно таким же путем первоначально незначительный клан превратился в «нацию» зулусов. Когда Чаку упрекнули в том, что он назначил полководцем Ндлелу, чужака из племени каннибалов, великий король ответил так: «Всякий, кто вступает в зулусское войско, становится зулусом ...независимо от того, по какой дороге («ндлела») он пришел»⁵. Согласно З. Мади, многочисленность

¹ Zeuss K. Ук. соч. — S. 127.

² Мачинский Д. А. Некоторые проблемы этнографии восточноевропейских степей во II в. до н.э. — I в. н.э. — С. 126.

³ Златковская Т. Д. Мезия в I—II вв. н.э. — М., 1951. — С. 58.

⁴ Аверкиева Ю. П. Ук. соч. — С. 230.

⁵ Риттер Э. Зулус Чака / Пер. с англ. В. Я. Голанта. 3-е изд. — С. 172.

бастарнов, несмотря на их неизбежные потери в постоянных войнах, также объясняется только практиковавшейся ими инкорпорацией иноплеменников¹. В самом деле, у Тита Ливия прямо говорится о фракийцах и скордисках, присоединившихся к войску бастарнов (Liv., XLI: 14, 4). О том, что это войско было разноплеменным, свидетельствуют, по-видимому, также и имеющиеся в источниках разночтения насчет этноса этих бастарнов. Ливий называет их галлами, а Аппиан — гетами (Liv., LXIV: 26, 2; App., Hist., XVIII: 3).

В отличие от Страбона, у этих авторов содержатся не этногеографические, а исторические, точнее, военно-исторические данные. Ливием даже разглашается коварный план македонского царя Филиппа V. Этот Филипп будто бы планировал использовать простодушных варваров, рассчитывая уничтожить их руками соседнее племя дарданов, а потом даже опустошить саму Италию. «Затем он, — писал Ливий, — приспособил свои планы ко всякому исходу: если бастарны будут перебиты римлянами, то утешением будет служить уничтожение дарданов, добыча от остатков бастарнов и свободное владение Дарданием: в случае же успешных действий (бастарнов в Италии) он рассчитывал вернуть потерянное в Греции, раз внимание римлян будет отвлечено войной с бастарнами» (Liv., LXIV: 57, 2).

И вот полчища бастарнов появились на Балканах. Согласно Аппиану, всего их было 10 000 всадников и 10 000 пехотинцев (App., Hist., XVIII: 1). Согласно Ливию, получается гораздо большее войско. Ведь даже когда после известия о смерти их нанимателя Филиппа множество бастарнов отправилось восвояси, осталось еще целых 30 000. Они, выбрав себе в вожди Клондика, отправились в Дарданию воевать уже за Филиппова наследника, царя Персея, чем и занимались с 182 по 166 г. до н.э. (рис. 15). Когда однажды пришло время рассчитываться, Персей тоже решил провести варваров. «Сам он, — сообщается у Ливия о

---

¹ Мади З. Припонтийские кельты // Античное общество. — М., 1967. — С. 180.

Рис. 15. Атака бастарнов
(по В. Ла Бауме)

миссии его посла Антигона, — имел с собой лошадей, конскую сбрую, военные плащи в подарок вождям и немного золота для раздачи немногим, надеясь, что толпу можно увлечь надеждой» (Liv., LXIV: 26, 2). Однако, как его называет Ливий, *regulus*, или «царек», Клондик оказался на высоте положения полководца. Он увел свое войско на родину, отвергнув Антигоновы предложения.

От имени некоего Антигона, сына Гераклита, македонца по происхождению и придворного местного скифского царька по должности, была сделана посвятельная надпись на алтаре, обнаруженном у мыса Калиакра в болгарской Добрудже. По мнению М. Б. Щукина, ею подтверждается прохождение через Фракию бастарнов с самим Клондиком во главе¹. Вряд ли это так, поскольку ни бастарны как таковые, ни кто-либо из них персонально в этой надписи не упоминаются вообще. Тот ли это Антигон, которого Тит Ливий неоднократно упоминает в качестве посла македонского царя к бастарнам, неизвестно².

Но М. Б. Щукин обратил внимание еще и на другие подтверждения этой балканской эпопеи. С ней им связывается само появление широко распространенных в Полесье и Поднепровье фибул с треугольным щитком так называемого

¹ Щукин М. Б. Проблема бастарнов и этнического определения поянешти-лукашевской и зарубинецкой культур // Петербургский археологический вестник. — 1993. — № 6. — С. 93.

² Лазарев М. Новооткрытая надпись Антигона за царя Сарика // Вестник древней истории. — 1985. — № 3. — С. 49.

«зарубинецкого» типа¹. Происхождение этих фибул именно от балканских «копьевидных» вообще считается несомненным². Может быть, копьевидные фибулы прилагались и к тем роскошным плащам, которыми жадный царь Персей тщетно пытался одарить Клондика и других предводителей бастарнов в 168 г. до н.э.?

Но этот балканский поход обогатил, наверное, не только набор зарубинецких украшений. Мы полагаем, что к его результатам можно отнести и появление в топо-гидронимии зарубинецкого ареала элементов западнобалканского, кельто-иллирийского происхождения, а также расширение этнической номенклатуры бастарнов за счет названий типа «венет». Ведь войско Клондика действовало в основном в западной части Балканского полуострова, в непосредственной близости от области адриатических венетов. Во время войны в Дардании бастарны, конечно, контактировали с уже упоминавшимися иаподами, согласно Страбону, народом, смешанным из кельтов и иллирийцев, как и союзные бастарнам скордиски. У иаподов, как отмечалось выше, имелся клан, который назывался, согласно Аппиану, Αἰὲνδεάται (App., *Illyr.*, IV: 16). Страбону известен также еще один иаподский город — Вендон (Strabo, IV: 4, 10). Что западнобалканские иллиро-кельты покидали свою землю и уходили через Дунай в страну бастарнов, засвидетельствовано Аппиановым рассказом о бегстве авторитов — соседей япидов, скордисков и дарданов. По Аппиану, авториты были соучастниками галатов, когда те с Бренном во главе разграбили в 279 г. до н.э. дельфийское святилище. За это боги их покарали, наслав страшную эпидемию. Авториты, охваченные ужасом, бежали из своей земли и только через , двадцать три дня, уйдя далеко за Истр, поселились «около народа бастарнов»

¹ Щукин М. Б. Третий мир древней Европы // Знание — сила. — 1986. — № 4. — С. 30.

² Каспарова К. В. Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры // Сов. археология. — 1881. — № 2. — С. 76.

(App. Illyr., X: 1, 4). Возможно, в легенде, переданной Аппианом, произошло смещение хронологии, и балканские союзники на самом деле участвовали в походах не Бренна, а Клондика, воины которого воспринимались эллинской и эллинизированной публикой как те же самые «ужасные галлы». Представляется допустимым, что легендарный путь Аппиановых авторитов-автоэв в реальности проделали япидские вендоны или венеты. Сами бастарны после возвращения с Балкан вряд ли стали бы переименовывать свои реки на иллирийский манер (Бреца, Грана, Горынь, Джурынь, Иква, Ипатва, Орава и др.). Наличие здесь, наряду с собственно иллирийскими, таких же гидронимов, но в кельтизированной форме (Муравин, Тыня, Отавин и др.), кажется, указывает на время их проникновения в глубину Восточной Европы. Население последней, по-видимому, не имело другого случая для установления таких тесных контактов с кельтизированными западнобалканскими иллирийцами, кроме задунайского похода бастарнов во II в. до н.э. Часть иллирийских гидронимов из зарубинецкого ареала имеет параллели в области адриатических венетов, например, Ипатва— Patva, Patava, соответственно¹.

Считается, что самая северная группировка «зарубинцев» сложилась, позднее остальных. Предполагается, в частности, что эталонный памятник верхнеднепровского варианта, Чаплинский могильник, следует датировать, начиная от середины или даже с конца II в. до н.э.² Не было ли связано возникновение этого локального варианта с возвращением бастарнов, а также их иллиро-кельтских (венетских) боевых побратимов из балканских походов?

Но как и почему бастарны II в. до н.э., т.е. носители ранней фазы зарубинецкой культуры, на ее позднем этапе, в

¹ Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины. — М., 1968. — С. 67 сл.

² Еременко В. Е., Журавлев В. Г. Хронология могильника Чаплин верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры // Проблемы хронологии латена и римского времени. — СПб., 1992. — С. 77.

I в. н.э., превратились в венетов? После рубежа нашей эры на первый план начинают выходить племенные названия отдельных группировок бастарнов. Например, у Птолемея певкины упомянуты в перечне народов наравне с бастарнами (Ptol., Geogr., III: 5, 10). Тациту также было известно, что певкины — это бастарны, и что некоторые еще продолжают называть их этим старым именем (Tas, Germ., 46). Кстати, точно так же Дион Кассий знает, что даков некоторые эллины еще называют гетами (Dio Cass., LXVII: 62). Видимо, и у бастарнов старый метаэтноним вытесняется племенными названиями, но ни одно из них, подобно имени «даки», метаэтнонимом не стало, очевидно, вследствие нараставшей дезинтеграции. Венетам, впрочем, посвящен здесь отдельный параграф, а о дальнейшей судьбе остальных бастарнов, постепенно утративших связи со своими полесскими и верхнеднепровскими соплеменниками, можно прочесть, например, в специальной нашей публикации¹. Поэтому уместнее будет обратиться к дальнейшей истории бастарнов-зарубинцев, в частности, в Верхнем Поднепровье, насколько, конечно, эта история реконструируется археологически.

«...Культура подгорского типа явилась главной генетической основой для разных вариантов культуры корчеватовского типа» — так, целиком в духе тогдашнего автохтонизма, милоградские древности в гипотезе их первооткрывателя объединялись с зарубинецкими². Однако с течением времени отсутствие между ними генетической связи становилось все яснее. Доводы «за» неуклонно деградировали. Так, например, в отношении плоскодонных зарубинецких сосудов утверждалось следующее: «Внутренняя часть многих горшков — яйцевидной формы, чем напоминает сосуды

¹ Рассадин С. Е. Венеты и бастарны // *Barbaricum*, 1994. Т. 3. — С. 9—20.

² Даниленко В. Н. Памятники ранней поры железного века в южной части Полесья УССР // Докл. VI науч. конф. Ин-та археологии АН УССР. — Киев, 1953. — С. 208.

милоградской культуры»¹. Л. Д. Поболь, настаивавший на наличии между ними генетической связи, очутился в одиночестве, так как обратное сделалось вполне очевидным. Более того, оказалось, что культуры эти не только не родственные, но, в сущности, враждебные друг другу. Для этого имелись причины вполне естественные.

Один природный ландшафт может успешно эксплуатироваться двумя различными типами хозяйства. Так, лесостепь очень подходит не только для земледелия, но и для кочевого скотоводства. Поэтому непосредственно к югу от окраины теперешнего Киева, т.е. практически посередине освоенного «зарубинцами» района, в I в. н.э. обосновалось одно или даже несколько племен сарматов, как это уже отмечалось выше. Это вызвало уход оттуда части местных земледельцев, но отнюдь не всех. Считается, что селища I—II вв. н.э. типа Лютеж были оставлены прямыми потомками носителей местного варианта классической зарубинецкой культуры². По-видимому, поздnezарубинецкое население сумело сосуществовать на Киевщине с сарматами хотя бы потому, что, как уже отмечалось, любые номады в принципе не в состоянии обойтись вообще без земледельческой продукции. Взаимоотношения складываются совсем по-другому, когда на одни и те же угодья претендуют две группы с одним и тем же типом хозяйства, как, например, евреи и хананеи. Картина тотального истребления местного населения пришельцами запечатлена в Ветхом Завете: «А всю добычу городов сих и (весь) скот разграбили сыны Израилевы себе; людей же всех перебили мечом, так что истребили всех их: не оставили (из них) ни одной души» (Навин 11, 14). Германцы истреблением людей не ограничивались, так как их жестоким обычаем им предписывалось истребление буквально всего живого. Так поступали массами переселявшиеся на Британские острова скандинавы.

¹ Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры). — С. 93—95.

² Терпиловский Р. В. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н.э. — С. 25.

«Послал всемогущий Бог, — писал современник о викингах IX в., — толпы свирепых язычников датчан, норвежцев, готов и шведов, вандалов и фризов, целые 230 лет они опустошали грешную Англию от одного морского берега до другого, убивали народ и скот, не щадили ни женщин, ни детей»¹.

Наверное, довольно беспощадно вели себя и ворвавшиеся в милоградский ареал зарубинецкие бастарны. «Бастарны — воины. Они, — полагал Е. А. Разин, — не знали ни земледелия, ни скотоводства. Войны и грабежи являлись единственным их занятием»². Знаток военного искусства явно преувеличивал: таких народов нет и не было никогда. Те же бастарны, как оказалось, в лесах по Днепру и Сожу на самом деле искали не добычу, чтобы доставить ее домой, а в первую очередь сам этот дом, а также необходимые им подле него пашни, луга, выгоны, охотничьи угодья, рыбные ловли и т.д. В конце своей научной карьеры Л. Д. Поболь со свойственным ему упорством пропагандировал, в общем-то, очевидное: каждое городище раннего железного века — это центр соответствующего хозяйственного микрорегиона³. Захватывая такие центры, «зарубинцы» уничтожали на них даже сам культурный слой. Раскопками установлено, что, например, на Волчасском, Ворновском и Нисимковичском городищах милоградский слой был сброшен с площадок на склоны, а укрепления перестроены на новый лад. Снятие с площадки культурного слоя, как можно судить по данным из других регионов, было обычной операцией враждебных пришельцев на поселениях, силой отобран-

¹ Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. — СПб., 2005. — С. 8.

² Разин Е. А. История военного искусства XXXI в. до н.э. — VI в. н.э. — СПб., 1999.

³ Поболь Л. Д. Археологические культуры железного века и эпохи средневековья в Гомельском Поднепровье // Гомельщина: археология, история, памятники. Тез. второй обл. науч. конф. по ист. краеведению, 1991. — Гомель, 1991. — С. 11.

ных ими у местных жителей¹. Итак, имея тот же тип и примерно такой же уровень своего земледельческо-скотоводческого хозяйства, «зарубинцы» нуждались в угодьях и местах поселения, уже занятых «милоградцами». «Скорее всего,— писал П. Н. Третьяков,— «милоградцы» были вынуждены покинуть свои поселения в результате военных поражений. ...Зарубинецкие племена первоначально селились здесь на захваченных милоградских городищах»².

Итак, стремительный захват милоградской территории не мог не протекать драматически. Судя по датировкам латенских фибул из относящихся к этим городищам зарубинецких могильников, где-то в конце II в. до н.э. на Правобережье Днепра в руки пришельцев попали Чаплин и Горошков. На валу Горошковского городища были обнаружены, по-видимому, непогребенные останки одного из его защитников. По нашему мнению, все известные горошковские клады, найденные в разных местах этого городища, были сокрыты в момент чрезвычайной военной опасности одновременно, очевидно, как раз тогда же³. Однако успех сопутствовал завоевателям далеко не всегда. Согласно Ю. В. Кухаренко, среди занятого «зарубинцами» Полесья могли очень долго существовать отдельные милоградские «острова». Это так и осталось только предположением, но один подобный «остров» явно сохранялся на правом берегу Днепра несколько ниже впадения Березины в виде эпонимического городища Милоград, где в «полузакрытом» комплексе жилища из раскопа I обнаружены две позднелатенские фибулы⁴. Гораздо обширнее были такие милоградские «острова» в бассейне Сожа, но Посожье заслуживает, конечно, отдельного разговора, и вот почему.

¹ Алихова А. Е. К вопросу о хронологии древних городищ Курского Посеймья // Краткие сообщ. Ин-та археологии АН СССР. 1959. Вып. 77. — С. 79.

² Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности. — С. 38.

³ Рассадин С. Е. Милоградская культура, ареал, хронология, этнос. — Минск, 2005. — С. 30, 37.

⁴ Кухаренко Ю. В. Памятники железного века на территории Полесья. Свод археол. источников. Д1 — 29. — М., 1961. — С. 12.

Как уже отмечалось, выдающаяся роль в славяногенезе в любом случае сыграна носителями киевской культуры, имевшей внутри себя как балтское, так и потенциально славянское начало. Согласно Р. В. Терпиловскому, особая роль в сложении этой культуры принадлежит памятникам типа Грини. При их непосредственном участии формируются все основные локальные варианты киевской культуры. В свою очередь, сами памятники II в. н.э. типа Грини появились в Подесенье и Среднем Поднепровье в результате прихода туда с севера населения, оставившего ранее памятники так называемого «типа Кистени-Чечерск», или же «Чечерск-Кистени», основная часть которых находится как раз в Посожье. «Они характеризуются, — пишет Р. В. Терпиловский, — синтезом традиций другой верхнеднепровской зарубинецкой группы памятников типа Горошков-Чаплин (формы и орнаментация сосудов защитными насечками) и культуры штрихованной керамики (обычай покрывать сосуды штриховкой и расчесами, слабопрофилированные формы горшков, редкость лощеной посуды). Эти же особенности декора присущи и памятникам типа Грини...»¹ По нашему мнению, вторым культурным ингредиентом в данном случае были вовсе не «штриховики», а «юхновцы», и хотя бы вот почему. Как известно, «группа Кистени-Чечерск» была выделена А. М. Обломским где-то в начале 1980-х гг.² Но как раз тогда же, в 1981—1982 гг., стационарно исследовался ее «эпонимический» памятник — само Чечерское городище. Материалы эпохи раннего железа из чечерского «Замчища» обрабатывались нами. И ни один из характерных элементов культуры штрихованной керамики не был здесь зафиксирован ни разу. В соответствующих частях полевых отчетов, написанных тогда, говорится следующее: «Ко второй подгруппе относятся обломки верхних частей баночных сосудов (табл. 4: 5), профилировка и орнаментация которых не свойственна мило-

¹ Терпиловский Р. В. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н.э. — С. 32, 50.

² Обломский А. М. Верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры. Автореф. дисс. канд. ист. наук. 07.00.06. — М., 1983.

градской культуре. С другой стороны, это типично для юхновской культуры». Их в Чечерске оказалось даже больше милоградских: «Другая, более многочисленная группа венчиков имеет слабую профилировку (табл. 38: 7; 40: 19). Некоторые характеризуются почти прямым профилем (табл. 40: 2, 4, 6). Эти обломки, очевидно, принадлежат баночным сосудам. Их орнаментация и профилировка не характерны для милоградской керамики. Близкие аналогии им имеются среди древностей соседних юхновских памятников»¹.

§ 3. «ПОХИЩЕНИЕ САБИНЯНОК?»

Юхновская культура, к большому сожалению, «падчерица» археологии, и не только белорусской. Многолетнее изучение юхновских древностей Подесенья и Посеймья О. Н. Мельниковской так и не получило монографического оформления. В специальном томе «Археалогіі Беларусі», посвященном веку железа, юхновская культура не удостоилась даже отдельной рубрики, как, например, та же поморская. Более того, имеются случаи, как это будет указано ниже, когда уже выявленные было и даже опубликованные юхновские материалы впоследствии «закрывались», а их наличие, по существу, просто-напросто замалчивались. И это несмотря на то, что в Гомельской и Могилевской областях Беларуси и западной части Брянской области Российской Федерации, по Сожу, Беседи, Ипути и их притокам известны уже десятки памятников с достоверно юхновскими материалами. Не менее чем полдесятка таких городищ с юхновскими напластованиями в разные годы исследовались стационарно.

¹ Чернявский И. М. Археологическое изучение Замковой горы в г. Чечерске Гомельской обл. Отчет о проведении археологических раскопок в июне—июле 1981 г. // Інстытут гісторыі НАН Беларусі. Архіў навуковай археалагічнай дакументацыі. № 768а, с. 11; Чернявский И. М. Археологический отчет о проведении раскопок в июне 1982 г. // Інстытут гісторыі НАН Беларусі. Архіў навуковай археалагічнай дакументацыі. № 514. — С. 22.

Например, в 1982—1983 гг. нами было вскрыта большая часть площадки городища Подгорье (644 кв. м)¹.

Однако юхновские древности российско-белорусского Посожья опубликованы крайне фрагментарно, поэтому требуется как-то заполнить этот пробел. Обратимся сначала к юхновским поселениям (рис. 16). Следует, по-видимому, предполагать, что в бассейне Сожа все они были укреплены и поэтому воспринимаются теперь как городища. Типология юхновских посожских городищ разработана уже довольно давно, однако основные особенности этих памятников отражены в ней, по-видимому, правильно².

Нельзя было не заметить, в частности, что фортификационные предпочтения «юхновцев» были совсем иные, чем у «милоградцев» (рис. 17: 1—3). Те любили использовать защитный эффект заболоченных низин, сооружая свои городища посреди них на незначительных возвышенностях. Но там приходилось обносить валом всю площадку, и «юхновцы» сделали это лишь единственный раз, когда строили себе Яновское городище. По-видимому, они вообще старались избежать земляных работ и поэтому использовали под городища Хутор Чернявский и Старое Село высокие останцы посреди поймы, со всех сторон укрепленные самой природой³. Интересно, что на обеих находок одинаково

¹ Рассадин С. Е. Отчет о раскопках 1982 года // Інстытут гісторыі НАН Беларусі. Архіў навуковай археалагічнай дакументацыі. № 864; Рассадин С. Е. Отчет за 1983 г. // Інстытут гісторыі НАН Беларусі. Архіў навуковай археалагічнай дакументацыі. № 857. Рассадин С. Е. Работы в Гомельской области // Археол. открытия 1982 г. — М., 1984. — С. 368.

² Рассадзін С. Я. Ніжнесожскія гарадзішчы ранняга жалезнага веку: тыпалогія і культурна-храналагічная дыферэнцыяцыя // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. — 1991. — № 6.

³ Падін В. А. Археологическое обследование бассейнов Ипутьи и Навли // Брянский краевед. 1961, № 2/3, с. 50; Рассадин С. Е. Отчет об археологических исследованиях в 1981 году // Інстытут гісторыі НАН Беларусі. Архіў навуковай археалагічнай дакументацыі. № 776. — С. 17.

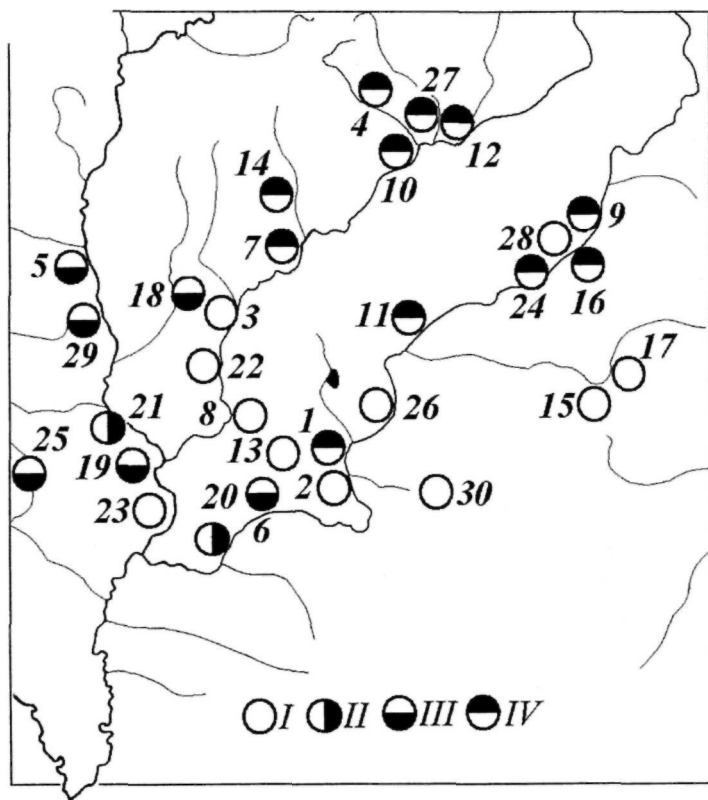

Рис. 16. Карта белорусско-российского Посожья

Условные обозначения:

I — городища с материалами юхновскими; II — юхновскими и милоградскими; III — юхновскими, милоградскими и зарубинецкими; IV — юхновскими и зарубинецкими

1 — Бобовичи Новые; 2 — Бобовичи Старые; 3 — Болсуны Казацкие; 4 — Вётухна; 5 — Ворновка; 6 — Вылево; 7 — Гора Красная; 8 — Громыки Новые; 9 — Дроков Старый; 10 — Дуброва Белая; 11 — Завод Корцкий; 12 — Каничи; 13 — Каташин; 14 — Кременчуковка; 15 — Лыщики; 16 — Ляличи; 17 — Найтоповичи; 18 — Нисимковичи; 19 — Новосёлки; 20 — Подгорье; 21 — Присно-II; 22 — Светиловичи; 23 — Село Старое; 24 — Сураж; 25 — Уваровичи; 26 — Ущерпье; 27 — Фёдоровка; 28 — Хутор Чернявский; 29 — Чечерск; 30 — Яново

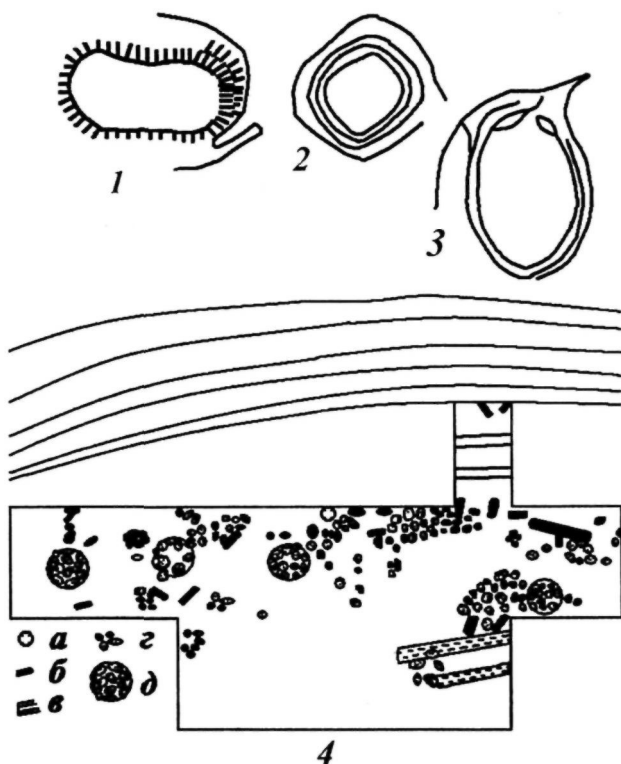

Рис. 17. Планы городищ:

- 1 — Ляличское; 2 — Яновское; 3 — Новогромыкское;
4 — план жилища Нисимковичского городища

мало, обнаружены лишь единичные фрагменты юхновской керамики. Остальные юхновские городища в бассейне Сожа устроены исключительно на мысах, где рвы и валы были нужны лишь с одной — напольной — стороны. Где имеются только юхновские напластования, этот напольный вал одинарный, и притом у Светиловичского городища он был насыпан попросту из культурного слоя. У Найтоповичского городища под Унечей линия напольных укреплений двойная, но это, пожалуй, единственное исключение. Также двойные линии валов имеют Вылевское, Каничское, Стародроковское

и Федоровское, однако на всех этих городищах отмечается присутствие еще и зарубинецкой культуры. Впрочем, вал городища Федоровка представлял собой простую глиняно-песчаную насыпь высотой 1 и шириной 7 м без какой-либо деревянной субструкции¹. Наличие под этим валом культурного слоя свидетельствует, что какое-то время городище Федоровка, подобно юхновским городищам Подесенья (например, Кудлаевскому), земляных укреплений тоже не имело. Однако, как мы увидим ниже, «юхновцы» придумали оригинальный способ усилить оборону городищ, приспособив для этого особенности своих «длинных» жилищ.

На различия в размерах как жилых построек на них, так и самих городищ раннего железного века обратил внимание еще П. Н. Третьяков. По этим признакам во всей лесной зоне выделяется, считал он, именно милоградская культура. «Там, — писал П. Н. Третьяков, — люди повсюду жили небольшими коллективами на маленьких городищах в больших домах. Здесь дома были преимущественно маленькими, а поселения — большими»². Однако со временем начался пересмотр данного мнения. В частности, имея в виду их конфигурацию и размеры, В. В. Седов заметил, что милоградские городища Посожья тождественны юхновским³. В самом деле, вовсе ничего выдающегося не представляют, к примеру, размеры площадки Уваровичского городища, — 65 x 67 м, по А. И. Дробушевскому. Однако посреди площадки именно этого небольшого городища ему удалось открыть остатки двух больших домов; размеры одного из них (№ 6) были не менее 6 x 16 м. «Прежде подобные большие дома, не связанные с оборонительной системой городищ, — пишет

¹ Мяцельскі А. А. Гарадзішчы жалезнага веку ў міжрэччы Сажа і Іпуці (па матэрыялах Магілёўшчыны). Гістарычна-археалагічны зборнік. 2007.

² Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. — С. 170.

³ Седов В. В. Сов. археология. 1970. № 2. Рец. на кн.: Мельниковская О. Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. — М., 1967. — С. 267.

А. И. Дробушевский,— на памятниках милоградской культуры не были известны»¹. Подчеркнем: ничего подобного не найдется также и в какой бы то ни было связи с милоградской фортификацией. Итак, П. Н. Третьяков ошибся? Вовсе нет. Чтобы в этом убедиться, обратимся хотя бы к информации о той же самой уваровичской постройке № 6. «Следует отметить, — писал о ней тот же автор, только ранее, — что большие дома нехарактерны для милоградской культуры Южной Белоруссии. Ближайшие аналогии этим сооружениям известны в юхновской культуре Подесенья. С влиянием последней связаны находки «рогатых кирпичей» и некоторых форм глиняной посуды, нетипичных для милоградской культуры»². Итак, выясняется, что, по большому счету, П. Н. Третьяков оказался прав: большие дома на маленьком Уваровичском городище— это свидетельство его юхновского происхождения. Следует подчеркнуть, что со временем автор раскопок на городище Уваровичи без каких-либо объяснений вообще перестал упоминать о выявленных им там юхновских элементах.

Несмотря на это, именно о таковых приходится вспомнить также и при известии о длинной постройке срубно-столбовой конструкции, располагавшейся в Уваровичах вдоль всего оборонительного вала. Впрочем, ранее и этот длинный, но входивший в систему обороны дом А. И. Дробушевский связывал с той же юхновской культурой. «Последние, — писал он о подобных постройках, — в зарубинецкой культуре неизвестны. Они прежде всего типичны для балтских древностей эпохи раннего железа лесной полосы Восточной Европы (культуры штрихованной керамики, днепро-двинская и юхнов-

¹ Дробушевский А. И. Домостроительство и планировка поселений Нижнего Посожья на рубеже н.э. // Славянский мир Полесья в древности и средневековье. Материалы междунар. науч. конф. 19—20 окт. 2004 г. — Гомель, 2004. — С. 63.

² Дробушевский А. И. Городище эпохи раннего железного века в г. п. Уваровичи // Гомельщина: археология, история, памятники. Тез второй обл. науч. конф. по ист. краеведению, 1991.— Гомель, 1991. — С. 26.

ская)»¹. Однако в публикацию о домостроительстве зарубинецкого Посожья ссылка на юхновское влияние уже не вошла, и происхождение таких домов осталось неразъясненным².

Что оно не было связано с милоградской основой, наглядно демонстрируется буквальным ее уничтожением в Нисимковичах. Раскопки показали, что милоградский культурный слой «зарубинцы» с площадки убрали, использовав его для подсыпки надпойменного склона городища с целью увеличения крутизны. Над этим погребенным слоем был возведен длинный дом, превративший зарубинецкое Нисимковичское городище в подобие блокауза (рис. 17: 4). Это сооружение, изгибающееся дугой параллельно западной оконечности городища, осталось недоисследованным. Во вскрытой своей части оно было шириной 2,5—3 м и углублялось в материк на 0,4—0,5 м. По обеим сторонам в два ряда, примерно через каждые 2 м, располагались столбовые ямы или остатки обугленных столбов, в заполнении были куски обгоревшего дерева. По обеим сторонам постройки выявлены (правда, на небольшом участке) двойные параллельные канавки с древесным тленом. Видимо, каркас постройки составляли два ряда вертикальных столбов, на которые как-то опирались стены из уложенных друг на друга тонких бревен. Возможно, стены были даже двойные, с каким-то утеплителем внутри (?). Способ отопления дома демонстрируют четыре каменных очага. Обнаружены также и каменные вымостки неясного назначения. Аналог этому сооружению обнаружен в Понемонье на городище Кощеличи, во втором его строительном горизонте I в. н.э.³ Однако еще в VI—V вв. до н.э. коридорообразная постройка тянулась даже по всему периметру

¹ Дробушевский А. И. Памятники зарубинецкой культуры Белорусского Посожья // Час, помнікі, людзі. Памяці рэпрэсаваных археолагаў. Тэз. дакл. міжнар. канф. — Мінск, 1993. — С. 32.

² Дробушевский А. И. Домостроительство и планировка поселений Нижнего Посожья на рубеже н.э. — С. 64.

³ Медведев А. М. Белорусское Понемонье в раннем железном веке. — Минск, 1996. — С. 21, 46, рис. 266.

площадки городища Кузина Гора в Посеймье¹. Но ведь и в самом Посожье на городище Уваровичи имеются длинные дома, как ранние юхновские, так и позднейший зарубинецкий, который был, по-видимому, такого же блокаузного типа, что и в Нисимковичах. «Как выясняется из раскопок, — писал, к тому же, А. Н. Лявданский о Ворновке еще в 1936 г., — жилые и иные постройки шли кругом близ края площадки, а в середине был двор»². Все это позволяет допускать, скорее, местное, т.е. также юхновское, происхождение последнего.

Перейдем к рассмотрению специфических юхновских находок Посожья. Самой массовой их категорией является, конечно, керамика. В культурном слое рассматриваемых городищ, как правило, обильно представлены черепки лепной посуды. Обычно они плотнее, тоньше, но крепче милоградских или зарубинецких. Они хорошо обожжены, на изломах иногда видны мелкие зерна дресвы, изредка шамота. На нижних частях лепных сосудов нередко отмечаются отчетливые следы обстругивания, вертикально или наискось, производившегося гончарным ножом еще до обжига. Это, согласно В. П. Левенку, признак именно позднеюхновской посуды. Однако по пропорциям найденная в Посожье более сходна со «среднеюхновской», или, как ее еще называют, собственно «юхновской» керамикой³. Это высокие горшки с короткими венчиками, прямыми или отогнутыми в ту или другую сторону, со слабо выраженной шейкой, со слегка выпуклыми боками и маленькими плоскими днищами. Выразительная серия из нескольких таких горшков обнаружена при раскопках в Подгорье. При раскопках в Чечерске была обнаружена верхняя часть широкогорлого сосуда с загнутым внутрь краем. Возможно, верхняя часть юхновской миски найдена в Светиловичах.

¹ Алихова А. Е. Древние городища Курского Посеймья // Материалы и исслед. по археологии СССР. 1962. № 113. 1962. — С. 93, рис. 3: 1.

² Каваленя А. Д. Дневник за 1936 г. Р. Сож. // Інстытут гісторыі НАН Беларусі. Архіў навуковай археалагічнай дакументацыі. № 457.

³ Левенок В. П. Юхновская культура (ее происхождение и развитие) // Сов. археология. 1963. — № 3. — С. 90, рис. 5: 6—10.

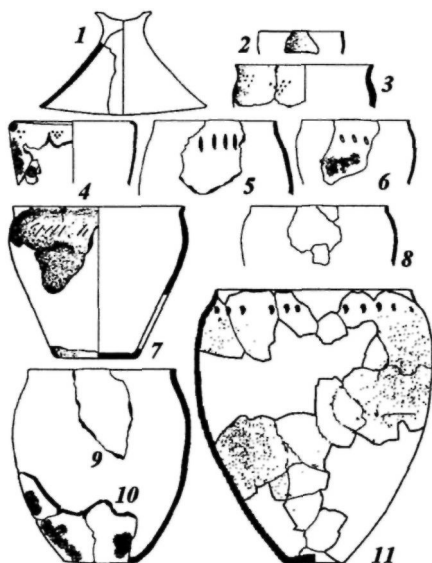

Рис. 18. Посуда:

1 — Новые Громыки; 2 — Светиловичи; 3 — Присно-II; 4 — Чечерск;
5—6, 8—9, 11 — Подгорье; 7 — Казацкие Болсуны; 10 — Залядьё

С характерной профилировкой этой посуды часто сочетается ее не менее характерная юхновская орнаментация. На Ляличском городище В. А. Падиным был выявлен даже венчик со сквозными проколами. На Новогромыкском, согласно Е. Р. Романову, вся поверхность «городка» покрыта была черепками с характерным орнаментом, в том числе в виде проколов¹. Более характерны, впрочем, так называемые «тычковые» вдавления, наносившиеся концом палочки или щепки снизу вверх, под углом к поверхности по шейкам или плечикам сосудов². Такие «тычки» располагались в один, иногда в

¹ Падин В. А. Ук. соч. — С. 48; Романов Е. Р. Археологический очерк Гомельского уезда // Записки Сев-Зап. отдела Русск. Геогр. о-ва. Кн. 1. — Вильна, 1910. — С. 109.

² Алихова А. Е. Древние городища Курского Посеймья. — С. 115, рис. 15: 3—8.

два ряда, но довольно часто из них образуются «свисающие» треугольники и даже целые фестоны типа «виноградная гроздь» (рис. 18: 3—4). Данный элемент орнаментации возник еще в предшествующей бондарихинской культуре и был, по-видимому, унаследован юхновской от нее¹.

Согласно А. М. Медведеву, распространение штриховки во II — середине I тыс. до н.э., включавшее также и бондарихинскую культуру, соответствуя ареалу древнебалтской гидронимии, является показателем максимального расселения балтов. Возможность бондарихинско-юхновского происхождения также и этого орнаментального приема (штриховки) применительно к Белорусскому Посожью до сих пор еще не предполагалась. В частности, штриховка, имеющаяся на зарубинецких сосудах так называемой группы Чечерск—Кистени, связывается с влиянием со стороны культурой штрихованной керамики. Однако, в отличие от юхновской, каких бы то ни было элементов этой культуры в Посожье нет вообще, несмотря на то что это ошибочное мнение, как было отмечено выше, еще продолжает бытовать. Между тем штриховка издавна хорошо известна, и притом в разных частях юхновского ареала. «Горшки зачищались снаружи щепкой, — писал В. П. Левенок о юхновской посуде, — отчего на поверхности остаются полосы в виде вертикальной штриховки»². Ее наличие отмечалось, в частности, на селище Свердловка в Черниговском Подесенье. В Курском Посеймье на юхновском поселении Комаровка эта штриховка, по мнению О. Н. Мельниковской, имела явно орнаментальный характер³. Орнаментальный ее характер не-

¹ Ильинская В. А. О происхождении культур раннего железного века на Левобережье Среднего Днепра // Краткие сообщ. Ин-та археологии АН СССР. 1957. Вып. 70. — С. 22, рис. 4: 10, 15—16.

² Левенок В. П. Городища юхновской культуры // Краткие сообщ. Ин-та археологии. 1967. Вып. 7. — С. 51.

³ Мельниковська О. М. Поселення поблизу с. Свердловка на Чернігівщині // Археологія. 1972. Вил. 2. — С. 25, 27—28; Мельниковська О. М., Симонович Е. О. Розкопки в с. Комарівці на Посейм'ї // Археологія. 1975. Вип. 15. — С. 81, рис. 6: 8.

сомненен также и для большого горшка из городища Казакии Болсуны на Нижней Беседи (рис. 18: 7). Кстати, первоначально тот же А. И. Дробушевский полагал, что некоторые виды орнаментации зарубинецкой посуды этой «чечерской», как он ее называет, группы, несут в себе традиции не только милоградской, но и юхновской культуры. Однако позднее особенности той же самой посуды, в частности, форма горшков типа Iаа, по его классификации, связываются А. И. Дробушевским с милоградской и даже позднескифской, а совсем не с юхновской культурой¹. Но, например, особенности сосудов из могильника Юрковичи, по мнению В. В. Пилипцевич, совпадают с отличительными особенностями именно юхновской керамики². Добавим, что «чечерская» посуда имеет очевидное сходство также с почепской, достаточно сравнить, к примеру, упомянутый ее тип Iаа с горшками Сеньковского селища³.

Из других керамических изделий именно для юхновской культуры характерны хорошо известные «рогатые» кирпичи, фрагменты которых обнаружены на городище Подгорье. Есть сведения о находках этих «кирпичей» также и в Уваровичах⁴. Кроме них, для этой же культуры характерны также и разнообразные глиняные блоки (рис. 19: 7—9).

¹ Дробушевский А. И. Памятники зарубинецкой культуры Белорусского Посожья. — С. 32; Дробушевский А. И. Чечерская группа верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры // Краеведческие записки (к 80-летию Гомельского областного краеведческого музея). — Гомель, 2000. — С. 51.

² Пилипцевич В. В. К вопросу о поздней дате зарубинецкой культуры в Верхнем Поднепровье // Славянский мир Полесья в древности и средневековье. Материалы междунар. науч. конф. 19—20 окт. 2004 г. — Гомель, 2004. — С. 138.

³ Амброз А. К. К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н.э. // Сов. археология. — 1964. — № 1. — Рис. 2: 7—8.

⁴ Рассадин С.Е. Отчет о раскопках 1982 года, рис. 46, 50: 1, 2; 51; Дробушевский А. И. Городище эпохи раннего железного века в г. п. Уваровичи // Гомельщина: археология, история, памятники. — С. 26.

Рис. 19. Фрагменты керамики:

1— Светиловичи; 2 — Вороновка; 3 — Новосёлки; 4—6 — Чечерск;
7—9 — Подгорье; 8 — Уваровичи

Находки из металла, связанные с юхновскими напластованиями на городищах Посожья, в основном лишены соответствующей культурной специфики, так как, к примеру, ножи с «горбатой» спинкой были характерны для широкого круга синхронных древностей. Иначе дело обстоит с одной из посоховидных булавок из Подгорья (рис. 20: 5). Кольцевидная ее головка лишена обычного S-видного завитка, — так же, как и такая же головка булавки, обнаруженной много лет назад на Юхновском городище. Для юхновской культуры, согласно А. М. Медведеву, были характерны посоховидные булавки с головками «каплевидной» формы — в виде треугольной петли. Булавки этого типа найдены также на городищах Подгорье и Светиловичи (рис. 20: 7—9)¹.

¹ Трубникова Н. В. К вопросу о Юхновском городище. — С. 125, рис. 8; Мельниковская О. Н. Юхновское городище у д. Поповка // Археол. открытия 1970 года. — М., 1971. — С. 70; Медведев А. М. Посоховидные булавки // ГАЗ. — 1995. — № 7. — С. 180, рис. 7—10.

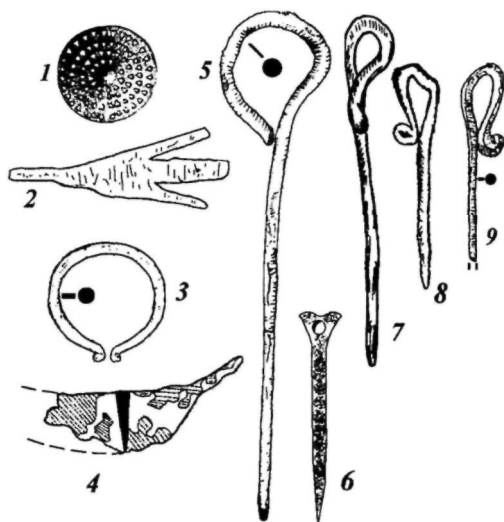

Рис. 20. Изделия из бронзы, железа и кости:

1 — Вылево; 2—3 — Чечерск; 4—5, 7—8 — Подгорье; 6, 9 — Светиловичи

Для однокультурных им памятников, в том числе и принадлежащих к уже настоящему железному веку, характерно изобилие изделий из кости и рога. Поэтому нельзя не заметить, что именно городище Уваровичи выделяется среди прочих посожских как раз благодаря своей развитой костяной и роговой индустрии. Простейшие вещи вроде игл, булавок или проколов на соседних городищах с однородными милоградскими напластованиями делались почти исключительно из металлических (железных, реже бронзовых) стержней. В Уваровичах же не только рукоятки, но и сами сверляще-колющие инструменты изготавливались из кости, как это и было принято в юхновской культуре вообще¹.

¹ Горюнова Е. И., 1950. Городище Торфель // КСИИМК. 1950. Вып. 31. Рис. 54: 42, 45; Левенок В. П. Городища юхновской культуры. — С. 51, рис. 1: 16—19; Дробушевский А. И. Костяные изделия Уваровичского городища // Рэгіянальн. навук. канф. Гістарычныя лёсы Верхняга Падняпроўя. Ч. I (археалогія). — Магілёў, 1995. — С. 91—98.

Юхновские умельцы освоили не только относительно несложные операции типа сверления кабаньих клыков, но и достигли высокого уровня косторезного мастерства. Об этом свидетельствуют, несомненно, орнаментированные концентрическими поясками резные роговые веретена, фрагменты которых выявлены на городище Жадино Курской области, которые О. Н. Мельниковской интерпретированы как безусловно местные изделия. К таковым относится, по-видимому, также точеная двусоставная роговая насадка на рало, найденная в Уваровичах¹. Ничего похожего ни на то, ни на другое ни в милоградской, ни в зарубинецкой культуре нет.

В Посожье пока что нет достоверных юхновских захоронений. Однако о погребальном обряде здешних «юхновцев» все же можно составить некоторое представление, если учесть Юрковичский могильник. Он был введен в научный оборот как зарубинецкий, а его отличия от классических А. И. Дробушевский попытался объяснить хронологией, одновременно интерпретировав этот памятник как переходный к позднезарубинецким. Однако при этом делается оговорка, что едва ли не все юрковичские погребения по возрасту соответствуют заключительным фазам Чаплина². Ясно, что дело здесь не только и не столько в хронологии. Этот могильник со временем вообще был исключен из числа зарубинецких, так как, по замечанию В. В. Пилипцевич, его нельзя относить ни к фуппе Горошков—Чаплин, ни к группе Чечерск—Кистени. Как уже отмечалось выше, особенности юрковичской керамики хорошо объясняются исходя из особенностей юхновской. К этому надо добавить, что от классической зарубинецкого ритуала обрядность Юркович отличается как раз именно то, что объединяет ее с собственно юхновской, известной по погребению в Кудлаевке. Кудлаевское совер-

¹ Мельниковская О. Н. Находка греческого веретена в памятниках Юхновской культуры // Сов. археология. — 1977. — № 3. — С. 286, рис. 1: 3—4; Дробушевский А. И. Уваровичское рало // ГАЗ. — 1996. — № 10. — С. 5—7.

² Дробушевский А. И. Погребальные памятники рубежа н.э. Нижнего Посожья // Гістарычна-археалагічны зборнік. — 1996. — № 9. — С. 123.

шено в круглой яме примерно таких же размеров, как и, например, погребение № 18 в Юрковичах. Как и в погребении № 15, там же, в кудлаевском, помещались обломки сосуда. Пережженные кости были здесь ссыпаны в яму вместе с остатками костра¹. Если отделение от них костей для зарубинецкой культуры являлось правилом, то отличием Юркович, было, по выражению А. И. Дробушевского, «господство погребений с остатками погребального костра»².

При раскопках 1985 г. в погребении № 2 этого могильника была найдена железная подковообразная фибула типа чаплинских (рис. 20: 3). Такая же фибула была найдена в 1975 г. на Чечерском городище³. Согласно В. В. Пилипцевич, такие подковообразные фибулы из железа от рубежа и в первых столетиях н.э. использовались финнами Поволжья (Андреевский курган). В могильнике Чаплин, по ее мнению, такие фибулы появились на заключительном этапе, датированном ею фазой В1—В2а (40—100 гг. до н.э.)⁴. Обратим внимание, что, помимо Чаплина, железная фибула-сюльгма обнаружена также и в Почепе. В Почепе была найдена и пара пластинчатых черешковых наконечников стрел того же металла. Такой же наконечник обнаружен и в Чечерске (рис. 20: 2)⁵. Похожие находки имеются во многих местах на памятниках различных эпох, но наиболее близкие и в наибольшем коли-

¹ Мельниковская О. Н. Первые сведения о погребальном обряде юхновской культуры // Материалы и исслед. по археологии СССР. — 1970. — № 176. — С. 50.

² Дробушевский А. И. Погребальные памятники рубежа н.э. Нижнего Посожья. — С. 122.

³ Ткачоў М. А. Справаздача аб палявых археалагічных даследаваннях Пасожскага атрада за 1975 г. // Інстытут гісторыі НАН Беларусі. Архіў навуковай археалагічнай дакументацыі. № 514. Рыс. 72: 1.

⁴ Пилипцевич В. В. Ук. соч. — С. 138, рис. 2.

⁵ Заверняев Ф. М. Почепское селище // МИА. 1969. № 160. С. 112, 115, рис. 14: 17, 18, 20; Чернявский И. М. Археологическое изучение Замковой горы в г. Чечерске Гомельской обл. Табл. 36.

честве концентрируются в том же Андреевском кургане. Как и для подковообразных застёжек, их дата определяется там по совместным находкам в погребениях фибул типа *Avcissa* — I в. н.э.¹ Таким образом, получается, что заключительный период Чечерского городища в железном веке вполне может оказаться синхронным, с одной стороны, Юрковичскому могильнику, а с другой стороны — Почепскому селищу. Что одинаковое с «почепцами» по своему зарубинецко-юхновскому происхождению население обитало не на селищах, а на городищах, может быть локальной особенностью памятников Посожья, непосредственно предшествовавших типу Грини. На эту особенность в свое время обратил внимание Ф. М. Заверняев. Им были картографированы два массива родственных позднезарубинецких памятников по обе стороны сожско-деснинского водораздела. И если на Судости это были исключительно селища почепского типа, то на соседней Средней Ипути — только городища².

Можно кое-что сказать и о хронологии посожских городищ с юхновско-милоградскими напластованиями. Нами обращалось внимание на то, что попытка ограничить существование здесь последней началом II в. до н.э. «основана» на ошибочном представлении о хронологии рубчатых браслетов, которые на самом деле бытовали даже во II в. н.э.³ В результате возникла иллюзия об автоматической и скоротечной замене на зарубинецкую милоградской культуры на реке Сож⁴. Оказалось, что та же дата, как у позднелатен-

¹ Степанов П. Д. Андреевский курган. К истории мордовских племен на рубеже н.э. — Саранск, 1980. — С. 36, 38.

² Заверняев Ф. М. Зарубинецкие памятники Верхнего Подесенья // Материалы и исслед. по археологии СССР. — 1970. — № 176. — С. 25.

³ Рассадин С. Е. Милоградская культура, ареал, хронология, этнос. — С. 30, 32.

⁴ Дробушевский А. И. Чечерская группа верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры // Краеведческие записки (к 80-летию Гомельского областного краеведческого музея). — Гомель, 2000. — С. 60.

ских фибул из жилища в раскопе IV на городище Милоград, также имеется, по-видимому, в абсолютной хронологии милоградского Посожья. Датировка одной, на первый взгляд, ничем не примечательной находки на городище Подгорье, казалось бы, не только определена, но даже и опубликована. Это фрагментированная (без большей части лезвия) железная, односторонне заточенная бритва с прямым черешком, которая была обнаружена нами при раскопках этого городища (рис. 20: 4). Публикатор механически отождествил ее с найденными на селищах Асаревичи и Лемешевичи, и поэтому приписал ей аналогичную раннелатенскую датировку — IV—III вв. до н.э.¹ Но М. И. Лошенко, к сожалению, не обратил внимания на одно небольшое различие, что, однако, и привело к значительному занижению датировки нашей подгорской бритвы. В отличие от нее, и у лемешевичской, и у асаревичской были обломаны не только лезвия, но и «ручки», что, кстати, специально подчеркнуто как В. С. Вергей, так и О. Н. Мельниковской. «Ручка, — добавляет О. Н. Мельниковская, — скорее всего была загнута в колечко, как это часто наблюдается на латенских бритвах»². Но ведь нельзя не заметить, что сохранившийся в целости черешок бритвы из Подгорья — это никакое не колечко. Поэтому как аналог уместнее было бы использовать бритвы не раннелатенского, а римского типа. А. А. Александровым к нему отнесена бритва из среднеднепровского зарубинецкого могильника I в. до н.э. — I в. н.э. Таценок³. Судя по уцелевшей части, таценовская бритва близка подгорской, только изогнутый ее черешок был длиннее. Черешок подгорской короткий, пря-

¹ Археалогія Беларусі. — С. 52, рис. 28: 1, 2.

² Мельниковская О. Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. — С. 62; Вергей В. С. Селище у д. Лемешевичи на Припяти // ГАЗ. — 1994. — № 5. — С. 140.

³ Максимов Е. В. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. — Табл. 13: 15; Александров А. А. Бритвы III—IV вв. в контексте древностей Восточной Европы // Земля Псковская, древняя и социалистическая. Тез. докл. к науч. конф. — Псков, 1989. — С. 26.

мой и явно должен был вставляться в какую-нибудь рукоятку. Таким черешком была снабжена, например, бритва из городища Бураково. Таким образом, это, по-видимому, наиболее существенное отличие ее конструкции предполагает включение бритвы из Подгорья в один и тот же тип с датирующимися началом н.э. днепродвинскими¹.

Наконец, еще одна находка происходит из городища, где имеются, по-видимому, только юхновские напластования. Юхновская хронология, по мнению О. Н. Мельниковской, «охватывает ...и начало н.э.»² Единичные фрагменты зарубинецкой керамики встречены на многих однослойных юхновских памятниках, но самый интересный был обнаружен в 1980 г. на городище Новые Громыки. Это часть конической крышки диаметром около 20 см, изготовленной из хорошо отмоченной глины с примесью из мелкого песка и зерен дресвы. Поверхность тщательно заглажена, подложена, со следами нагара с внутренней стороны (рис. 18: 1)³. В самой юхновской культуре эта категория посуды, по-видимому, вообще не известна. Зато она хорошо представлена в зарубинецкой, однако только в среднеднепровском ее варианте. Там на биритуальном могильнике Дедов Шпиль I в. до н.э. — I в. н.э. конические крышки обнаружены именно в скелетных погребениях. Вообще весь их инвентарь, включая и сами крышки, убедительно сопоставляется с таковым из позднескифского могильника Золотая Балка. Е. В. Максимовым был сделан убедительный вывод об этническом происхождении погребенных по обряду трупоположения в Дедовом Шпи-

¹ Шмидт Е. А. Племена верховьев Днепра до образования древнерусского государства. — М., 1992. — Табл. 29: 7—11.

² Мельниковская О. Н. Юхновская культура // Новейшие открытия советских археологов. Тез. докл. конф. Ч. II. — Киев, 1975. — С. 10.

³ Рассадин С. Е. Отчет об археологических разведках памятников раннего железного века в Гомельском Посожье в 1980 г. // Інстытут гісторыі НАН Беларусі. Архіў навуковай археалагічнай дакументацыі. № 716. — С. 7.

ле, — это были скифянки из Нижнего Поднепровья, вышедшие на Средний Днепр замуж за «зарубинцев»¹. Каким-то неясным образом обломок одной крышки-конуса около рубежа н.э. оказался также и на Нижней Беседи, датируя, таким образом, юхновские материалы Новогромыкского городища.

Итак, получается, что, равно как милоградские и зарубинецкие, юхновские городища в Посожье тоже существовали примерно до одного и того же времени, а именно до I в. н.э. включительно. А когда же они здесь появились и насколько были глубоки их местные корни? По результатам ее исследований как в Посеймье, так и в Подесенье, О. Н. Мельниковской отмечалось значительное сходство, а иногда тождество материалов юхновской культуры начала железного и бондарихинской позднего бронзового века. Наличие между ними генетической связи подтверждается обнаружением переходных элементов в керамике, например, селища Комаровки². Предполагается, что на север, в теперешние Черниговщину и Брянщину, бондарихинскую культуру с территории Полтавщины и Харьковщины вытеснило нашествие киммерийцев³. Если на Могилевщине, Гомельщине и Западной Брянщине бондарихинские материалы пока что не обнаружены, то находка, по стилю напоминающая киммерийские и скифские, сделана на Вылевском городище. Это слабовыпуклый бронзовый диск с кнопкой сверху и петлей на обороте, по поверхности украшенный четырьмя концентрическими окружностями из мелких прорезных треугольников (рис. 20: 1). О. Н. Мельниковская называет его бляхой и ссылается на западные находки гальштаттского происхождения, в частности, на бляху из кургана № 217 у с. Печеры на Винничине⁴. Однако, во-первых, это явный фалар, имеющий, во-вторых,

¹ Максимов Є. В. Взаємовідносини зарубинецьких та степових Подніпров'я // Археологія. — 1978. Вил 2. — С. 49—50, рис. V.

² Мельниковська О. М., Симонович Е. О. Ук. соч. — С. 83.

³ Ильинская В. А. Ук. соч. — С. 43—44; Буйнов Ю. В. Поселення бондарихинської культури // Вісник Харківського університету. Сер. «Історія». — 1979. — Вил 11. — № 182. — С. 84—91.

⁴ Мельниковская О. Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. — С. 73.

аналогии также и далеко на востоке. В-третьих, сходство вылевской и печерской находок весьма общее. Последняя изготовлена совсем в ином стиле, будучи украшенной отнюдь не сложной композицией из прорезных треугольников, которая и придает эффект ажурности вылевскому фалару, а просто кругом из пуансонных вдавливаниях по краю¹. На рубеже бронзы и железа бляхи и фалары одинаковых формы и размера были распространены чрезвычайно широко, и поэтому при их культурно-хронологической атрибуции необходимо исходить из особенностей стилистики. Итак, в том же ажурно-прорезном стиле, что и вылевский, оформлены фалары типа *Batina*, появление которых в Хорватии связывается с киммерийскими вторжениями в глубь Европы на рубеже IX—VIII вв. до н.э. VII в. до н.э. датируется скифский Малый курган в равнинном Карабахе, откуда происходит следующая по хронологии аналогичная находка. Еще один ажурно-прорезной фалар был найден на площади Старшего Ахмыловского могильника VII—VI вв. до н.э.² Как ананьинская культура в Прикамье, куштановецкая культура в Закарпатье тоже испытала, так или иначе, определенное скифское влияние. Хронологии классической Скифии, по А. Ю. Алексееву, соответствуют временные рамки этой культуры — от середины VI до начала III в. до н.э. За отсутствием более точной, эту датировку придется применить к ажурно-прорезному фалару, опубликованному в экспозиции куштановецких материалов³. Итак, старший из аналогов вылевского фалара указывает на начало VIII, а младший — на конец IV в. до н.э. Однако

¹ Рыбалова В. Д. О связях Украины с Центральной Европой в эпоху бронзы и раннего железа // Исследования по археологии СССР. Сб. ст. в честь профессора М. И. Артамонова. — Л., 1961. — С. 86, рис. 4.

² Chochorowski J. Ekspansja kimmerijska na tereny Europy środkowej. — Kraków, 1993, rys. 10: 4; Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Ук. соч. — С. 26; Патрушев В. С., Халиков А. Х. Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник). — М., 1982. — Табл. 17: 21.

³ Попович И. И. Памятники куштановецкой культуры // Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (энеолит, бронза и раннее железо). — Киев, 1990. — Рис. 57: 19.

отсутствие как в Вылеве, так и вообще в Посожье каких бы то ни было бондарихинских элементов, датировку этого фалара, по-видимому, корректирует, выводя ее за пределы архаики. В свое время О. Н. Мельниковской никак не учитывались действительные аналогии, — ажурно-прорезные фалары киммеро-скифского типа. Но они, как оказалось, подтвердили предложенную ею датировку, а именно VI—IV вв. до н.э.¹

Около середины V в. до н.э. «юхновцы» проникают в Посеймье и утверждаются там. Притом речь идет не о мирной инфильтрации, а буквально о натиске и изгнании ими местных жителей². Поэтому естественно будет полагать: не расширился ли юхновский ареал не только на юг, но и на запад вплоть до Сожа и за Сож тогда же, в V в. до н.э.? Отсутствие милоградских материалов на Новогромыкском и Светиловичском и др., а также в основании культурного слоя городища Подгорье дает возможность допустить, что они были основаны переселенцами на новом месте. Конечно, не исключено и их подселение на уже существующие милоградские городища, но археологически этот вариант пока не прослеживается. Ясно одно: так или иначе, а «милоградцы» долгое время делили основную часть Белорусского Посожья именно с «юхновцами». Однако баланс этот однажды рухнул вследствие массированного зарубинецкого вторжения в самую глубину Посожья где-то в конце II в. до н.э. «Большинство поселений чечерской группы, — пишет А. И. Дробушевский, — возникло именно в этот период, т.к. материалы ступени Латена C2 здесь единичны»³. Представляет интерес, каким образом они здесь возникли? «Надо думать, — пишут М. И. Лошенко и А. И. Дробушевский о Шепотовичах, — что между «милоградцами» и «зарубинцами» был временной отрезок, когда на городище никто не жил». Однако никаких оснований, почему же надо думать так, а не

¹ Мельниковская О. Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. — С. 162—164, рис. 64.

² Алихова А. Е. Древние городища Курского Посеймья. — С. 100.

³ Дробушевский А. И. Чечерская группа верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры. — С. 58.

иначе, совсем не приводится¹. Зато имеются другие данные, свидетельствующие о том, как именно «зарубинцами» в этом районе был освоен ряд милоградских городищ, например Ворновское, Волчасское и Нисимковичское. Вряд ли и здесь обошлось без захвата и изгнания. Изгнанные «мипоградцы» были вынуждены искать себе пристанище. По результатам раскопок в Подгорье в связи с зарубинецким вторжением во II в. до н.э. предполагается их недалекая миграция в восточном направлении. Какая-то группа «милоградцев» отошла вверх по Ипути и как-то устроилась на одном из юхновских городищ². Здесь, по-видимому, возник такой же «остров», как и на правобережье Днепра. Близость датировок фибул из Мипограда и бритвы из Подгорья заставляет предполагать синхронность обоих этих «островов». Гораздо больший такой остров подобных датирующих находок, к сожалению, пока не дал. Ниже города Гомеля по Сожу и притокам концентрируются милоградские городища без зарубинецких напластований (раскопки здесь велись нами на Ленинском и Узовском городищах)³. Может быть, милоградская культура здесь удержалась до самого своего финала. Во всяком случае, зарубинецкие памятники здесь отсутствуют, и складывается впечатление, что для «зарубинцев» путь вниз вдоль Сожа был наглухо закрыт этим милоградским «островом».

Итак, милоградско-зарубинецкие отношения реконструируются как неприязненные. Согласно О. Н. Мельниковской, постепенное угасание юхновской культуры тоже было связано с приходом зарубинецких племен⁴. Однако они взаимодействовали, по-видимому, все-таки иначе. Результаты этого взаимодействия были зафиксированы на поселении Почеп. С

¹ Дробушевский А. И., Лошенко М. И. Шепотовичское городище эпохи раннего железа // Гістарычна-археалагічны зборнік. — 1995. — № 6. — С. 48.

² Археалогія Беларусі. Т. 2. — С. 42.

³ Рассадин С.Е. Отчет за 1983 г. Рассадин С.Е. Отчет о раскопках городища Уза Гомельского района летом 1987 г. // Інстытут гісторыі НАН Беларусі. Архіў навуковай археалагічнай дакументацыі. № 1108.

⁴ Мельниковская О. Н. Юхновская культура. — С. 10.

одной стороны, жилища разных типов, полуземлянки и «длинные» дома, размещаются там обособленно. С другой — и в тех, и в других содержатся одинаковые материалы. Различие в типе жилищ считается обусловленным совместным проживанием на Почепском селище двух этнографических групп обитателей. Из них одна была в большей степени связана по происхождению с «юхновцами», а другая — с поздними «зарубинцами»¹. Но «зарубинцы» проживали совместно с «юхновцами» также и на городищах, в частности, на Чечерском. Кстати, находки, аналогичные почепским, как это уже упоминалось, происходят как раз из него. К сожалению, из-за ограниченности размеров городищенских площадок взаиморасположение зарубинецких и юхновских находок на них пока не прослеживается. Но зато, как это было установлено, в частности, для бассейна Верхней Беседи, следы насильственного захвата здешних юхновских городищ в виде пожаров или снятия их культурного слоя отсутствуют. С другой стороны, здесь складывается именно такой же межкультурный симбиоз, как и тот, что вызвал к жизни древности типа Почеп². Итак, появление несколько южнее такого памятника, как Юрковичи, также становится понятным.

Но как же на практике возникали подобные юрковичским или почепским «метисные» формы лепной посуды? По А. А. Бобринскому, согласно этнографическим данным, практически повсеместно изготовлением неремесленной глиняной посуды занимались именно женщины. Кроме того, как им это особо подчеркивается, иногда существовал запрет на дарение такой посуды иноплеменникам³. Так что относительно немногочисленные зарубинецкие материалы на юхновских в своей основе городищах должны были бы рассматриваться как результат подселения на них отдельных зарубинецких семей. С другой стороны, такие же немногочисленные или единичные

¹ Терпиловский Р. В. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н.э. — С. 26.

² Шадыра В. І. Аб паўднёвай мяжы Дняпра-дзвінскай культуры на Беларусі // ГАЗ. — 1998. — № 13. — С. 89.

³ Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. — М., 1978. — С. 26.

фрагменты от сосудов юхновского типа на городищах в основном с зарубинецкими материалами могли появиться вследствие присутствия на них юхновских жен «зарубинев».

Подробности семейно-брачных историй буквально каждой из этих наших нечерноземных сабинянок, конечно, любопытны, но, в общем, не важны. Самое главное в истории знаменитого массового брака-похищения Ливием изложено так «Потом вожди вышли, чтобы заключить договор, и не просто помирились, а из двух государств составили одно. ...Так город удвоился...» (LIV., I: 13, 4—5). Подобное удвоение в конце I тысячелетия н.э. также успешно состоялось и в Посожье. Памятник ему, в виде массива зарубинеcko-юхновских городищ, до сих пор сохраняется по обе стороны белорусско-российской границы. Однако римлянам объединиться с сабинянами в политический, военный и брачный союз явно было гораздо проще, чем «зарубинцам» с «юхновцами». Мужья и отцы сабинянок, италики по языку, были к тому же практически идентичны в смысле культуры. Зарубинецкая же, по удачному определению Г. С. Лебедева, это типичная «культура фибул и мисок», в отличие от культуры юхновской, — булавок и горшков¹. Эти юхновские древности на лесистой Русской равнине рассматриваются в лингвистическом этническом и языковом отношении в качестве юго-восточной группировки днепровских балтов². И это представляется обоснованным едва ли менее, чем отмеченное выше соответствие латенизированной зарубинецкой культуры нескольким племенным группировкам бастарнов — пришельцев с запада. Их смешанное происхождение обернулось большей способностью к межкультурному/этнолингвистическому взаимодействию.

В результате складывается одна из многочисленных также и в ту эпоху поздней античности группировок дуального происхождения. Итак, десятки городищ по Сожу, Беседи, Ипути демонстрируют, как на протяжении I—II вв. н.э. в брянских и

¹ Лебедев Г. С. Вернемся к началу // Знание — сила. — 1986. — № 10. — С. 17.

² Седов В. В. Днепровские балты // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. — Вильнюс, 1985. — С. 20—29.

чечерских лесах видоизменялась исходная зарубинецкая традиция, по своему происхождению неместная, западная, европейская. С другой стороны, без боязни ошибиться можно предполагать, что их смешанное население должно было владеть одним из древних днепровско-балтских диалектов— именно тем, каким пользовались «юхновцы». В таком случае речь уже идет как раз и о «материнской балтской утробе», и об «отце»-бастарне. Соплеменники обитателей Чечерского городища должны были исполнить поистине великое дело: просто-напросто подготовить славяногенез, в том числе демографически. Какова была численность населения зарубинецко-юхновских городищ Посожья накануне того, как оно всей своей массой двинулось на юг, чтобы оставить там памятники типа Грини?

Имеются две методики определения численности жителей похожих городищ. В основе британской — учет трудозатрат на укрепление hillforts. Подсчитано: например, для того чтобы на городище Лэдл-Хилл выкопать ров, насыпать вал шириной по основанию 7, высотой 4, длиной 700 м, укрепить его плетнем с тысячей кольев, требовалось затратить от 12 500 до 17 000 человеко-дней. Это работа примерно на 100 дней для 150 взрослых мужчин¹. В основе советской — учет общей площади жилого пространства внутри укреплений, при норме на одного человека в 15—25 кв.м². Согласно этой методике, максимальная численность жителей Иволгинского городища, например, составляла 2,5—3 тысячи человек³. Обе эти методики обладают своими недостатками. Каково, к примеру, было трудолюбие тех же бриттов? Согласно Видукинду, это был народ ленивый (Viducind., I: 8). И повсеместно ли соблюдалась в древности установленная норма? Как известно, жилищные предпочтения весьма разнообразны. Во внутрен-

¹ Корякова Л. Н. Археология раннего железного века Евразии. Железный век Западной Европы.

² Корякова Л. Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). — Свердловск, 1988.

³ Крадин Н. Н. Империя хунну (структура общества и власти). Автореф. дис. д-ра историч. наук: 07.00.03. / Институт востоковедения. Санкт-Петербургский филиал Росс. АН. — СПб., 1999.

ней части Новой Гвинеи в одной деревне дома с огромными фронтонами стоят на сваях, а в соседней жители ютятся в землянках вместе с поросятами и собаками...

Придется все же применить сибирскую методику, да и то с существенными ограничениями. Мы не располагаем не только данными о трудозатратах на их возведение, но, к сожалению, и даже мало-мальски подробной планиграфией всех интересующих нас теперь памятников. Однако все же довольно точно известна площадь основной массы (18 из 30) тех городищ белорусско-российского Посожья, где имеются напластования юхновские, юхновско-зарубинецкие или зарубинецкие с элементами юхновской культуры. Таким образом, пожалуй, исключается риск завысить численность их населения, так или иначе втянутого в процесс зарубинецко-юхновской интеграции. К тому же, практически все учтенные городища были укрепленными деревнями, в которых проживало, по-видимому, все население территории, а отнюдь не военными убежищами, куда оно сбегалось лишь в случае угрозы. Итак, получается, что численность данной популяции определяется в пределах трех с половиной — пяти с половиной тысяч человек.

№ п/п	№ по рис. 1	Название городища	Материалы культур	Площадь, кв. м	Количество жителей (мин./ макс.), чел.
1	1	Бобовичи Новые	юхновская, зарубинецкая	4 435	177 / 296
2	5	Ворновка	милоградская, зарубинецкая, элементы юхновской	2 960	118 / 197
3	6	Вылево	юхновская, милоградская, зарубинецкая	4 000	160 / 227
4	8	Громыки Новые	юхновская	10 000	400 / 667
5	9	Дроков Старый	юхновская, зарубинецкая	1 085	43 / 72
6	10	Дуброва Белая	юхновская, зарубинецкая	900	36 / 60

7	12	Каничи	юхновская, зарубинецкая	1 248	50/83
8	15	Лыщики	юхновская	1 000	40/67
9	16	Ляличи	юхновская, зарубинецкая	1 950	78/130
10	18	Нисимкови- чи	зарубинецкая, элементы юх- новской	2 826	113/188
11	20	Подгорье	милоградская юхновская	10 000	400 / 667
12	22	Светилови- чи	юхновская	3 675	147/245
13	23	Село Ста- рое	юхновская	13 000	520 / 867
14	25	Уваровичи	юхновская, милоградская, зарубинецкая	5 554	222 / 370
15	27	Федоровка	юхновская, зарубинецкая	3 400	136/227
16	28	Хутор Чер- нявский	юхновская	2 480	99/165
17	29	Чечерск	юхновская, милоградская, зарубинецкая	10 000	400 / 667
18	30	Яново	юхновская	7 500	300 / 500

Итого: 3 439 / 5 695.

Доля боеспособных мужчин в возрасте от 16 до 60 лет составляет обычно около 30 %. Получается довольно внушительное войско, около полуторы тысяч копий. «Вандалов, например, — заметил Л. Н. Гумилев, — было всего 20 тысяч воинов — одна дивизия. Они захватили всю Северную Африку»¹. Занятие, и то частичное, Киевщины и Черниговщины, требовало меньших сил соответственно. И силы эти ни в коем случае не должны приниматься за недостаточные. В XVII в., когда аборигены Западной Сибири переживали свою героическую эпоху, на нашу городищенскую, очень похожую, макси-

¹ Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало: Популярные лекции по народоведению. — М., 2004.

мальная численность ополчения хантов не превышала 2 000¹. Впрочем, и на Западе ополчения некрупных племен были такими же. Например, согласно Цезарю, для участка во всеобщем восстании галлов к Верцингеторигу в 52 г. до н.э. прибыло столько же воинов от рауриков и боев (Caes. De Bello Gallica, VII: 75). Но интереснее цифра не из Цезаревых «Комментариев», а из древней восточной легенды, реальная основа которой восходит к XV в. до н.э. Согласно этой легенде, всего-навсего «сто черноголовых семейств», пришедших в Шаньси с запада и вступивших в упорную борьбу с «Мутно-желтой рекой» (Хуанхэ), и начали весь китайский этногенез². Этногенез славянский начали те немногочисленные основатели, чьи имена, казалось бы, навсегда утонули во времени...

§4. Готы

«И оказалось, — с нескрываемым удовольствием писал Л. Н. Гумилев, — что вместо "пазырыкцы" следует говорить "юеджи", а Б. Лауфер доказал, что эти знаки произносились "согдо", т.е. "согды"»³. Возможно, письменные источники помогут как-то преодолеть безнадёжную, казалось бы, молчаливость науки археологии не только на Алтае, но также и на Брянщине. Нам уже приходилось обращать внимание на то, что, с одной стороны, именно юхновская культура наилучшим образом соответствует всем известиям Геродота о будинах, но с другой — нет никакой уверенности в том что самоназвание «юхновцев» соответствовало его Βουδῖνοι. Скорее наоборот, хотя бы потому, что фонемы наподобие -Pud», «ud», «ut» далеко за пределами юхновского ареала, от Саксонии до Приуралья и Закавказья, имеются в языках самых разных народов⁴.

¹ Гемуев И. Н., Сагалаев А. М., Соловьев А. И. Легенды и были таежного края. — Новосибирск, 1989.

² Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. — С. 239.

³ Гумилев Л. Н. Тысячелетия вокруг Каспия. — С. 107.

⁴ Рассадин С. Е. Северные соседи Великой Скифии. — Минск, 2005. — С. 125 сл.

Итак, самоназвание юхновских партнеров зарубинецких бастарнов, скорее всего, звучало совсем иначе, и следы его должны были обнаружиться именно в области взаимодействия обоих этих древних этносов. Так оно, по-видимому, и оказалось. На левых притоках Десны, Навле и Неруссе, т.е. непосредственно на территории распространения памятников типа Почеп, имеется одно из скоплений характерных топонимов¹. Другие названия того же типа — Глядино, Гряднево, Взголяжье — расположены несколькими группами уже в бассейне Верхней Оки, на Болве, Протве и Москва-реке, т.е. в ареале мощинской археологической культуры. Она возникла, согласно В. В. Седову, в результате миграции почепского населения, которое двинулось на северо-восток из соседнего Подесенья где-то на рубеже III и IV вв. Носителей мощинской культуры, считал В. В. Седов, упоминает Иорданова «Getica». «Покорил же он (Германарих. — *CP.*), — сказано у Иордана, — племена гольтескифов, тиудов, инаунксов, васинобронков, меренс, морденс, имнискаров, рогов, танзас, атаул, навего, бубегенов, колдов» (Jord., *Getica*, 116)². Эти сведения, как предполагалось В. В. Седовым, восходят, вследствие использования автором «Гетики» более ранних, но утраченных сочинений Аблавия и Кассиодора, как раз к тому же самому IV в. н.э. У Иордана «мощинцы», согласно мнению исследователя, фигурируют под названием *Coldas*³.

К этому перечню племен, будто бы покоренных великим остготским королем Германарихом, мы уже обращались. Он воспринимался Б. А. Рыбаковым как античный итинерарий — торговый путь, который вел из Прибалтики по Волге на Каспий и дальше через Кавказ в причерноморскую Колхиду. Там у него помещаются колды, а гольтескифы, находящиеся у Иорда-

¹ Чернышов С. В. Этносоциальные особенности формирования населения Брянской области // Состояние и проблемы развития гуманитарной науки в Центральном регионе России. — Брянск, 2003. — С. 51—61.

² Иордан. Ук. соч. — С. 83.

³ Седов В. В. Голядь. — С. 75—84.

на во главе списка, показаны в самом начале предполагаемого великого пути, на Немане¹. Сошлемся здесь, однако, на мнение М. М. Казанского, который считает, что Иорданово *Goltascytha* означает буквально «народы Кельтоскифии, т.е. народы между кельтами на Рейне и скифами на Черном море». Еще раньше им же высказывалось предостережение относительно неправомерности непосредственного отождествления Иордановых народов IV в. *Coldas*, *Merens*, *Morders* с голядьдью, мерей, мордвой, которые упоминаются русскими летописями спустя целых семь веков². Однако, с другой стороны, очевидно, что, например, γαλίνδοι Птолемея Клавдия во I в. н.э. и *Galindite* Петра Дусбурга в XIV в. — это один и тот же народ. Итак, В. Н. Топоров исходит как раз из тождественности меренс и мороденс мере и мордве. Им предполагается такая же реальность Иордановых гольтаскифов, которые должны были находиться юго-западнее этих финно-угорских племен. Он пишет: «...наиболее правдоподобно нахождение *Goltascytha* между Сожем и Десной и несколько далее к востоку...»³ Получается, что Иордановы *Goltascytha* оказываются как раз в белорусско-российском Посожье, в зоне распространения южно-славянско-зарубинецких городищ с аналогичной Почепу культурой.

Сходство обоих этнонимов — *Coldas* и *Goltascytha* — очевидно. Общая их часть хорошо сопоставляется с балтским *gal-as'* — конец, край⁴. Получается, что *Coldas*, *Goltas*. — это, буквально, «живущие на краю», т.е. украинцы. Кстати, это вполне соответствует окраинному по отношению к остальному балтскому массиву местоположению не только галиндов близ Мазурии, но и «мощинцев» в полукольце финно-угорских па-

¹ Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. — С. 30 рис. 3.

² Kazanski M. Les arctoi gentes es «l'empire» d'Hermanaric. — P. 76.

³ Топоров В. Н. Еще раз о *Goltascytha* у Иордана (*Getica*. 116): к вопросу северо-западных границ древнеиранского ареала // Славянское и балканское языкознание. Проблема языковых контактов. — М., 1983. — С. 46.

⁴ Топоров В. Н. Галиды в Западной Европе // Балто-славянские исследования 1982. — М., 1983. — С. 129.

мятников, а также «юхновцев» на рубеже скифо-сарматской лесостепи. В славянском мире точно такие же названия распространялись явно независимо друг от друга: польская *Krajna*, между Кашубией и Великопольшей, *Krajina* словенская, между Штирией и Фриулом, Война Крайна («военная граница») с 1630 г. в Хорватии, «Казанская украина» в Среднем Поволжье XVI в. и, наконец, «сибирская украина» («Во Сибирской во украине, во Даурской стороне...») XVII в. Поэтому нет никакой необходимости пытаться и далее как-нибудь увязать прибалтийских галиндов с летописной голядью XI—XII вв. и видеть в ней конечный результат грандиозной миграции из отдаленных западнобалтских земель¹. Впрочем, данная гипотеза В. В. Седова уже давно была поставлена под сомнение. Ему, по мнению В. Н. Топорова, удалось удачно объяснить появление мощинской культуры (*Goltascytha* → *Coldas*), но причины «исхода галиндов» из Прибалтики якобы в глубь восточноевропейской лесной зоны так и остались в тени². Но то же самое можно сказать и относительно второй части Иорданова этнонима, *Scytha*. Несомненно, что в его основе *Σκίθαι*, древнегреческое наименование скифов, иноназвание, соединенное с аутентичным балтским *Golthe* явно искусственно. Попытаемся понять, почему же книжник финала античности счел нужным сделать это добавление. Первоначально первая часть двойного этнонима *Goltascytha* связывалась В. В. Седовым с пришлым компонентом в составе почепской культуры, а именно с носителями зарубинецкой культуры. Как он считал тогда, она возникла вследствие переселения в конце I тысячелетия до н.э. на Припять выходцев из западнобалтских земель, примыкавших к самому Балтийскому морю³. Однако впоследствии свое прежнее мнение о не просто балтском, а именно западнобалтском происхождении зарубинецкой культуры исследователь кардинально переменял. Соглас-

¹ Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. — С. 42.

² Там же. — С. 131.

³ Седов В. В. Гидронимия голяди. — С. 137.

но новой точке зрения В. В. Седова, в отличие от сложившегося на милоградском субстрате верхнеднепровского, среднеднепровский локальный вариант ее представлял собой прямое продолжение местной культуры скифского времени. Кроме культурной, предполагалась также и полная этническая и лингвистическая преемственность. При этом ираноязычность предзарубинецкого населения Среднего Поднепровья явно рассматривалась им как нечто само собой разумеющееся. В дальнейшем тот же самый этнос в лице зарубинецких переселенцев из Киевщины распространился на север — северо-восток, включая Подесенье, где в результате взаимодействия с местным населением складывается новая археологическая культура. «В свете рассмотренных археологических данных, — писал В. В. Седов, — голтескифов следует отождествлять с населением киевской культуры, в составе которого были балтоязычные голды (голяди) и скифы — ираноязычные потомки скифо-зарубинецкого населения Среднего Поднепровья»¹.

Итак, если сначала мигрантам отводилась первая часть этнонима *Golthescytha*, то потом уже вторая, и притом без всякого объяснения такой рокировки этнических ролей. Ясно, однако, что вызвал это, в конечном счете, переход В. В. Седова на позиции старинного автохтонизма. Его точка зрения фактически совпала с излагавшейся еще В. В. Хвойкой. Культуру, открытую им на могильнике в Зарубинцах в 1899 г., В. В. Хвойка точно так же, как впоследствии В. В. Седов, представлял в качестве непосредственного продолжения местной «скифской», которую лишь слегка изменило кельтско-латенское влияние, достигшее Киевщины ближе к рубежу христианской эры². Согласиться с такой переменной

¹ Седов В. В. Голтескифы // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. Доклады науч. конф. посл. 60-летию Е. А. Горюнова (Санкт-Петербург, 14—17 ноября 2000 г.). — СПб., 2004. — С. 90.

² Хвойка В. В. Краткие сообщения о раскопках // Известия императорской Археологической комиссии. — СПб., 1901. — С. 174—182.

мешает довольно многое. Хотя бы то, что, по мнению исследователей, могильник Чаплин на Верхнем Днестре демонстрирует более тесные зарубинецко-позднескифские связи, чем однокультурные ему среднеднепровские памятники. И это несмотря на гораздо меньшую удаленность последних от Нижнего Поднепровья и Крыма¹. Соотношение явно должно быть иным, если бы жители зарубинецких городищ Киевщины принадлежали к тому же самому скифо-иранскому этносу, что и граждане Неаполя Скифского. Давно известно, однако, что на самом деле все было иначе. Вне внимания В. В. Седова почему-то осталось классическое положение скифоведения: Σκίϋαι γεωργοί на Среднем Днестре были «скифами» лишь номинально. Они — потомки местного земледельческого населения, в корне отличные от покоривших их кочевых пришельцев с Востока. От них это дозарубинецкое население переняло многие элементы культуры, особенно воинской всаднической, но отнюдь с ними не ассимилировалось². Подробности завоевания Среднего Поднепровья изучены С. А. Скорым, установившим, что в конце VII в. до н.э. ираноязычные номады проникают на Киевщину и подчиняют ее себе. Здесь ими был возведен монументальный курган Перепахтиха, в котором «царское» погребение кочевого предводителя окружено могилами «слуг» из числа зависимого местного населения³. Абсолютно ничего общего с их скифо-иранской культурой обитатели зарубинецких городищ Киевщины, конечно же, не имели, и иметь не могли. Итак, очевидно, что явно не удалось обосновать наличие в зарубинецкой культуре какого-то особенного ее варианта, отличавшегося от всех остальных благодаря своему иранскому этносу. Никаких «скифов-зарубинцев», вопреки В. В. Седову, скифология не знает. Само собой отпадает его допущение о будто бы «смешанном балто-иранском облике племен киевской культуры». В принципе, этноним *Golthescytha* в IV в. н.э. мог соответствовать также и ей, однако вторая его часть явно требует другого объяснения.

¹ Щукин М. Б., Еременко В. Е. Ук. соч. — С. 153.

² Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Ук. соч. — С. 229.

³ Скорый С. А. Ук. соч. — С. 69—75.

Чтобы его найти, надо расстаться с укоренившимся представлением, что подобными композитными этнонимами обозначается исключительно смешанное по происхождению население. Действительно, «эллиногалаты» внутри Малой Азии, были, по Диодору, потомками браков галатов с гречанками — Ἑλληνογάλατοι (Oioa., V: 32). Но предполагать подобную метисацию со скифами оказалось невозможным не только для Верхнего, но даже и для Нижнего Поднепровья. На Днелро-Бугском лимане около Ольвии похожим композитом Ἑλλήνες Σκίυαι обладали Геродотовы каллипиды (Herod., IV: 17). Эти Καλλιπίδαι, или, по-гречески, «прекрасноконные», были, согласно В. М. Отрешко, самыми настоящими скифами-кочевниками как в этнолингвистическом, так и культурном отношении. Но лишь потому, что они кочевали между лиманами с греческими поселениями на побережьях, «отец истории» исключительно по территориальному принципу именует их «эллино-скифами»¹. Аналогичные книжные этнонимы-компози́ты коллегами Геродота употреблялись и употребляются до сих пор. например, «гапло-римляне», «романо-бритты»². Оба означают, в первую очередь, романизацию, т.е. отнюдь не смешение с римскими завоевателями (особенно в Британии), а прежде всего усвоение их культуры. Точно такое же содержание имела скифизация обитателей не только лесостепи на Среднем Днепре, но и лесов на Верхнем. При этом скифизация юхновской культуры зашла настолько далеко, что под ее влиянием кардинально изменилась даже такая консервативная и интимная сфера, как погребальная обрядность. Примером здесь может служить могильник VI—V вв. до н.э. у села Долинское в Южной Черниговщине. Это уже не захоронения результатов кремации в стороне, в небольшой круглой ямке, а фунтовые могилы с трупоположениями вместе со скифскими металлическими ук-

¹ Отрешко В. М. Каллипиды, ализоны и поселения Нижнего Побужья // Сов. археология. — 1981. — № 1. — С. 27—40.

² Куланж де Ф. История общественного строя древней Франции. Т. 2. — СПб., 1904. — С. 633; Диллон М., Чедвик Н. История кельтских королевств. — М., 2006. — С. 71. 82.

решениями¹. Юхновское Долинское из-за совпадения обрядности даже было ошибочно причислено к памятникам лесостепной скифоидной культуры². Зато удалось точно установить, во-первых, что юхновской культуре соответствуют именно Геродотовы Βουθῖνοι, и, во-вторых, что эти будины не менее определенно помещаются «отцом истории» не вне, а внутри Скифии. Вот как далеко зашла скифизация будущей территории Goltthescytha примерно за тысячелетие до упоминания их Иорданом³. По-видимому, употребленный готским историком композитный этноним обладал одним характерным для таких же «книжных» свойством архаизации. Например, византийские писатели XII—XIII вв. очень редко пользовались терминами «Русь» и «русские», предпочитая называть их «скифами», «тавро-скифами», «киммерийцами» и т.д.⁴

Итак, юхновское древнебалтское население, прямые потомки которого потом непосредственно поучаствовали в славяногенезе в качестве очень важной его составляющей, очевидно, древнегреческое Σκίθαι/ Scytha для самоназвания не использовали, и, скорей всего, даже не подозревали о том, что кто-то там их так называет. Их именем собственным было, видимо, исконное балтское, записанное как Coldas / Goltas.

§ 5. И, НАКОНЕЦ, СЛАВЯНЕ...

Мощинским потомкам обитателей почепских селищ удалось сохранить этническую и языковую непрерывность, несмотря на предпринятое в самом конце III в. массовое переселение на северо-восток. Но в бассейне Верхней Волги эти

¹ Мельниковская О. Н. Первые сведения о погребальном обряде у племен юхновской культуры. — С. 53.

² Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Ук. соч. — С. 344.

³ Рассадин С. Е. Северные соседи Великой Скифии. — С. 149.

⁴ Бибиков М. В. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII—XIII вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. 1980. — М., 1981. — С. 43.

днепровские балты по-прежнему остались такой же голядью. Этому способствовало, по-видимому, тождество лесных ландшафтов Подесенья и Поочья. Согласно Л. Н. Гумилеву, как мы уже отмечали, в однородном монотонном ландшафте, наподобие, например, полесского, новые этносы вообще никогда не возникают. И в самом деле, очевидно, что источник развития заключается не в однообразии, а, скорее, в разнообразии. Ландшафтное разнообразие дает возможность хозяйственно-экономической специализации с последующей кооперацией, интенсификации разнообразных связей внутри этнической системы. Как оригинальный этнос казанские татары формируются, в частности, именно в таком вот мозаичном ландшафте Прикамья, где лесные, лесостепные и степные территории давали возможность основать земледельческое, земледельческо-скотоводческое и скотоводческое хозяйство различного типа. Климат мягче и почвы еще плодороднее в лесостепи и степи Украинского Левобережья. И как раз именно там, между Средним Днепром и верхним течением Северского Донца, уже в IV в. н.э., по О. М. Приходнюку, складывается славянская пеньковская культура. Но разнообразие ей придавали, по мнению исследователя, также и внешние культурные влияния: из лесной зоны распространялось колочинское, из степной — кочевническое¹. Согласно Р. В. Терпиловскому, среди переходных киевско-пеньковских памятников Нижнего Подесенья имеются керамические формы, близкие к пражским². Согласно М. Б. Щукину, «пражско-корчакская культура сложилась где-то на Левобережье, а на запад проникла уже в готовом виде»³. Судьбой этих основателей пражской культуры и стало освоение «славянской прародины» в Полесье. Колочинская, пеньковская и пражская культуры слишком близки между собой, чтобы

¹ Приходнюк О. М. Ук. соч. — С. 72.

² Терпиловский Р. В. Ранние славяне Подесенья III—V вв. — С. 79.

³ Щукин М. Б. О трех путях археологического поиска предков раннеисторических славян. Перспективы третьего пути. — С. 116.

допускать их происхождение из нескольких, а не из одного источника.

Процесс этногенеза направляют, разумеется, не только природные или культурные, но и политические факторы. Вот как, например, старинной кавказской легендой объясняется разделение единого вайнахского этноса на галгаи (ингушей) и нохчо (чеченцев). Будто бы одни тейпы, собравшись в Чечен-ауле, решили и дальше воевать с Россией, а собравшиеся у горы Ингуш — наоборот, не воевать. В действительности, около аула Ангушт 22 августа 1810 г. представители шести горских фамилий принесли присягу на верность российскому престолу, поклявшись в ней не только Богом всемогущим, но и «почитаемым нами за святость кумиром, находящимся в горах, именуемым Гольерд»¹. Со временем ингушские и чеченские аулы оказались отделенными друг от друга Кавказской линией из казачьих станиц и армейских крепостей. В конце концов, разница в политической ориентации повлекла не только нарастание взаимной неприязни, но также и лингвистических различий. При этом считается, что «ингушский диалект первичен, а чеченский произведен от него»². Итак, данная ситуация, безусловно, напоминает обусловившую начало балто-славянской дифференциации, причем роль «чеченцев» тогда досталась, конечно, не балтам. Кто по примеру предков продолжал мирно сеять полбу и пшеницу, а рогатины и самострелы использовал лишь на охоте, остался голядь. Но кто с этим дедовским укладом порвал, те, конечно, преобразились. «Это, — писал Л. Н. Гумилев, — всегда происходит так: в одном-двух поколениях появляется некоторое количество персон, не мирящихся с ограничениями, которые охотно сносили их деды. Они требуют себе

---

¹ Костоев Б. Кавказский меридиан. К вопросу русско-осетино-ингушских отношений и чеченского урегулирования. — М., 2003.

² Ферх Б. Философская основа присяги божественного правосудия галгаев // <http://www.ingusheliya.ru>

места в жизни, соответствующего их талантам, энергии, подвигам, удачам, а не заранее предназначенного...»¹ Итак, часть носителей той же самой киевской культуры (или их ближайших потомков) вышли прямо в открытую гуннскую степь. О таких же удалцах в романе «Петр Первый» А. Н. Толстого сказано: «На привольном юге не в сумеречного домового — верили больше в кривую саблю и в доброго коня».

Разумеется, удача была далеко не всем. Довольно много молодцев живо оказалось на аркане и в ясырях у кочевников. Кто-то, как мы видели, угодил даже в Паннонию, принудительно став гуннским кормильцем... Так или иначе, а их связи с лесными голядскими родичами тоже оказались навсегда утраченными. С другой стороны, в гуннов они тоже не превращались. Не зря же Прииск называл их не Οὔννι, а Σκνθαί (Prisc., fr. 39—40). Точно так же и их восточноазиатские коллеги, живя среди хуннов, с ними никак не смешивались, оставаясь их «цзелу»². Кому повезло с гуннами больше, те превратились, буквально, в их антов. Принятие чужого этнонима с дружественным значением несколько не удивительно, скорее, наоборот. Так, в истории запечатлилось имя воинственнейших германцев — *Simbri*, *Kimbroi*. Но оно, однако, вовсе не германское. И по сей день коренные жители Уэльса тоже именуют себя также *Сутгу*, что на их кельтском языке означает «соплеменники». Не до конца выясненной остается этимология субэтнонима «казакъ» — ясно только, что он не славянский, а тюркский, как и Прокопиево "Αντοι. «Гуннский нрав» его антов помогают понять параллели XVI—XVIII вв. Тогда происходил активный процесс аккумуляции, причем такие татарские элементы, как тактика степного конного боя (знаменитая атака «левой»), вооружение (вплоть до арканов), одежда (бешметы, казакины, папахи), бритье головы и бороды и т.д. Восприняты были и соот-

¹ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. — С. 441.

² Гумилев Л. Н. Хунны в Китае. — С. 26.

ветствующие нравы. «Запорожье, — пишет В. Е. Возгрин, — вообще резко отличалось от России, жило по своим законам и морали, в которых было гораздо больше точек соприкосновения и даже сходства с соседним крымско-татарским миром, чем принято считать»¹. Есть основания полагать, что примерно так же и там же, где тысячелетие спустя развивалась казачья консорция, развивалась и антская консорция (объединение людей с одной и той же судьбой). Складывающийся однохарактерный быт и возникающие семейные связи превращают ее в конвексию, т.е. в гораздо более устойчивое объединение². Дело, однако, вовсе не в звучных терминах, которых так много у Л. Н. Гумилева. Дело в том, что именно так обычно складываются этносы. В том числе, и самые ранние из славян.

---

¹ Возгрин В. Е. Исторические судьбы крымских татар. — М., 1992.

² Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. — СПб., 2002. — С. 122.

О г л а в л е н и е

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ПРЕДИСЛОВИЕ.....	15
ГЛАВА 1. ПЕРВЫЕ ПОИМЕННО.....	29
§ 1. Их ИМЕНА ДРЕВНЕГЕРМАНСКИЕ.....	29
§ 2. ИМЕНА АЛАНСКИЕ.....	49
§3. СЛАВЯНЕ С «NOMINE HUNNORUM».....	59
ГЛАВА II. НА ГРАНИЦЕ СО СТЕПЬЮ.....	64
§ 1. ГУННЫ-ДРУЗЬЯ.....	64
§ 2. «ДРУНГ».....	77
ГЛАВА III. У ПОДНОЖИЯ КАРПАТ.....	106
§ 1. «ВЕДЬ ЭТО— НАШИ ГОРЫ...»?.....	106
§2. ВЕНЕТЫ.....	134
ГЛАВА IV. РОДИНА— ОДНА.....	167
§ 1. НА ВОЛГЕ?.....	167
§2. Или НА ПРИПЯТИ?.....	210
ГЛАВА V. СЛАВЯНОГЕНЕЗ.....	223
§ 1. НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ПРЯМЫХ.....	223
§ 2. БАСТАРНЫ.....	232
§3. «ПОХИЩЕНИЕ САБИНЯНОК?».....	248
§ 4. Готы.....	275
§5. И, НАКОНЕЦ, СЛАВЯНЕ.....	282

Научное издание

РАССАДИН Сергей Евгеньевич

**ПЕРВЫЕ СЛАВЯНЕ
СЛАВЯНОГЕНЕЗ**

Художник Феликс Кряжев

Ответственный за выпуск *В. В. Попов*

Подписано в печать 06.03.2008. Формат 84X108¹/₃₂ Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,12. Тираж 2000 экз. Заказ 644.

Белорусский Экзархат — Белорусская Православная Церковь.
ЛИ № 02330/0056967 от 30.04.2004.

Республика Беларусь, 220004, Минск, ул. Освобождения, 10;
тел. 254-79-56, 254-79-57; тел./факс 254-79-58.

E-mail: ibe@mail.by

Издано при участии ООО «Харвест». ЛИ № 02330/0056935 от 30.04.2004.

Республика Беларусь, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

E-mail редакции: harvest@anitex.by

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».

Республика Беларусь, 220013, Минск, пр. Независимости, 79.